

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

2025 Том 22 № 4

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Bakushkin I.A., Ershova R.V.** Predictors and correlates of spiritual well-being: The role of Schwartz's basic individual values (Предикторы и корреляты духовного благополучия: роль базовых индивидуальных ценностей Шварца)..... 635
- Ozhiganova G.V.** Productive life activity, spiritual abilities and subjective well-being: Research on Russian university students (Взаимосвязь продуктивной жизнедеятельности, духовных способностей и субъективного благополучия российских студентов) 655
- Gofman O.O., Shumeiko E., Nikiforov G.S.** Workplace risks for IT professionals associated with barriers to healthy behavior: A review of international research in the context of the Healthy Workplace Model (Риски рабочего места ИТ-специалистов и их связь с барьерами здорового поведения: обзор зарубежных исследований в контексте модели «Здорового рабочего места»)..... 671
- Мурзина Ю.С., Позняков В.П., Русяева И.А., Кулагин А.В.** Связь семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере семейного бизнеса 692

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ

- Константинов В.В., Осин Р.В.** Интеграция и адаптация мигрантов в современном мире: переосмысление классических моделей и поиск новых решений 714
- Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш., Гнездилов А.Н., Голубкова А.Е., Трошина К.К., Григорьев Д.С.** 4-компонентный опросник стилей мышления (4-КОСМ): адаптация и валидизация в России 734

ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Паршутина Л.А., Слободчиков И.М.** Проблемы подготовки и адаптации выпускников непедагогических вузов к педагогической деятельности в Российской Федерации 756
- Власов Ю.Н., Аллахвердиева Л.М., Сморчкова В.П., Ковалев П.А.** Педагогическая модель развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков: разработка и адаптация 781

МИРОВАЯ НАУКА В ЛИЦАХ

- Слабинский В.Ю.** Вера Зигель — сильная женщина в роковые времена: к 140-летию со дня рождения..... 795

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Курilenko Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка № 5, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии, Хьюстонский университет, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека, Бейлорский медицинский колледж, Хьюстон, США
E-mail: elena.grigorenko@times.uh.edu

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, член-корреспондент МАНПО, Москва, Российская Федерация
E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор Института психологических исследований, Лувенский католический университет, Лувен-ла-Нев, Бельгия

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, Париж, Франция

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Нью Вильям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи, Колледж Белойта, Белойта, США

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук, Университет Силезии в Катовице, Катовице, Польша

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, Джуно, Аляска, США

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор факультета менеджмента, Университет «Юнион – Никола Тесла», Сремски Карловцы, Сербия

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии, Университет Фордхэм, Нью-Йорк, США

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редактор англоязычных текстов *Ю.Н. Бирюкова*

Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2025. Выход в свет 27.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,6. Тираж 500 экз. Заказ № 1671. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2025 VOLUME 22 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

CONTENTS

PERSONALITY AND CONTEMPORARY CHALLENGES

- Ivan A. Bakushkin, Regina V. Ershova.** Predictors and correlates of spiritual well-being: The role of Schwartz's basic individual values 635
- Galina V. Ozhiganova.** Productive life activity, spiritual abilities and subjective well-being: Research on Russian university students 655
- Olga O. Gofman, Elena Shumeiko, German S. Nikiforov.** Workplace risks for IT professionals associated with barriers to healthy behavior: A review of international research in the context of the Healthy Workplace Model 671
- Julia S. Murzina, Vladimir P. Poznyakov, Irina A. Rusyaeva, Artem V. Kulagin.** Correlation between family relationships and entrepreneurial intentions of youth in family business context 692

CURRENT TRENDS IN PERSONALITY RESEARCH

- Vsevolod V. Konstantinov, Roman V. Osin.** Integration and adaptation of migrants in the modern world: Rethinking classical models and searching for new solutions 714
- Albina Gallyamova, Elizaveta Komyaginskaya, Alexander Gnezdilov, Angelina Golubkova, Xenia Troshina, Dmitry Grigoryev.** 4-Component Thinking Styles Questionnaire (4-CTSQ): Adaptation and validation in Russia 734

PERSONALITY IN CONTEMPORARY EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- Lyudmila A. Parshutina, Ilya M. Slobodchikov.** Problems of training and adaptation of non-pedagogical university graduates to teaching activities in the Russian Federation 756
- Yuri N. Vlasov, Leila M. Allakhverdieva, Valentina P. Smorchkova, Pavel A. Kovalev.** A pedagogical model for developing competences required for specialists in children's recreational institutions to foster life safety culture in children and adolescents: Designing and testing 781

PERSONS OF GLOBAL SCIENCE

- Vladimir Yu. Slabinsky.** Vera Siegel: A strong woman in fateful times. On the 140th anniversary of her birth 795

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language No. 5, Russian Language Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, University of Houston, Houston, USA, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, Baylor College of Medicine, Houston, USA

E-mail: elena.grigorenko@tames.uh.edu

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychological Sciences Research Institute, University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, Paris College of Art, Paris, France

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of School of Psychology, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Moscow, Russian Federation

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, University of Silesia in Katowice, Katowice, Poland

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, Beloit College, Beloit, USA

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, University of Silesia in Katowice, Katowice, Poland

Lilia K. Raitzkaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russian Federation

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, Juneau, Alaska, USA

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, Fordham University, New York, USA

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, Faculty of Management, University "Union – Nikola Tesla", Sremski Karlovci, Serbia

Copy Editor *I.L. Pankratova*
English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*
Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются / размещаются на платформах: Белый список РЦНИ, РИНЦ на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Цель и тематика

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

5.3.2. Психофизиология (психологические науки);

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки);

5.3.7. Возрастная психология (психологические науки);

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS.

Функционирует сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in White List of RCSI, Russian Index of Science Citation (Core Collection), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Aim and Scope

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-635-654

EDN: OSMBZX

UDC 159.9

Research article

Predictors and Correlates of Spiritual Well-Being: The Role of Schwartz's Basic Individual Values

Ivan A. Bakushkin^{1,2}, Regina V. Ershova¹¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation² Department of Missionary Work and Youth Affairs of the Kolomna Diocese, Kolomna, Russian Federation ioann_85@mail.ru

Abstract. Spiritual well-being is an important facet of mental health, but its motivational foundations in basic personal values remain poorly understood. The purpose of this study was to examine associations between spiritual well-being and basic individual values identified by S.H. Schwartz on a large Russian-speaking sample. To this end, a cross-sectional online survey conducted in 2024, including 959 persons (females = 79.4%, $M_{age} = 38.6$, $SD = 14.0$). Spiritual well-being was assessed with the *Spiritual Well-Being Scale* (religious and existential subscales), and values were measured with the revised *Portrait Values Questionnaire* (PVQ-R2R). Spearman's correlation analysis and stepwise multivariate linear regression models were used to identify robust value correlates of total spiritual well-being and its components. The participants reported predominantly moderate-to-high spiritual well-being, with religious aspects predominating over existential ones. At the bivariate level, spiritual well-being was most strongly and consistently associated with community- and stability-oriented values (e.g., interpersonal conformity, security, tradition, and universalistic facets) and inversely associated with self-enhancement- and pleasure-oriented values (e.g., power, hedonism, and achievement). In multivariate models, interpersonal conformity emerged as the most stable positive predictor for all the components studied; additional unique negative effects for selected value facets (e.g., components of universalism and achievement) appeared after the shared variance among intercorrelated values had been accounted for. Overall, the findings suggest that spiritual well-being in this context is primarily anchored in relational harmony, prosocial orientation, and preservation motives rather than status- or pleasure-seeking priorities.

Key words: spiritual well-being scale, spiritual well-being, religious well-being, existential well-being, portrait value questionnaire, values, basic individual values

Introduction

Well-being is commonly defined as a favorable evaluation of one's life and functioning and is widely regarded as a key indicator of mental health (Ellison, 1983). Values, in turn, are relatively stable motivational constructs that express

© Bakushkin I.A., Ershova R.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

what individuals consider important and worth striving for and thus guide goal-setting, decision-making, and behavior (Schwartz, 2015). Because values organize life priorities and regulate long-term pursuits, they are a plausible psychological basis of well-being (Schwartz & Sortheix, 2018). Therefore, clarifying this connection is of both theoretical and applied importance.

Shalom H. Schwartz's theory of basic individual values offers a comprehensive account of motivational goals that guide behavior across cultures. Values are organized into a circumplex structure defined by four higher-order dimensions: Self-Transcendence versus Self-Enhancement and Conservation versus Openness to Change. Within this space, more specific value types (e.g., security, conformity, tradition, benevolence, universalism, power, achievement, and hedonism) represent distinct motivational emphases that are nonetheless systematically interrelated (Cieciuch et al., 2014; Schwartz & Cieciuch, 2022).

A vast literature links basic individual values to multiple indicators of well-being — subjective (Schwartz & Sortheix, 2018), emotional (Boer, 2017), hedonic, eudaimonic (Joshani & Ghaedi, 2009), and domain-specific forms of functioning (Bergin, 1991). Empirical research increasingly suggests that values related to growth, self-transcendence, and openness to change tend to promote eudaimonic functioning and psychological flourishing, whereas values emphasizing self-enhancement or anxiety-driven self-protection may be associated with lower well-being, depending on the context and available resources (Bojanowska & Piotrowski, 2021). Recent studies underscore that these associations are not homogeneous but are mediated by personality traits, socio-economic circumstances, and culture, and that values exert their influence especially when they are manifested in everyday behavior (Bojanowska & Kaczmarek, 2022a; Bojanowska & Urbańska, 2021). At the same time, the adaptiveness of specific value dimensions depends on the context. For example, research on motivational self-regulation shows that a focus on prevention tends to be consistent with conservation values and oppose openness to change, whereas a focus on promotion is more strongly associated with openness to change and negatively correlates with some conservation values (Wolfin & Sneddon, 2025).

Emerging intervention research further suggests that helping people translate personally significant values into concrete actions can reliably improve both hedonic and eudaimonic well-being by increasing self-insight, coherence, and meaningful engagement in life (Bojanowska et al., 2022c; Russo-Netzer & Atad, 2024).

Within this broader field, spiritual well-being occupies a distinctive place. In psychology it is typically conceptualized as an individual's experienced sense of meaning and purpose, together with a felt connection to something transcendent or greater than the self. Building on the seminal work that distinguished religious and existential dimensions of spiritual well-being (Ellison, 1983), subsequent research has confirmed its multidimensionality and its role as a central component of overall health and adaptation in diverse groups, including patients with severe illness, older adults, teachers, and organ donors (Gunes et al., 2025; Heidari et al., 2022; Khodarahimi et al., 2021; Liaquat et al., 2013). Spiritual well-being has been shown to correlate with hope, resilience in the face of suffering, and reduced psychological distress, and to function as a resource that supports coping, identity, and meaning-making across cultures (Al-Thani, 2025; Carson et al., 1988; Villani et al., 2019).

Empirical studies examining values and religiosity or spirituality together reveal systematic patterns. Across many cultural contexts, religious involvement and spiritual commitment are positively associated with Conservation values (security, conformity, tradition) and Self-transcendence values (benevolence, some facets of universalism), and negatively associated with Self-enhancement and hedonistic values (Saroglou et al., 2004). These patterns reflect the well-being literature and suggest that religious and spiritual orientations are often consistent with other-focused and stability-oriented motives and conflict with competitive, dominance-oriented, or unrestricted pleasure-seeking orientations (Bojanowska & Piotrowski, 2021; Krishnan & Rahim, 2014).

Despite this growing evidence, the specific associations between spiritual well-being and basic human values remain poorly understood. Existing studies on values and well-being have primarily focused on hedonic and eudaimonic indicators — such as life satisfaction, emotional balance, and psychological flourishing — rather than on spiritual aspects of well-being (Bojanowska & Piotrowski, 2021, Joshanloo & Ghaedi, 2009). However, theoretical accounts of eudaimonia and existential functioning suggest that striving for value-congruent, self-transcendent, and meaning-oriented goals should be especially relevant for spiritual well-being, which centrally encompasses issues of life purpose, coherence, and one's relationship to transcendent reality (Bojanowska & Piotrowski, 2021; You & Lim, 2019).

Against this background, *the present study* examines spiritual well-being through the lens of Schwartz's theory of basic individual values (Schwartz, 2006, 2015). Schwartz's universal typology, which includes ten value categories — security, conformity, tradition, benevolence, universalism, self-direction, stimulation, hedonism, achievement, and power — offers a theoretically grounded framework for differentiating value orientations that can either promote or hinder spiritual flourishing. By focusing on spiritual, rather than solely on general subjective or psychological, well-being, this work seeks to clarify the value foundations of spiritual well-being and to contribute to the integration of value theory with contemporary understandings of spirituality and health (Al-Thani, 2025; Ellison, 1983).

The purpose of this study is to examine the relationship between spiritual well-being and basic individual values, as conceptualized in S.H. Schwartz's value theory.

Accordingly, the study addresses the following *research question*:

How are different basic value orientations related to overall spiritual well-being and its specific dimensions?

Methods

Research Design and Procedure

This study investigated relationships between spiritual well-being and basic individual values, consistent with previous studies linking spirituality and value orientations to psychological functioning. The study employed a cross-sectional analytical design comparable to recent research on spiritual well-being and psychological outcomes. The data were collected online in 2024 using a structured

self-report questionnaire. Invitations containing a description of the study and a link to the survey were distributed via VKontakte and Telegram on pages and channels targeted at university students, Orthodox Christian communities, and thematic interest groups.

The study protocol complied with ethical standards for psychological research on human participants, including voluntary participation, anonymity, and the right to withdraw without penalty. Informed consent was obtained electronically before completion of the survey.

Participants

A total of 959 respondents completed all the key measures and were included in the analyses (females = 761 (79.4%) males = 198 (20.6%), mean age = 38.6 ± 14 years). Of the participants, 341 (35.6%) were unmarried, 500 (52.1%) were married, and 118 (12.3%) were divorced; 577 (60.2%) had children; 129 (13.5%) had completed secondary education, 203 (21.2%) had secondary vocational education, 45 (4.7%) had incomplete higher education, and 582 (60.7%) had higher education degrees. In terms of religious affiliation, the majority of the participants (87.5%) identified themselves as Christian ($n = 839$). Additional groups included: followers of the Slavic Native Faith ($n = 4$); atheists ($n = 2$); spiritual but unaffiliated (believers in God but not professing any particular religion, $n = 41$); non-religious (not professing any religion, $n = 5$); and others ($n = 15$). This diversity reflects the use of a non-denominational measure of spiritual well-being that has been applied to heterogeneous religious samples.

Measures

Spiritual Well-Being. Spiritual well-being was assessed using the 20-item *Spiritual Well-Being Scale* (SWBS) developed by Paloutzian and Ellison (1982) to differentiate religious and existential dimensions of spiritual well-being. The version used here was adapted into Russian by Bakushkin and Ershova (2025); confirmatory factor analysis supported its two-factor structure in the present context (CFI = 0.88). The items are rated on a 6-point Likert scale from 1 = *Strongly agree* to 6 = *Strongly disagree*, after appropriate reverse scoring where required.

The SWBS yields:

- The *Religious Well-Being Scale* (RWBS), including 10 items, ranging from 0 to 60, indexing the perceived quality of a person's relationship with God (the transcendent dimension). Scores of 10–20 indicate dissatisfaction or tension in the relationship with God, 21–49 reflect moderate religious well-being, and 50–60 represent high religious well-being;

- The *Existential Well-Being Scale* (EWBS), including 10 items, ranging from 0 to 60, indexing perceived life meaning, purpose, and satisfaction independent of explicit reference to a higher power (the immanent dimension). Scores of 10–20 indicate low life satisfaction and an unclear life purpose, 21–49 moderate satisfaction and purpose, and 50–60 high satisfaction and a clear sense of purpose.

A *total spiritual well-being score* (the sum of RWBS and EWBS; ranging from 0 to 120) was also computed. Consistent with previous SWBS studies, total

scores of 20–40 were interpreted as low, 41–99 as moderate, and 100–120 as high spiritual well-being. The SWBS is non-denominational and has been widely used in religious, interfaith, and non-religious populations to capture both religious and existential aspects of spirituality.

Basic individual values. The basic individual values were measured using the revised *Portrait Values Questionnaire, PVQ-R2R* (PVQ-57), based on Schwartz's refined theory of 19 basic human values (Schwartz et al., 2012). The questionnaire consisted of 57 items, with three items representing each value type. The respondents indicated how similar the described person was to themselves on a 6-point scale, ranging from 1 (not at all like me) to 6 (very much like me). The following 19 value dimensions were assessed: Self-Direction: Thought (SDT), Self-Direction: Action (SDA), Stimulation (ST), Hedonism (HE), Achievement (AC), Power: Dominance (POD), Power: Resources (POR), Face (FAC), Security: Personal (SEP), Security: Societal (SES), Tradition (TR), Conformity: Rules (COR), Conformity: Interpersonal (COI), Humility (HUM), Universalism: Concern (UNC), Universalism: Nature (UNN), Universalism: Tolerance (UNT), Benevolence: Caring (BEC), Benevolence: Dependability (BED). The adapted version of the PVQ-R2R demonstrated acceptable overall fit in the present sample ($CFI = 0.903$), consistent with the data on the cross-cultural validity of the refined values model.

Statistical Analysis

All the analyses were conducted in R, version 4.5.1 (R Foundation for Statistical Computing). *Descriptive statistics* were presented as absolute and relative frequencies for categorical variables, as mean (\pm standard deviation) and median (1st and 3rd quartiles) for continuous variables with symmetric distribution, and as median (1st and 3rd quartiles) otherwise. *Bivariate associations*: associations between quantitative variables were assessed using Spearman's rank correlation coefficient with corresponding 95% confidence intervals. *Multivariable modeling*: a multivariate linear regression model was conducted to identify the most robust set of predictors. The predictor variables were selected via a bidirectional stepwise algorithm based on adjusted R^2 . The initial model for the stepwise procedure was the univariate model demonstrating the highest explanatory power (R^2). The key assumptions of the final linear regression model, including homoscedasticity, independence of residuals, and absence of multicollinearity (assessed using the Variance Inflation Factors, $VIF < 5$), were verified and met. All the tests were two-tailed, and statistical significance was set at ($p < 0.05$).

Results

Spiritual Well-Being Scale

The *Religious Well-Being Scale* (RWBS), reflecting the perceived relationship with God, showed a mean of 49.8 ($SD = 11.9$), with a median of 54 ($Q1 = 47$, $Q3 = 58$). High levels of religious well-being were reported by 68.6% of the participants; 26.6% reported moderate levels and 4.8% reported low levels.

The *Existential Well-Being Scale* (EWBS), reflecting life satisfaction and sense of purpose, showed a mean of 47.0 ($SD = 8.1$), with a median of 48 ($Q1 = 42$, $Q3 = 53$). Moderate existential well-being was the most common (56.4%), while 43.1% of the respondents reported high levels and 0.5% reported low levels.

The *Overall Spiritual Well-Being Scale* (SWBS), calculated from the total score, had a mean of 96.8 ($SD = 16.7$), with a median of 100 ($Q1 = 89$, $Q3 = 109$). High spiritual well-being was observed in 52.5% of the respondents, 47.2% reported moderate levels and 0.3% reported low levels. The descriptive statistics for the SWBS and its subscales are summarized in Table 1.

Table 1

Descriptive statistics for the main indicators of the Spiritual Well-Being Scale (N = 959)

Indicators	M (\pm SD)	Median (Q1 Q3)
Spiritual well-being (SWB)	96.8 (\pm 16.7)	100 (89 109)
Religious well-being (RWB)	49.8 (\pm 11.9)	54 (47 58)
Existential well-being (EWB)	47 (\pm 8.1)	48 (42 53)

Table 2 presents the distribution of basic individual values (PVQ-R2R). The respondents' value profile was characterized by a strong emphasis on Self-Transcendence and Conservation, with a comparatively less emphasis on Self-Enhancement and Openness to Change. At the higher-order level, Conservation (C) and Self-Transcendence (ST) showed the highest mean scores, followed by Openness to Change (OC), while Self-Affirmation (A) was the least common.

The most common values (means ≥ 5) were: Universalism: Concern (UNC), Universalism: Nature (UNN), Security: Personal (SEP), Conformity: Interpersonal (COR). Taken together, these scores indicated a pronounced commitment to the well-being of all people and nature, a strong need for personal safety and stability, and a marked tendency to avoid harming or upsetting near and dear ones. The second cluster of relatively important values (means = 4.5–4.9) included: Security: Societal (SES), Universalism: Tolerance (UNT), Conservation (C), Self-Direction: Action (SDA), Self-Direction: Thought (SDT), Tradition (TR), Face (FAC). These patterns suggested a joint prioritization of societal stability and tolerance, along with a qualified endorsement of independent thought and action, respect for traditions, and concern for maintaining one's social image.

The moderately important values (means = 4.0–4.4) were: Humility (HUM), Benevolence: Caring (BEC), Conformity: Rules (COR), Benevolence: Dependability (BED), Openness to Change (OC, composite), Benevolence values were clearly present but somewhat less central than universalism, indicating a somewhat stronger focus on the societal well-being than on exclusive concern for near and dear ones. Overall openness to change was moderate, partly limited by lower scores on stimulation and hedonism.

The least important values (means < 3.5) were: Power: Resources (POR), Power: Dominance (POD), Achievement (AC), Stimulation (ST), Hedonism (HE). These results indicated that social power, dominance, personal success as defined by social standards, and pleasure- or excitement-seeking were relatively unimportant motivators for this group.

Taken together, the findings indicated that the respondents prioritized collective welfare, security, and preservation over power, achievement, and hedonistic or stimulation-oriented pursuits.

Table 2

Descriptive statistics for Schwartz's basic individual values (Portrait Value Questionnaire, PVQ-R2R) (N = 959)

Values	M (\pm SD)	Median (Q1 Q3)
Self-Direction: Thought (SDT)	4.5 (\pm 1)	4.7 (4.0 5.3)
Self-Direction: Action (SDA)	4.6 (\pm 0.9)	4.7 (4.0 5.3)
Stimulation (ST)	3.5 (\pm 0.9)	3.7 (3.0 4.3)
Hedonism (HE)	3.5 (\pm 1.2)	3.7 (2.7 4.3)
Achievement (AC)	3.4 (\pm 1.2)	3.3 (2.7 4.3)
Power: Dominance (POD)	2.6 (\pm 1.2)	2.3 (1.7 3.3)
Power: Resources (POR)	2.5 (\pm 0.1)	2.3 (1.7 3.3)
Face (FAC)	4.4 (\pm 1.1)	4.7 (3.7 5.3)
Security: Personal (SEP)	5.1 (\pm 1.0)	5.3 (4.7 6.0)
Security: Societal (SES)	4.8 (\pm 0.9)	5 (4.3 5.7)
Tradition (TR)	4.5 (\pm 1.1)	4.7 (3.7 5.3)
Conformity: Rules (COR)	4.4 (\pm 1.1)	4.3 (3.7 5.3)
Conformity: Interpersonal (COI)	5.0 (\pm 1.0)	5.3 (4.3 6.0)
Humility (HUM)	4.3 (\pm 1.0)	4.3 (3.7 5.0)
Universalism: Concern (UNC)	5.2 (\pm 0.9)	5.3 (4.7 6.0)
Universalism: Nature (UNN)	5.2 (\pm 0.9)	5.3 (4.7 6.0)
Universalism: Tolerance (UNT)	4.7 (\pm 0.9)	5.0 (4.0 5.3)
Benevolence: Caring (BEC)	4.3 (\pm 1.1)	4.3 (3.7 5.0)
Benevolence: Dependability (BED)	4.2 (\pm 1.0)	4.3 (3.3 5.0)
Openness to Change (OC)	4.0 (\pm 0.7)	4.0 (3.5 4.5)
Self-Affirmation (A)	3.3 (\pm 0.9)	3.2 (2.7 3.8)
Conservation (C)	4.7 (\pm 0.7)	4.7 (4.2 5.1)
Self-Transcendence (ST)	4.6 (\pm 0.7)	4.7 (4.2 5.2)

Table 3 presents the Spearman correlations between the SWBS components (Religious Well-Being, RWB; Existential Well-Being, EWB; total Spiritual Well-Being, SWB) and the 19 PVQ-R2R value scales.

The *Religious Well-Being Scale* (RWBS) correlated positively with several PVQ-R2R value dimensions. The strongest positive correlations (0.50–0.30) were observed for Conformity: Interpersonal (COI), Self-Transcendence (ST), Conservation (C), Personal Security (SEP), and Tradition (TR). Moderate positive correlations (0.35–0.25) emerged with all the three universalistic facets (UNC, UNN, UNT) and Humility (HUM). Weaker but significant positive associations (0.30–0.10) were found with Benevolence: Caring (BEC), Benevolence: Dependability (BED), and Self-Direction: Action (SDA).

In contrast, the RWBS showed strong negative correlations (–0.35 to –0.30) with Power: Dominance (POD), Hedonism (HE), and Self-Affirmation (A), and moderate negative associations (–0.25 to –0.20) with Achievement (AC) and Power: Resources (POR). Small negative correlations were also observed with Openness to Change (OC) and Stimulation (ST).

The *Existential Well-Being Scale* (EWBS) showed a similar but generally weaker pattern. The strongest positive correlations (0.30–0.25) were associated

with Conformity: Interpersonal (COR), Tradition (TR), and Self-Transcendence (ST). Moderate positive correlations (0.28–0.18) were observed for universalistic facets (UNC, UNN, UNT) and Conservation (C). Weaker positive links (0.20–0.10) were found with Benevolence: Caring (BED), Benevolence: Dependability (BED), Personal Security (SEP), Societal Security (SES), and Self-Direction: Action (SDA).

Negative correlations for EWB were moderately strong (–0.22 to –0.16) with Power: Dominance (POD), Power: Resources (POR), and Self-Affirmation (A), and weak (–0.10) with Face (FAC) and Hedonism (HE). Achievement (AC) showed no significant association with EWB.

The pattern for overall Spiritual Well-Being (SWB) largely reflected the combination of its two subcomponents. The strongest positive correlates (0.50–0.30) included Conformity: Interpersonal (COR), Self-Transcendence (ST), Universalism: Nature (UNN), Conservation (C), Personal Security (SEP), and Tradition (TR). Moderate positive associations (0.29–0.25) were observed with Benevolence: Caring (BED), Universalism: Concern (UNC), Universalism: Tolerance (UNT), Conformity: Rules (COR), and Humility (HUM). Weaker positive correlations (0.20–0.10) were found with Benevolence: Dependability (BED), Societal Security (SES), and Self-Direction: Action (SDA).

Higher importance placed on self-enhancement and pleasure-oriented values was associated with lower levels of SWB. The strongest negative correlations (–0.34 to –0.29) were observed for Power: Dominance (POD) and Self-Affirmation (A), followed by moderate negative correlations (–0.25 to –0.19) with Hedonism (HE), Power: Resources (POR), and Achievement (AC).

Taken together, these correlations indicated that SWB in this sample was most strongly anchored in communal, prosocial, and stability-oriented values (Self-Transcendence and Conservation) and inversely related to self-focused, status- and pleasure-oriented values (Self-Enhancement). Values emphasizing openness, novelty, and autonomy showed weak or non-significant associations with spiritual well-being, with the exception of small negative correlations with religious well-being.

Table 4 presents the multivariate regression model for Religious Well-Being (RWB) estimated using stepwise predictor selection and evaluated by adjusted R^2 . The comparison model included only Conformity: Interpersonal (COR) as a predictor; the final model retained COR, Security: Personal (SEP), Universalism: Concern (UNC), Tradition (TR), and Openness to Change (OC). In the final model, RWB was positively predicted by Conformity: Interpersonal ($\beta = 4.49$, 95% CI [3.75, 5.23], $p < 0.001$) and Security: Personal ($\beta = 0.82$, 95% CI [0.12, 1.52], $p = 0.022$). In contrast, Universalism: Concern ($\beta = -1.10$, 95% CI [–1.91, –0.29], $p = 0.008$) and Openness to Change ($\beta = -1.59$, 95% CI [–2.50, –0.68], $p < 0.001$) were significant negative predictors of RWB. Tradition (TR) remained in the final model but did not show a statistically significant unique effect on RWB (see Table 4 for full coefficients and model fit indices).

Table 3

Spearman's rank correlation coefficients with 95% confidence intervals between the main indicators of the *Spiritual Well-Being Scale* and Schwartz's basic individual values (PVQ-R2R) (N = 959)

Variables	Religious Well-being (RWB)	Existential Well-being (EWB)	Spiritual Well-being (SWB)
Self Direction: Thought (SDT)	0.04 [0.03; 0.1]	0.09 [0.03; 0.15]**	0.06 [0; 0.12]
Self Direction: Action (SDA)	0.12 [0.06; 0.18]***	0.1 [0.04; 0.16]**	0.11 [0.04; 0.17]***
Stimulation (ST)	0.08 [-0.14; -0.02]*	0.01 [0.05; 0.07]	0.06 [0.13; 0]
Hedonism (HE)	0.31 [0.36; 0.25]***	0.08 [0.15; 0.02]*	0.25 [0.31; 0.19]***
Achievement (AC)	0.23 [0.28; 0.16]***	0.06 [0.12; 0]	0.19 [0.25; 0.13]***
Power: Dominance (POD)	0.35 [0.4; 0.29]***	0.22 [0.28; 0.16]***	0.34 [0.39; 0.28]***
Power: Resources (POR)	0.23 [0.29; 0.17]***	0.16 [0.22; 0.1]**	0.23 [0.29; 0.17]***
Face (FAC)	0 [0.06; 0.06]	0.1 [0.16; 0.04]**	0.05 [0.11; 0.01]
Security: Personal (SEP)	0.33 [0.28; 0.39]***	0.2 [0.14; 0.26]***	0.32 [0.26; 0.38]***
Security: Societal (SES)	0.14 [0.08; 0.2]**	0.1 [0.03; 0.16]**	0.14 [0.07; 0.2]**
Tradition (TR)	0.29 [0.23; 0.34]***	0.27 [0.21; 0.32]***	0.31 [0.25; 0.36]***
Conformity: Rules (COR)	0.28 [0.22; 0.34]***	0.16 [0.1; 0.22]***	0.26 [0.2; 0.32]***
Conformity: Interpersonal (COI)	0.5 [0.45; 0.55]***	0.3 [0.24; 0.35]***	0.49 [0.44; 0.54]***
Humility (HUM)	0.27 [0.21; 0.33]***	0.15 [0.09; 0.21]***	0.25 [0.19; 0.3]**
Universalism: Concern (UNC)	0.28 [0.22; 0.34]***	0.2 [0.14; 0.26]***	0.28 [0.22; 0.34]***
Universalism: Nature (UNN)	0.35 [0.29; 0.4]**	0.28 [0.22; 0.34]***	0.35 [0.29; 0.4]**
Universalism: Tolerance (UNT)	0.29 [0.23; 0.35]***	0.18 [0.12; 0.24]***	0.27 [0.21; 0.33]***
Benevolence: Caring (BEC)	0.3 [0.24; 0.35]***	0.2 [0.14; 0.26]***	0.29 [0.23; 0.35]***
Benevolence: Dependability (BEB)	0.17 [0.11; 0.23]***	0.2 [0.14; 0.26]***	0.2 [0.14; 0.26]***
Openness to Change (OC)	0.1 [0.16; 0.04]**	0.03 [0.03; 0.1]	0.07 [0.13; 0]*
Self-Affirmation (A)	0.31 [0.37; 0.25]***	0.17 [0.23; 0.1]**	0.29 [0.35; 0.23]**
Conservation (C)	0.36 [0.3; 0.41]***	0.21 [0.15; 0.27]***	0.34 [0.28; 0.39]***
Self-Transcendence (ST)	0.38 [0.32; 0.43]***	0.28 [0.22; 0.34]***	0.37 [0.32; 0.43]***

* $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$; *** $p \leq 0.001$

Table 4

Multivariate Predictors of the Religious Well-Being Subscale (N = 959)

Predictor	β	95% CI	p	VIF
Free member	17.60	–	–	–
Conformity: Interpersonal (COR)	4.49	3.75; 5.23	< 0.001	2.20
Security: Personal (SEP)	0.82	0.12; 1.52	0.022	1.84
Universalism: Concern (UNC)	1.10	1.91; 0.29	0.008	1.91
Tradition (TR)	0.56	1.14; 0.02	0.059	1.55
Openness to Change (OC)	1.59	2.5; 0.68	< 0.001	1.70

Table 5 presents the multivariate regression model for Existential Well-Being (EWB) derived using stepwise predictor selection and evaluated by adjusted R^2 . The comparison (null) model included Conformity: Interpersonal (COR), Tradition (TR), Face (FAC), Stimulation (ST), and Universalism: Tolerance (UNT) from the PVQ-R2R; the final model retained this set and yielded the following unique effects. Positive predictors of EWB: Conformity: Interpersonal (COR): $\beta = 0.89$, 95% CI [0.40, 1.39], $p < 0.001$; Tradition (TR): $\beta = 0.46$, 95% CI [0.04, 0.89], $p = 0.034$. Negative predictors of EWB: Face (FAC): $\beta = -1.00$, 95% CI [-1.37, -0.62], $p < 0.001$;

Universalism: Tolerance (UNT): $\beta = -0.67$, 95% CI $[-1.19, -0.14]$, $p = 0.013$. All the coefficients represent the adjusted associations of each value dimension with EWB, controlling for the other predictors in the model. Complete estimates and fit indices are provided in Table 5.

Table 5

Multivariate Predictors of Existential Well-Being Subscale (N = 959)

Predictor	β	95% CI	p	VIF
Free member	16.6	–	–	–
Conformity: Interpersonal (COR)	0.89	0.4; 1.39	< 0.001	1.70
Tradition (TR)	0.46	0.035; 0.89	0.034	1.47
Universalism: Tolerance (UNT)	0.67	1.19; 0.14	0.013	1.70
Face (FAC)	1.00	1.37; 0.62	< 0.001	1.27
Stimulation (ST)	0.42	0.86; 0.02	0.061	1.17

Table 6 presents the final multivariate regression model for Spiritual Well-Being (SWB), derived using stepwise predictor selection and evaluated by adjusted R^2 . The model retained five PVQ-R2R predictors: Conformity: Interpersonal (COR), Security: Personal (SEP), Universalism: Concern (UNC), Universalism: Tolerance (UNT), and Achievement (AC). COR emerged as the only significant positive predictor of SWB ($\beta = 5.39$, 95% CI $[4.36, 6.41]$, $p < 0.001$). In contrast, UNC ($\beta = -1.85$, 95% CI $[-3.00, -0.71]$, $p = 0.002$), UNT ($\beta = -1.31$, 95% CI $[-2.32, -0.30]$, $p = 0.011$), and AC ($\beta = -0.90$, 95% CI $[-1.61, -0.20]$, $p = 0.012$) showed significant negative associations with SWB. Security: Personal (SEP) did not exhibit a statistically significant unique effect in the multivariate model ($\beta = 0.74$, 95% CI $[-0.23, 1.72]$, $p = 0.136$).

Table 6

Multivariate Predictors of Spiritual Well-Being Scale (N = 959)

Predictor	β	95% CI	p	VIF
Free member	32.5	–	–	–
Conformity: Interpersonal (COR)	5.39	4.36; 6.41	< 0.001	2.13
Security: Personal (SEP)	0.74	0.23; 1.72	0.136	1.79
Universalism: Concern (UNC)	1.85	3; 0.71	0.002	1.93
Universalism: Tolerance (UNT)	1.31	2.32; 0.3	0.011	1.82
Achievement (AC)	0.90	1.61; 0.2	0.012	1.51

Discussion

The participants reported predominantly moderate to high spiritual well-being, with particularly high levels of Religious Well-Being (RWB) and somewhat lower, though still mostly moderate to high, levels of Existential Well-Being (EWB). This distribution is consistent with Ellison's original conceptualization of spiritual well-being as consisting of vertical (religious, God-related) and horizontal (existential, meaning-related) dimensions that may vary in level and correlates across populations (Ellison, 1983), as well as with the findings that religious forms of spiritual well-being can be widely maintained in religiously based contexts, whereas existential satisfaction is more dependent on broader psychosocial and contextual resources (Bulkley et al., 2013; Edmondson et al., 2008; Khiyali et al., 2023; McLouth

et al., 2021). A similar distinction between religious and existential components has been shown in clinical and community samples, where existential well-being is often more strongly associated with psychological outcomes such as quality of life and risk of depression than religious well-being *per se* (Edmondson et al., 2008; Florez et al., 2018; Maselko et al., 2009). Studies using instruments structurally related to the SWBS (e.g., FACIT-Sp, SAIL-SF) also highlight that meaning/peace is a particularly powerful correlate of quality of life and adaptation in medical and community samples (Bohlmeijer et al., 2023; Kim et al., 2011; Park et al., 2024; Sun et al., 2016).

Schwartz's value profile indicates a clear priority for Self-Transcendence (especially universalism) and Conservation (security, conformity, tradition), as well as a de-emphasis on Self-Enhancement (power, achievement) and stimulation/hedonism. This hierarchy is consistent with cross-cultural research on basic individual values, which shows reliable higher-order dimensions and the frequent co-endorsement of self-transcendence and conservation in more community-oriented or religious contexts (Broeck et al., 2015).

Correlational analyses have revealed that spiritual well-being (and its RWBS and EWBS components) is most strongly and consistently associated with community- and stability-oriented values: Conformity: Interpersonal, Conservation, Personal and Societal Security, Tradition, and universalistic facets. In contrast, Self-enhancement (Power, Achievement) and Hedonism were negatively related to Spiritual well-being. This profile is consistent with a growing literature distinguishing “healthy” values — self-transcendence and, in some contexts, conservation — from more self-focused, status-oriented values that often predict lower hedonic and eudaimonic well-being (Bojanowska & Kaczmarek, 2022a; Broeck et al., 2015). The pattern is also consistent with research that has identified spiritual well-being as a psychological resource associated with hope, resilience, and lower distress in diverse populations such as cancer patients, teachers, clergy, and trauma-exposed groups (Florez et al., 2018; Heidari et al., 2022; Khiyali et al., 2023; Lee & Fung, 2024; Liaquat et al., 2013).

Taken together, the present findings support the view that, in this context, spirituality is normatively embedded in a value system that emphasizes care for others, social harmony, and security, while conflicting with competitive, dominance-oriented, and pleasure-seeking motives (Ahrens et al., 2010; Carlucci et al., 2015; Wong-McDonald & Gorsuch, 2004).

Religious Well-Being has exhibited the strongest associations with Conservation values and specific self-transcendent facets. Conformity: Interpersonal (COR) emerges as the most robust positive correlate and the strongest unique predictor of RWB, closely followed by Security: Personal (SEP) in multivariate models controlling for overlapping value domains. This pattern suggests that experiencing a close, benevolent relationship with God is tightly associated with the value of relational harmony, avoiding harm to near and dear ones, and maintaining personal security and predictability. This is consistent with research on relational spirituality and humility as resources for eudaimonic well-being among religiously engaged groups (Ruffing et al., 2021).

These findings resonate with relational and trust-based models of religiosity and spiritual well-being, in which spiritual flourishing is based on strong attachment to a benevolent God and internalized moral relatedness rather than on autonomy or novelty seeking (Ellison, 1983; Wong-McDonald & Gorsuch, 2004). They also cohere with research indicating that intrinsic, internalized religious orientations rooted in a stable religious identity are positively associated with spiritual well-being among Christians (Shin, 2014). In this literature, narrative indicators of a deeply internalized religious identity and intrinsically motivated religious coping are consistently related to higher spiritual well-being and life satisfaction (Wong-McDonald & Gorsuch, 2004). The weaker and insignificant unique contribution of Tradition to RWB in multivariate regression, despite its positive bivariate association, likely reflects its shared variance with Conformity and Security. For many respondents, the value of Tradition may serve as a vague marker of the same normative, relationship-oriented religiosity that is more accurately reflected by Interpersonal Conformity and Personal Security.

Existential Well-Being (EWB) has demonstrated a generally similar, albeit somewhat weakened, pattern relative to RWB: positive correlations with Conformity: Interpersonal, Tradition, Preservation, Universalism, Benevolence, and Security, and negative correlations with Power and Hedonism. In the multivariate model, Interpersonal Conformity and Tradition remain significant positive predictors, while Face and Universalism: Tolerance show negative unique effects.

The prominence of Interpersonal Conformity across all the models suggests that a core experiential component of SWB in this population is the commitment not to harm or disrupt near and dear ones. This resonates with qualitative and quantitative evidence showing that in many cultural and religious contexts spirituality is manifested primarily through relational responsibilities — care for family, community, and vulnerable others — rather than solely through abstract belief systems (Alrashidi et al., 2022; Bulkley et al., 2013; Khiyali et al., 2023). It is also consistent with evidence that spiritual well-being and related constructs (e.g., spiritual intelligence) are strongly associated with prosocial orientations and relational functioning in health and care contexts (Ahrens et al., 2010; Alrashidi et al., 2022; Ramesh et al., 2021).

The negative unique associations of Achievement and certain universalistic facets with SWB in the regression models should not be interpreted as direct evidence that striving for competence or caring for all people diminishes spiritual well-being. Rather, these effects arise within a highly intercorrelated cluster of prosocial and conservation values. The positive bivariate correlations between Universalism and SWB largely reflect their shared variance with conformity and security in supporting a generally prosocial, unselfish lifestyle. Once these relational and protective components are controlled, the remaining variance in Universalism and Achievement may indicate relatively more individualistic, future-oriented, or performance-focused attitudes (e.g., broad social justice concerns, striving for personal success), which in this cultural context may counteract more local, role-bound, and norm-maintaining forms of spirituality. Similar suppressing or “repositioning” effects have been documented when closely related value scales are

simultaneously entered into predictive models of hedonic and eudaimonic well-being: self-transcendent and conservation values generally enhance well-being, but their unique effects may reverse sign after overlapping variance is partialled out (Bojanowska & Kaczmarek, 2022a; Bojanowska & Kaczmarek, 2022b). These findings highlight the importance of modeling higher-order value dimensions and using methods (e.g., structural equation modeling, relative weight analysis) that explicitly account for multicollinearity among PVQ-R2R scales when examining value–spirituality relations (Johnson, 2000; Mitchell & Alexandrova, 2021; Morris, 1981).

At the level of total Spiritual Well-Being (SWB), the correlational structure largely replicates the RWB and EWB patterns: strong positive relationships with Interpersonal Conformity, Self-Transcendence, Conservation, and Security, and negative associations with Power, Self-Affirmation, Achievement, and Hedonism. However, in the multivariate model, Conformity: Interpersonal emerges as the only significant positive predictor, while Achievement, Universalism: Concern, and Universalism: Tolerance show significant negative unique effects.

The prominence of Interpersonal Conformity across all the models suggests that a core experiential component of SWB in this population is the commitment not to harm or disrupt near and dear ones. This resonates with qualitative evidence suggesting that, in many cultural and religious settings, spirituality is manifested primarily through relational responsibilities — such as care for family and community — rather than solely through abstract belief systems (Irawati et al., 2023; Heidari et al., 2022).

The negative unique associations of Achievement and some universalistic facets with SWB should not be interpreted simply as indicating that striving for achievement or caring for all people reduces spirituality. Rather, these effects emerge within a highly intercorrelated cluster of prosocial and conservation values. Once the shared variance with Conformity and Security is partialled out, higher scores on Universalism and Achievement may indicate a relatively more individualistic, future-oriented, or performance-focused attitudes (e.g., striving for competence, broad social justice, or global concerns) which in this context may counteract more local, role-bound, and submissive aspects of religiously framed life. Similar suppressing or “repositioning” effects of Universalism and Achievement have been reported when closely related value scales are simultaneously entered into predictive models of well-being and adaptation (Broeck et al., 2015).

One of the more striking findings is that Universalism: Concern and Universalism: Tolerance, although positively correlated with SWB, become negative predictors in the presence of Interpersonal Conformity and Security. This apparent contradiction is likely due to multicollinearity among the prosocial and conservation values. Bivariate correlations reflect the shared variance between Universalism and Conformity/Security in support of a generally prosocial and unselfish lifestyle. However, multivariate coefficients indicate the unique variance of Universalism after the relational and protective components of Conformity and Security are accounted for.

The remaining variance in Universalism may then reflect a more cosmopolitan, justice-oriented, or critical attitude toward existing norms — an orientation that, in this particular religious context, may be less tightly integrated with conventional spirituality or even mildly tension-laden with norm-maintaining religiosity. Similar conceptual results have been obtained where EWB or SWB is more strongly predicted by internally integrated spirituality than by more abstract or socially critical beliefs (Edmondson et al., 2008; Fabricatore et al., 2000).

This interpretive nuance highlights the importance, for value–spirituality research, of modeling higher-order value dimensions and testing the robustness of results using methods that explicitly account for the shared variance (e.g., structural equation modeling) rather than relying solely on parallel regressions with numerous intercorrelated PVQ-R2R scales.

The findings are tempered by several *limitations*.

First, the cross-sectional design precludes causal inferences: values may shape spiritual well-being, but spiritual experiences and religious socialization may also gradually reshape value priorities. Longitudinal and experimental studies are needed to clarify directionality of these findings, consistent with recent research showing reciprocal relations between spirituality, self-related constructs, and well-being over time (Lee & Fung, 2024).

Second, the study is conducted in a specific religious and cultural context, where high RWBS and strong conservation values may be normative. Previous research using the *Spiritual Well-Being Scale* and related instruments suggests that both the structure of spiritual well-being and its correlates can vary by ethnicity, religiosity, and sociocultural environment (Ellison, 1983; Liu et al., 2022). Therefore, cross-cultural replications, including non-religious and religiously diverse samples, are needed to test the generalizability of the identified value–spirituality configurations.

Third, the extensive intercorrelations among PVQ-R2R value scales increase the likelihood of unstable regression estimates. Future research would benefit from (1) directly modeling higher-order value factors (e.g., Self-transcendence, Conservation, Self-enhancement, Openness to Change); (2) using structural equation modeling to separate measurement error from shared variance; and (3) exploring potential non-linear or interactive effects (e.g., whether the impact of achievement on spirituality depends on the level of benevolence or universalism).

Conclusions

Overall, the findings indicate that, in this sample, spiritual well-being — both religious and existential — is deeply rooted in communal, prosocial, and preservation-oriented values and is inversely related to self-enhancement and pleasure-oriented motivations. This configuration aligns well with theoretical accounts of spiritual well-being as a domain of well-being that integrates a sense of relationship with the transcendent, coherence of life meaning, and embeddedness in moral and relational frameworks (Ellison, 1983). By considering spiritual well-

being within the context of a specific motivational value structure, the study contributes to a more nuanced understanding of how spirituality is lived and maintained, and where potential tensions with contemporary value emphases on achievement, status, and autonomy may arise.

References

- Ahrens, C.E., Abeling, S., Ahmad, S., & Hinman, J.A. (2010). Spirituality and well-being: The relationship between religious coping and recovery from sexual assault. *Journal of Interpersonal Violence*, 25(7), 1242–1263. <https://doi.org/10.1177/0886260509340533>
- Al-Thani, H. (2025). Religion and spiritual well-being: A qualitative exploration of perspectives of higher education faculty in Qatar and its challenge to western well-being paradigms. *Frontiers in Psychology*, 16, 1549863. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1549863>
- Alrashidi, N., Alreshidi, M., Dator, W., Maestrado, R., Villareal, S., Buta, J., Pangket, P., Mostoles, R., Gonzales, A., Mina, E., & An, E.P. (2022). The mediating role of spiritual intelligence on well-being and life satisfaction among nurses in the context of the COVID-19 pandemic: A path analysis. *Behavioral Sciences*, 12(12), 515. <https://doi.org/10.3390/bs12120515>
- Bakushkin, I.A., & Ershova, R.V. (2025). Russian-language adaptation of the questionnaire “Scale of spiritual Well-Being” (Spiritual Well-Being Scale). *Perspectives of Science and Education*, 74(2), 393–409. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2025.2.25>
- Bergin, A.E. (1991). Values and religious issues in psychotherapy and mental health. *American Psychologist*, 46(4), 394–403. <https://doi.org/10.1037//0003-066x.46.4.394>
- Bohlmeijer, E., Frielingsdorf, L., Kraiss, J., Jager-Meezenbroek, E.D., Visser, A., & Klooster, P.T.T. (2023). Spirituality in the context of well-being. Evaluation of the psychometric properties and added value of the Spiritual Attitude and Involvement List Short Form (SAIL-SF). *Journal of Happiness Studies*, 24(3), 1169–1190. <https://doi.org/10.1007/s10902-023-00640-8>
- Boer, D. (2017). Values and affective well-being: How culture and environmental threat influence their association. In S. Roccas & L. Sagiv (Eds.), *Values and behavior: Taking a cross-cultural perspective* (pp. 191–218). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56352-7_9
- Bojanowska, A., & Kaczmarek, Ł.D. (2022a). How healthy and unhealthy values predict hedonic and eudaimonic well-being: Dissecting value-related beliefs and behaviours. *Journal of Happiness Studies*, 23(1), 211–231. <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00396-z>
- Bojanowska, A., & Kaczmarek, Ł.D. (2022b). Correction to: How healthy and unhealthy values predict hedonic and eudaimonic well-being: Dissecting value-related beliefs and behaviours. *Journal of Happiness Studies*, 23(7), 3691–3691. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00556-9>
- Bojanowska, A., Kaczmarek, Ł.D., Urbańska, B., & Puchalska, M. (2022c). Acting on values: A novel intervention enhancing hedonic and eudaimonic well-being. *Journal of Happiness Studies*, 23(8), 3889–3908. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00585-4>
- Bojanowska, A., & Piotrowski, K. (2021). Two levels of personality: Temperament and values and their effects on hedonic and eudaimonic well-being. *Current Psychology*, 40(3), 1185–1193. <https://doi.org/10.1007/s12144-018-0043-0>
- Bojanowska, A., & Urbańska, B. (2021). Individual values and well-being: The moderating role of personality traits. *International Journal of Psychology*, 56(5), 698–709. <https://doi.org/10.1002/ijop.12751>

- Broeck, A.V.D., Schreurs, B., Guenter, H., & van Emmerik, I.J.H. (2015). Skill utilization and well-being: A cross-level story of day-to-day fluctuations and personal intrinsic values. *Work & Stress*, 29(3), 306–323. <https://doi.org/10.1080/02678373.2015.1074955>
- Bulkley, J., McMullen, C.K., Hornbrook, M.C., Grant, M., Altschuler, A., Wendel, C.S., & Krouse, R.S. (2013). Spiritual well-being in long-term colorectal cancer survivors with ostomies. *Psycho-Oncology*, 22(11), 2513–2521. <https://doi.org/10.1002/pon.3318>
- Carlucci, L., Tommasi, M., Balsamo, M., Furnham, A., & Saggino, A. (2015). Religious fundamentalism and psychological well-being: An Italian study. *Journal of Psychology and Theology*, 43(1), 23–33. <https://doi.org/10.1177/009164711504300103>
- Carson, V., Soeken, K., & Grimm, P.M. (1988). Hope and its relationship to spiritual well-being. *Journal of Psychology and Theology*, 16(2), 159–167. <https://doi.org/10.1177/009164718801600205>
- Cieciuch, J., Davidov, E., Vecchione, M., Beierlein, C., & Schwartz, S. (2014). The cross-national invariance properties of a new scale to measure 19 basic human values: A test across eight countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(5), 764–776. <https://doi.org/10.1177/0022022114527348>
- Edmondson, D., Park, C.L., Blank, T.O., Fenster, J.R., & Mills, M.A. (2008). Deconstructing spiritual well-being: Existential well-being and HRQOL in cancer survivors. *Psycho-Oncology*, 17(2), 161–169. <https://doi.org/10.1002/pon.1197>
- Ellison, C.W. (1983). Spiritual well-being: Conceptualization and measurement. *Journal of Psychology and Theology*, 11(4), 330–338. <https://doi.org/10.1177/009164718301100406>
- Fabricatore, A.N., Handal, P.J., & Fenzel, L.M. (2000). Personal spirituality as a moderator of the relationship between stressors and subjective well-being. *Journal of Psychology and Theology*, 28(3), 221–228. <https://doi.org/10.1177/009164710002800305>
- Florez, I.A., Allbaugh, L.J., Harris, C.E., Schwartz, A.C., & Kaslow, N.J. (2018). Suicidal ideation and hopelessness in PTSD: Spiritual well-being mediates outcomes over time. *Anxiety Stress & Coping*, 31(1), 46–58. <https://doi.org/10.1080/10615806.2017.1369260>
- Gunes, H., Bulbuloglu, S., & Sarıtaş, S. (2025). Investigation of life satisfaction and spiritual well-being of living liver donors in Turkey. *Current Psychology*, 44(7), 5654–5661. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07605-5>
- Heidari, M., HoseinPour, M.A., Ardebili, M., & Yoosefee, S. (2022). The association of the spiritual health and psychological well-being of teachers with their organizational commitment. *BMC Psychology*, 10(1), 55. <https://doi.org/10.1186/s40359-022-00768-x>
- Irawati, K., Indarwati, F., Haris, F., Lu, J., & Shih, Y. (2023). Religious practices and spiritual well-being of schizophrenia: Muslim perspective. *Psychology Research and Behavior Management*, 16, 739–748. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S402582>
- Johnson, J.W. (2000). A heuristic method for estimating the relative weight of predictor variables in multiple regression. *Multivariate Behavioral Research*, 35(1), 1–19. https://doi.org/10.1207/S15327906MBR3501_1
- Joshanloo, M., & Ghaedi, G. (2009). Value priorities as predictors of hedonic and eudaimonic aspects of well-being. *Personality and Individual Differences*, 47(4), 294–298. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.03.016>
- Kim, Y., Carver, C.S., Spillers, R.L., Crammer, C., & Zhou, E.S. (2011). Individual and dyadic relations between spiritual well-being and quality of life among cancer survivors and their spousal caregivers. *Psycho-Oncology*, 20(7), 762–770. <https://doi.org/10.1002/pon.1778>
- Khiyali, Z., Naderi, Z., Vakil, M., Ghasemi, H., Dehghan, A., & Bijani, M. (2023). A study of COVID anxiety, spiritual well-being and resilience levels in patients with cancer undergoing chemotherapy during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional study in the south of Iran. *BMC Psychology*, 11(1), 75. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01126-1>

- Khodarahimi, S., Ghadampour, E., & Karami, A. (2021). The roles of spiritual well-being and tolerance of uncertainty in prediction of happiness in elderly. *Anales de Psicologia / Annals of Psychology*, 37(2), 371–377. <https://doi.org/10.6018/ANALESPPS.446871>
- Krishnan, M., & Rahim, S.A. (2014). Hubungkait komunikasi kesihatan dengan kesan hirarki isu kesihatan terhadap perubahan amalan gaya hidup sihat. *Jurnal Komunikasi*, 30(1), 140–169. <https://doi.org/10.17576/jkmjc-2014-3001-08>
- Lee, H.-C., & Fung, J. (2024). A cross-lagged longitudinal model of the relationships between self-compassion, spiritual well-being, and burnout among Taiwanese clergy. *Journal of Psychology and Theology*, 53(1), 3–18. <https://doi.org/10.1177/00916471241300156>
- Liaquat, S., Sultan, S., & Husain, I. (2013). New horizon of spiritual well-being and hope among cancer patients: A psychological aspect. *I-Manager's Journal of Educational Psychology*, 6(4), 30–35. <https://doi.org/10.26634/JPSY.6.4.2185>
- Liu, Q., Ho, K.-Y., Lam, K.-K.-W., Lam, W., Cheng, E.-H.-L., Ching, S.-S.-Y., Belay, G.M., & Wong, F.-K.-Y. (2022). Adaptation and psychometric evaluation of the Chinese version of the functional assessment of chronic illness therapy spiritual well-being scale among Chinese childhood cancer patients in China. *Frontiers in Psychology*, 13, 1065854. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1065854>
- Maselko, J., Gilman, S.E., & Buka, S. (2009). Religious service attendance and spiritual well-being are differentially associated with risk of major depression. *Psychological Medicine*, 39(6), 1009–1017. <https://doi.org/10.1017/S0033291708004418>
- McLouth, L.E., Ford, C.G., Pustejovsky, J.E., Park, C.L., Sherman, A.C., Trevino, K., & Salsman, J.M. (2021). A systematic review and meta-analysis of effects of psychosocial interventions on spiritual well-being in adults with cancer. *Psycho-Oncology*, 30(2), 147–158. <https://doi.org/10.1002/pon.5562>
- Mitchell, P., & Alexandrova, A. (2021) Well-being and pluralism. *Journal of Happiness Studies*, 22(6), 2411–2433. <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00323-8>
- Morris, J.D. (1981). Updating the criterion for regression predictor variable selection. *Educational and Psychological Measurement*, 41(3), 777–780. <https://doi.org/10.1177/001316448104100316>
- Paloutzian, R.F., & Ellison, C.W. (1982). Loneliness, spiritual well-being and the quality of life. In L.A. Peplau & D. Perlman (Eds.), *Loneliness: A sourcebook of current theory, research and therapy* (pp. 224–237). New York: John Wiley & Sons.
- Park, C.L., Magin, Z.E., Bellizzi, K.M., & Sanft, T. (2024). Trajectories of cancer survivors' spiritual well-being through the transition from treatment to early survivorship. *Psycho-Oncology*, 33(12), e70040. <https://doi.org/10.1002/pon.70040>
- Ramesh, S., Besharat, M.A., & Nough, H. (2021) Spiritual well-being and coronary artery diseases severity: Mediating effects of anger rumination and worry. *Health Education Journal*, 80(5), 501–512. <https://doi.org/10.1177/0017896920976697>
- Ruffing, E.G., Oleson, D., Tomlinson, J., Park, S.H., & Sandage, S.J. (2021). Humility and relational spirituality as predictors of well-being among Christian seminary students. *Journal of Psychology and Theology*, 49(4), 419–435. <https://doi.org/10.1177/0091647121988968>
- Russo-Netzer, P., & Atad, O.I. (2024). Activating values intervention: an integrative pathway to well-being. *Frontiers in Psychology*, 15, 1375237. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1375237>
- Saroglou, V., Delpierre, V., & Dernelle, R. (2004). Values and religiosity: A meta-analysis of studies using Schwartz's Model. *Personality and Individual Differences*, 37, 721–734. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2003.10.005>

- Schwartz, S.-H. (2006). Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications. *Revue Française de Sociologie*, 47(4), 929–968. <https://doi.org/10.3917/rfs.474.0929>
- Schwartz, S.H. (2015). Basic individual values: Sources and consequences. In D. Sander and T. Brosch (Eds.), *Handbook of Value* (pp. 63–84). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004>
- Schwartz, S.H., Butenko, T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. (In Russ.).
- Schwartz, S.H., & Sortheix, F.M. (2018). Values and subjective well-being. In E. Diener, S. Oishi, & L.Tay (Eds.), *Handbook of well-being* (pp.833–847). Salt Lake City, UT: DEF Publishers.
- Schwartz, S.H., & Cieciuch, J. (2022). Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised portrait value questionnaire. *Assessment*, 29(5), 1005–1019. <https://doi.org/10.1177/1073191121998760>
- Shin, K. (2014). 보육교사의 종교적 안녕과 실존적 안녕이교사의 직무 만족과 삶 만족에 미치는 효과. *한국보육학회지*, 14(4), 87–104. <https://doi.org/G704-SER000008863.2014.14.4.005>
- Sun, V., Kim, J.Y., Irish, T.L., Borneman, T., Sidhu, R.K., Klein, L., & Ferrell, B. (2016). Palliative care and spiritual well-being in lung cancer patients and family caregivers. *Psycho-Oncology*, 25(12), 1448–1455. <https://doi.org/10.1002/pon.3987>
- Villani, D., Sorgente, A., Iannello, P., & Antonietti, A. (2019). The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status. *Frontiers in Psychology*, 10, 1525. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01525>
- You, S., & Lim, S. (2019). Religious orientation and subjective well-being: The mediating role of meaning in life. *Journal of Psychology and Theology*, 47(1), 34–47. <https://doi.org/10.1177/0091647118795180>
- Woltin, K.-A., & Sneddon, J. (2025). Associations between personal values and regulatory focus: A partial replication for basic values and an extension to refined values. *European Journal of Social Psychology*, 55(4), 661–679. <https://doi.org/10.1002/ejsp.3157>
- Wong-Mcdonald, A., & Gorsuch, R.L. (2004). A multivariate theory of God concept, religious motivation, locus of control, coping, and spiritual well-being. *Journal of Psychology and Theology*, 32(4), 318–334. <https://doi.org/10.1177/009164710403200404>

Article history:

Received 30 September, 2025

Revised 25 October, 2025

Accepted 28 October, 2025

For citation:

Bakushkin, I.A., & Ershova, R.V. (2025). Predictors and correlates of spiritual well-being: The role of Schwartz's basic individual values. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 635–654. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-635-654> EDN: OSMBZX

Authors' contribution:

Ivan A. Bakushkin — concept and design of the research, data collection and processing, text writing and editing. Regina V. Ershova — concept and design of the research, methodology, research management, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Ivan A. Bakushkin, Postgraduate Student at the Department of Psychology and Pedagogics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation), Chairman of the Department for Missionary Work and Youth Affairs of the Kolomna Diocese (24A Lazarev St, Kolomna, 140400, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1485-5512; eLibrary SPIN-code: 8640-5865. E-mail: ioann_85@mail.ru

Regina V. Ershova, D.Sc. in Psychology, Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5054-1177; Scopus Author ID: 57205234611; eLibrary SPIN-code: 5277-4559. E-mail: erchovareg@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-635-654

EDN: OSMBZX

УДК 159.9

Исследовательская статья

Предикторы и корреляты духовного благополучия: роль базовых индивидуальных ценностей Шварца

И.А. Бакушкин^{1,2}✉, Р.В. Ершова¹✉

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Отдел по миссионерской работе и делам молодежи Коломенской епархии, Коломна, Российская Федерация
✉ ioann_85@mail.ru

Аннотация. Духовное благополучие является важным аспектом психического здоровья, однако его мотивационные основы и базовые личностные ценности остаются недостаточно изученными. В данном исследовании на большой русскоязычной выборке изучались связи между духовным благополучием и базовыми индивидуальными ценностями, выделенными Ш. Шварцом. В онлайн-исследовании, проведенном в 2024 г., приняло участие 959 участников (79,4% женщин; $M_{\text{возраст}} = 38,6$, $SD = 14,0$). Духовное благополучие измерялось с помощью «Шкалы духовного благополучия» (включает религиозную и экзистенциальную субшкалы), а индивидуальные ценности диагностировались пересмотренным «Портретным ценностным опросником» (PVQ-R2R). Для выявления устойчивых корреляций между индивидуальными ценностями и общим духовным благополучием и его компонентами использовались ранговый корреляционный анализ Спирмена и пошаговые модели множественной линейной регрессии. У большинства участников выявлен преимущественно умеренный или высокий уровень духовного благополучия, при этом религиозное благополучие, как правило, выражено выше экзистенциального. На бивариативном уровне духовное благополучие наиболее сильно положительно связано с межличностным конформизмом, безопасностью, традициями и аспектами универсализма и отрицательно – с ценностями самоутверждения, власти, гедонизма, достижений. В многомерных моделях межличностный конформизм выступил наиболее стабильным позитивным предиктором для всех изучаемых компонентов духовного благополучия. В целом полученные результаты позволяют предположить, что

духовное благополучие в ценностном контексте в первую очередь связано с гармонией в отношениях, просоциальной ориентацией и мотивами сохранения, а не с приоритетами, связанными со стремлением к статусу или удовольствиям.

Ключевые слова: шкала духовного благополучия, духовное благополучие, религиозное благополучие, экзистенциальное благополучие, портретный ценностный опросник, ценности, базовые индивидуальные ценности

История статьи:

Поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.

Доработана после рецензирования 25 октября 2025 г.

Принята к печати 28 октября 2025 г.

Для цитирования:

Bakushkin I.A., Ershova R.V. Predictors and correlates of spiritual well-being: The role of Schwartz's basic individual values // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 635–654. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-635-654> EDN: OSMBZX

Вклад авторов:

И.А. Бакушкин – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, написание и редактирование текста. *Р.В. Ершова* – концепция и дизайн исследования, методология, руководство исследованием, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бакушкин Иван Анатольевич, аспирант кафедры психологии и педагогики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), председатель Отдела по миссионерской работе и делам молодежи Коломенской епархии (Российская Федерация, 140400, Коломна, ул. Лазарева, д. 24А). ORCID: 0000-0003-1485-5512; eLibrary SPIN-код: 8640-5865. E-mail: ioann_85@mail.ru

Ершова Регина Вячеславовна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6). ORCID: 0000-0002-5054-1177; Scopus ID: 57205234611; eLibrary SPIN-код: 5277-4559. E-mail: erchovareg@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-655-670

EDN: ONNZHS

UDC 159.9.072

Research article

Productive Life Activity, Spiritual Abilities and Subjective Well-Being: Research on Russian University Students

Galina V. Ozhiganova Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation* symposium2016@rambler.ru

Abstract. The article examines the productive life activities in various fields and the spiritual and moral aspect of personality (in particular, spiritual abilities), as well as subjective well-being (satisfaction with life and subjective happiness) in Russian university students. The relevance of this study is due to the fact that the issues related to the productive life of students, their spiritual abilities and subjective well-being remain understudied. The purpose of the study is to reveal how these issues are interrelated among Russian university students. The methodological toolkit of the study included: the Spiritual Personality Inventory by A. Husain and M. Anas (adapted into Russian by G.V. Ozhiganova); the Altruistic Attitudes Questionnaire by M.I. Yasin; the Spiritual Orientation of Personality Questionnaire by G.V. Ozhiganova; the Wisdom Diagnostics Questionnaire by N.N. Mekhtikhanova; the Differential Test of Reflection (DTR) by D.A. Leontiev and E.N. Osin; the Metapersonal Self (MPS) Scale by T. DeCicco and M. Stroink (adapted into Russian by O.R. Tuchina); the Satisfaction with Life Scale (SWLS) by E. Diener et al. (adapted into Russian by E.N. Osin and D.A. Leontiev); the Subjective Happiness Scale (SHS) by S. Lyubomirsky and H. Lepper (adapted into Russian by E.N. Osin and D.A. Leontiev); and the Productive Life Activity and Self-Transcendence Questionnaire by G.V. Ozhiganova. The study sample consisted of 171 persons, including 134 females (78.4%) and 37 males (21.6%), aged 17 to 23 years ($M = 19.28$; $SD = 0.98$). All the participants were university students from Moscow. The results have shown a significant positive relationship between students' productive life activities, spiritual abilities, and subjective well-being. A correlation between students' spiritual abilities and subjective well-being has been revealed. The established connection of students' productive life activities with their spiritual abilities and subjective well-being suggests the need to create opportunities for students to develop their spiritual abilities and cultivate the idea of fruitful, productive life activities among them.

Key words: productive life activity, university students, subjective well-being, satisfaction with life, subjective happiness, spiritual and moral aspects of personality, spiritual abilities

© Ozhiganova G.V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

The relevance of the research is determined by the importance of studying issues related to the productive life of students in various fields and the spiritual and moral aspect of their personality, which may be key factors for their well-being. A number of authors, noting the correlation between subjective well-being and higher labor productivity, emphasize the need to conduct more in-depth and comprehensive research in this area and identify specific factors affecting productive activities related to well-being (Isham et al., 2019). Existing research data on the relationship between students' subjective well-being and their productive life activity are contradictory, and there has been no comprehensive study of the correlation between students' productive life (in its various spheres), their spiritual abilities and subjective well-being, which underlines the relevance of this work.

We define productive life activity “as the achievement of success and positive results in activities (educational, professional, social, and creative) and in the main socially and personally significant everyday manifestations of a person's life (in the family, leisure sphere, in the area of self-development)” (Ozhiganova, 2023a, p. 122). For students, academic activity is of particular and primary importance.

The relationship between students' academic performance and well-being has been reflected in several studies. Academic performance was found to be significantly positively correlated with subjective well-being and negatively correlated with depression (Bukhari, Khanam, 2017). A significant positive relationship was established between students' well-being and academic achievements (Bazar et al., 2024). Another study also found a link between academic success and subjective well-being (in a large sample of 600 students from various faculties at a public university in Turkey (Gökalp, 2020).

However, a meta-analysis of studies examining the relationship between students' academic success and well-being found this relationship to be not as clear-cut as previously thought. The results suggested that low-achieving students would not necessarily experience low levels of well-being, and those academically successful would not automatically experience high levels of well-being (Bücker et al., 2018).

Interesting data were obtained from a sample of Russian first-year students of various faculties. Although 71% of the respondents rated their academic and overall life success highly, 57% reported low life satisfaction, demonstrating a below-average level of subjective well-being. Only 15% of them were satisfied with their lives (Samohvalova et al., 2021).

The results of another study of first-year students showed that the group that included the largest number of students who passed all their first-session university exams with excellent grades and the smallest number of students with remaining academic debts had an average level of psychological well-being and happiness and an increased level of personal anxiety (Tikhomirova et al., 2024).

The inconsistent data on the relationship between students' academic performance and subjective well-being prompts us to conduct new research and seek deeper explanations for the empirical findings. It turns out that various factors may be at play.

Of interest are the results of the study by N.A. Lys', O.N. Istratova, and E.V. Golubeva (2023). These authors have found that working students, compared to non-working ones, have a higher level of subjective well-being: they "are calmer, particularly in responding to obstacles and failures, rate their well-being higher, feel more connected to other people, and have a predominantly positive mood" (Lys' et al., 2023, p. 89). The working students are more confident in their own abilities to effectively solve educational tasks and engage in successful social interactions, which indicates their readiness for self-education and self-development. They are also characterized by faith in the friendliness and support of their teachers and fellow students, and they are more satisfied with their daily activities. As a result, it has been found that students who combine their studies with work, despite increased workloads, demonstrate higher academic achievements and subjective well-being (Lys' et al., 2023).

Thus, it can be said that combining work and study can contribute to the productivity of students' life activity and their subjective well-being. At the same time, a study conducted by N.A. Tsvetkova, E.A. Petrova, and D.V. Savchenko (2022) yielded different results. It was found that the 'focus on work' indicator was lower in the group of working students than in the group of non-working students, but the 'focus on communication' indicator was higher; the percentage of those occupying an activist life stance was lower, while those in 'victim' stance was higher; the adequacy of their perception of life was slightly lower than that of the non-working group. The percentage of altruists was also lower than in the non-working group, but the proportion of genuine altruists was higher. The working students generally expressed more empathy than the non-working ones, as they showed greater empathy towards their parents (Tsvetkova et al., 2022). In this study, the unexpected results were due to the fact that the working students had a lower level of 'action-oriented' attitude and showed less adequacy in life perception than the non-working ones. They also had a higher percentage of individuals with a victim mindset and a lower proportion of those with an activist mindset. It is noteworthy that in both studies, the working students were more oriented toward social interaction and positive relationships with others, including displays of friendliness, genuine altruism, and empathy, which are related to the spiritual and moral aspects of personality.

Within the framework of the situational-event approach to the study of the psychological well-being/unwell-being of students, it was shown that a state of unwell-being in students could be caused by various events and situations in life, for example, the most frequently mentioned difficulties were those related to the learning process, adaptation to learning (for first-year students), financial difficulties, and some others; emotional problems, behavioral disorders, difficulties in communication with fellow students and teachers, emerging conflicts, i.e., in general, educational, social, and personal life events could contribute to students' unwell-being (Nartova-Bochaver et al., 2024).

According to a qualitative study by R. Douwes and colleagues (2023), based on semi-structured interviews, students' subjective well-being was associated not only with academic achievements but also with other aspects of their lives. The results

indicated that the students had a holistic, positive perception of well-being, linking their student life to other areas of their lives, believing all the areas to be important for their well-being as students. They emphasized that their well-being was influenced by their relationships with peers within and outside of the educational context, with mentors and teachers, family relationships, and others (Douwes et al., 2023).

Thus, students' productive life activity can be considered not only in terms of their academic success but also more broadly, as their effectiveness in interacting with others (fellow students, friends, parents, and lecturers), as well as in relation to the areas of life activities that may directly affect students outside of academic work, including social, creative or leisure activities, and, to some extent, professional activities (since many students combine their studies with work), as well as self-development. This research perspective, reflecting the holistic life activities of students, seems important and relevant not only for psychological science but also for practice, allowing us to obtain new scientific results and formulate practical recommendations. This is precisely what our study demonstrates. Furthermore, it is necessary to correlate students' productive life activities, considered widely with their spiritual and moral manifestations, as both productivity in various life spheres and spiritual abilities can impact students' subjective well-being. For example, the results of a study by S.V. Persiyantseva (2022) showed that students' psychological well-being could be associated with academic success and with value orientations reflecting their spiritual and moral orientations. It was found that the students with a high level of psychological well-being were characterized by the need for personal growth, the desire to show trust and friendliness in communicating with others, caring and attention towards others, the desire to realize their potential, positive assessments of accumulated experience, *etc.* (Persiyantseva, 2022). The researchers believe that "The value-meaning and spiritual-moral spheres of personality can be considered as the most important resources for professional realization" (Dikaya et al., 2018, p. 142), which is also relevant for students as future professionals.

Research conducted in Russia and abroad has demonstrated the ambiguity of the relationship between students' life productivity and subjective well-being, as well as the important role of the spiritual and moral aspect of personality in their productive life and subjective well-being. This allowed us to formulate the following research questions: (1) whether students' productive life in different fields is related to their spiritual abilities and subjective well-being; and (2) whether there is a connection between students' spiritual abilities and the subjective well-being.

Spiritual and moral manifestations of personality are related to spiritual abilities. Our proposed psychological model of spiritual abilities distinguishes three main components: (1) moral, (2) mental, and (3) transcendent (Ozhiganova, 2009, 2016, 2020). The following constituents of spiritual abilities are presented in this study: 'spiritual orientation of person', 'spiritual and moral qualities', and 'altruism' (the moral component); 'wisdom' and 'reflexivity' (the mental component); 'self-transcendence' and 'spiritual states' (the transcendent component).

The purpose of the study is to identify the relationship between productive life activity, spiritual abilities and subjective well-being among Russian university students.

The research hypotheses are: (1) students' productive life activities are positive related to their spiritual abilities and subjective well-being; (2) students' spiritual abilities are positive related to their subjective well-being.

Methods

Participants

The study sample consisted of 171 persons, including 134 females (78.4%) and 37 males (21.6%), aged 17 to 23 years ($M = 19.28$; $SD = 0.98$). All the participants were university students from Moscow.

Techniques

The following techniques were used:

– The Productivity of Life Activity Scale from the Productive Life Activity and Self-Transcendence Questionnaire (Ozhiganova, 2023a), to assess the *productivity of life activities* in various spheres: education, professional activity, social life, creative activity, family, self-development, and leisure;

– The Spiritual Orientation of Personality Questionnaire (Ozhiganova, 2023b); the Spiritual Personality Inventory by A. Husain and M. Anas (adapted into Russian by G.V. Ozhiganova, 2019); and the Altruistic Attitudes Questionnaire by M.I. Yasin (Yasin, 2020), to study the constituents of the *moral component* of spiritual abilities;

– The Wisdom Diagnostics Questionnaire (Mekhtikhanova, 2022); Systemic Reflection Scale (showing the productive type of reflection) from the Differential Test of Reflection (DTR) (Leontiev, Osin, 2014) to study the constituents of the *mental component* of spiritual abilities ('wisdom' and 'reflexivity');

– The Productive Life Activity and Self-Transcendence Questionnaire (Ozhiganova, 2023a); the Metapersonal Self Scale by T. DeCicco and M. Stroink, adapted into Russian by O.R. Tuchina (2012), reflecting transcendent states: going beyond the self in a sense of unity with other people, all living beings on earth, etc. to study the constituents of the *transcendent component* of spiritual abilities ('self-transcendence' and 'spiritual states');

– The Satisfaction With Life Scale (SWLS) by E. Diener et al. (adapted into Russian by E.N. Osin and D.A. Leontiev, 2020); the Subjective Happiness Scale (SHS) by S. Lubomirsky and H. Lepper (adapted into Russian by E.N. Osin and D.A. Leontiev, 2020) to assess *subjective well-being*.

Data analysis

The Kolmogorov — Smirnov one-sample test, correlation and factor analysis were used for data analysis. Mathematical data processing was carried out using the SPSS 22 software package.

Results

The descriptive statistics of the studied variables (means and standard deviations) are presented in Table 1.

Table 1

Descriptive Statistics for the Studied Variables		
Variables	Mean	Standard deviation
Spiritual Abilities		
Spiritual Orientation of Personality	144.74	21.278
Spiritual and Moral Qualities	103.80	13.073
Altruism	65.42	15.482
Wisdom	109.44	14.328
Reflexivity	36.69	6.137
Self-Transcendence	34.63	7.298
Spiritual States	42.96	9.497
Subjective Well-Being		
Satisfaction with life (SWLS)	23.19	6.664
Subjective happiness (SHS)	19.06	5.258
Productive Life Activity (PLA)		
PLA (total score)	36.13	6.097
PLA-1 (educational activity)	5.04	1.534
PLA-2 (professional activity)	5.94	1.559
PLA-3 (social activity)	3.56	2.126
PLA-4 (creative activity)	5.51	1.685
PLA-5 (family sphere)	5.89	1.299
PLA-6 (area of self-development)	5.53	1.492
PLA-7 (leisure sphere)	4.65	1.787

Note. SWLS = Satisfaction With Life Scale; SHS = Subjective Happiness Scale.

A normal distribution analysis using the one-sample Kolmogorov — Smirnov test revealed that some variables deviate from the normal distribution, namely: ‘spiritual and moral qualities’ ($p = 0.038$); ‘self-transcendence’ ($p = 0.033$); ‘satisfaction with life’ ($p = 0.004$), and ‘subjective happiness’ ($p = 0.000$).

A correlation analysis using the Spearman correlation coefficient (Table 2) revealed a significant positive relationship between the total score of productive life activity (PLA) and all the constituents of spiritual abilities considered, representing all three of their components. In turn, all the constituents of the students’ spiritual abilities (except ‘altruism’ and ‘self-transcendence’) have significant positive correlations with their subjective well-being (with ‘satisfaction with life’ and ‘subjective happiness’).

A more detailed analysis of the correlations between the seven spheres of PLA (educational activity, professional activity, social activity, creative activity, family sphere, self-development area, and leisure sphere) and the constituents of each component of spiritual abilities was carried out (Table 3).

Table 3 shows positive relationships of PLA and the constituents of the *moral component* of spiritual abilities: ‘spiritual orientation of personality’ and ‘spiritual and moral qualities’ have positive significant correlations with all spheres of PLA; and ‘altruism’ has positive significant correlations with educational activity, professional activity, social activity, and family sphere of PLA.

Table 2

Spearman Correlations of the Students’ Spiritual Abilities with Productive Life Activity (Total Score) and Subjective Well-Being (N = 171)

Variables	Spiritual Abilities						
	Moral Component			Mental Component		Transcendent Component	
	Spiritual Orientation of Personality	Spiritual and Moral Qualities	Altruism	Wisdom	Reflexivity	Self-Transcendence	Spiritual States
Productive Life Activity							
Total score	0.505	0.494	0.304	0.410	0.300	0.232	0.436
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.002	0.000
Subjective Well-Being							
SWLS	0.303	0.449	0.139	0.560	0.204	0.129	0.406
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.070	0.000	0.008	0.092	0.000
SHS	0.211	0.394	0.101	0.488	0.154	0.129	0.416
<i>p-level</i>	0.006	0.000	0.189	0.000	0.045	0.092	0.000

Note. SWLS = Satisfaction With Life Scale; SHS = Subjective Happiness Scale.

Table 3

Spearman Correlations of the Students’ Productive Life Activity (Its Various Spheres) with the Components of Spiritual Abilities (N = 171)

Spiritual abilities	Productive Life Activity (PLA)						
	PLA-1	PLA-2	PLA-3	PLA-4	PLA-5	PLA-6	PLA-7
Moral Component							
Spiritual Orientation of Personality	0.322	0.298	0.361	0.247	0.252	0.203	0.303
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.000	0.001	0.001	0.008	0.000
Spiritual and Moral Qualities	0.331	0.381	0.364	0.154	0.274	0.166	0.196
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.000	0.045	0.000	0.030	0.010
Altruism	0.180	0.207	0.360	0.141	0.185	-0.040	0.086
<i>p-level</i>	0.018	0.006	0.000	0.066	0.015	0.603	0.262
Mental Component							
Wisdom	0.332	0.285	0.232	0.126	0.252	0.203	0.275
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.002	0.100	0.001	0.008	0.000
Reflexivity	0.970	0.215	0.111	0.214	-0.017	0.397	0.270
<i>p-level</i>	0.205	0.005	0.149	0.005	0.822	0.000	0.000
Transcendent Component							
Self-Transcendence	0.043	0.137	0.178	0.168	0.190	0.057	0.105
<i>p-level</i>	0.574	0.074	0.020	0.028	0.013	0.463	0.170
Spiritual States	0.195	0.329	0.331	0.105	0.070	0.230	0.337
<i>p-level</i>	0.011	0.000	0.000	0.173	0.362	0.003	0.000

Note. PLA-1 = educational activity; PLA-2 = professional activity; PLA-3 = social activity; PLA-4 = creative activity; PLA-5 = family sphere; PLA-6 = self-development area; PLA-7 = leisure sphere.

Table 3 also shows positive relationships between the different spheres of PLA and the constituents of the *mental component* of spiritual abilities: there are significant positive correlations between ‘wisdom’ and all the spheres of PLA (except creative); and ‘reflexivity’ significantly positively correlates with the professional, creative, leisure, and self-development spheres of PLA.

Finally, Table 3 shows positive relationships between various spheres of PLA and the constituents of the *transcendent component* of spiritual abilities: ‘self-tran-

scendence' has significant positive correlations with social, creative, and family spheres of PLA; and 'spiritual states' have significant positive correlations with of all the spheres of PLA (except creative and family spheres).

A factor analysis (non-rotated solution) of the students' PLA and the constituents of spiritual abilities was carried out: KMO = 0.822; Bartlett's Test of Sphericity $\chi^2 = 442.858$; $df = 28$; $p = 0.000$, explained cumulative variance = 45.893. Only one factor was identified, combining the total score of PLA (factor loadings = 0.684) and all the considered constituents of spiritual abilities: 'spiritual orientation of personality' (0.854), 'spiritual and moral qualities' (0.735), 'altruism' (0.680), 'wisdom' (0.738), 'reflexivity' (0.516), 'self-transcendence' (0.534), and 'spiritual states' (0.613).

Table 4 shows significant positive correlations between students' PLA (the total score) and their subjective well-being ('satisfaction with life' and 'subjective happiness'). A more detailed analysis revealed significant positive relationship between the students' PLA in the areas of education, professional activity, social life, leisure, and self-development with 'life satisfaction', as well as between the students' PLA in the areas of education, social life, leisure, and self-development with 'subjective happiness' (Table 4).

Table 4

The Relationship of Students' Productive Life Activity (Including the Total Score and Indicators of Its Various Spheres) with Subjective Well-Being (N = 171)

Subjective Well-Being	Productive Life Activity (PLA)							
	Total score	PLA-1	PLA-2	PLA-3	PLA-4	PLA-5	PLA-6	PLA-7
SWLS	0.391	0.339	0.234	0.210	0.061	0.140	0.224	0.356
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.002	0.006	0.425	0.067	0.003	0.000
SHS	0.300	0.269	0.135	0.151	0.050	0.077	0.212	0.239
<i>p-level</i>	0.000	0.000	0.078	0.048	0.520	0.315	0.005	0.002

Note. SWLS = Scale of Life Satisfaction; SHS = Scale of Subjective Happiness.

In the end, a factor analysis (non-rotated solution) of the students' PLA total score and their subjective well-being indicators was carried out: KMO = 0.596; Bartlett's Test of Sphericity $\chi^2 = 149.935$; $df = 3$; $p = 0.000$, explained cumulative variance = 66.245. Only one factor was identified, including the total score of PLA (factor loadings = 0.663) and the subjective well-being indicators ('satisfaction with life' = 0.899; 'subjective happiness' = 0.860).

Discussion

The significant positive relationship between the total score of the students' PLA and all the three considered components (moral, mental, transcendental) of spiritual abilities shows that the spiritual and moral aspects of personality can be important for the students' effective functioning in society and their productivity in various fields of activity.

A component analysis of the students' spiritual abilities in relation to their productivity in various areas of life reveals the importance of 'spiritual orientation

of personality' and 'spiritual and moral qualities', which demonstrate connections with all the considered life spheres. 'Altruism' does not correlate with the creative, leisure, and self-development spheres. The students' altruistic attitudes appear to be fully realized in their educational, professional, social, and family spheres, expressed in the assistance provided to fellow students, colleagues (for working students), and family members. The indicators of 'altruism' are most evident in students' social activities.

Analyzing the relationship between mental component of spiritual abilities and the students' productive life activity, we can note the importance of "the wisdom", which correlated with all the areas of life under consideration, except for the creative sphere. 'Reflexivity' demonstrates a connection with four areas: professional, creative, leisure, and self-development. The highest correlation is found with self-development, reflecting its conscious use for personal growth.

Regarding the relationship between the transcendent component of spiritual abilities and the productivity of students' activities in various fields, we emphasize the importance of 'self-transcendence' as going beyond the self in serving to a cause and people through social and creative activities, as well as helping one's family, which is motivated by altruistic aspirations. Similar results on the relationship between PLA and altruistic orientation were obtained in our earlier study on a sample of students and employees (Ozhiganova, 2021). 'Spiritual states' are in a significant degree related to students' social activities (reflecting a sense of unity with others), as well as to leisure activities, which create conditions for harmonizing their psychological state and replenishing resources.

A factor analysis of the students' productive life activity and spiritual abilities has shown that they form a single factor, confirming their interconnection. The 'spiritual orientation of personality' constituent of the moral component exhibits the highest factor loading (0,854), and is most closely related to the latent factor defining the variables included in the identified factor.

Present study has revealed the relations of the students' PLA not only with their spiritual abilities but also with subjective well-being (life satisfaction and subjective happiness). A detailed analysis of the correlations between the students' productivity in various spheres of life and their subjective well-being has shown significant positive relationships of such life spheres as education, professional activity, social life, leisure, and self-development with satisfaction with life. The educational, social, leisure, self-development spheres correlate with subjective happiness. This indicates that not only the students' educational activity but also their productive life activities in various fields can be important for their subjective well-being. At the same time, it should be noted that the students have shown the strongest relationship between their subjective well-being (life satisfaction and subjective happiness) and academic activities, which is consistent with some previous studies that have found correlations between students' academic success and their subjective well-being (Bukhari, Khanam, 2017; Gökalp, 2020). The relationship of the student' subjective well-being (life satisfaction and subjective happiness) is also most pronounced with leisure activities, which allow them to replenish resources for productive living. It has been found that the students'

subjective well-being (life satisfaction and subjective happiness) is not associated with creative activities and family life. This is a cause for concern.

A factor analysis of the students' productive activities and their subjective well-being has revealed that these variables form a single factor, confirming their interrelationship.

Present study has also found a relationship between the students' subjective well-being and their spiritual abilities: a significant positive correlation is observed between the students' life satisfaction and subjective happiness with all the considered constituents of spiritual abilities (with the exception of 'altruism' and 'self-transcendence').

The results of our study suggest that the spiritual and moral aspects of personality are of great importance for students' subjective well-being, particularly with respect to such components of spiritual abilities as 'spiritual and moral qualities', 'wisdom', and 'spiritual states' representing all of their three components. Similar results were obtained in our previous study, which revealed a relationship between students' spiritual and moral qualities and their subjective well-being (Ozhiganova, 2022). It should be noted, however, that there is no connection between the students' altruistic orientation and subjective well-being. This may be due to the high energy expenditure and potential resource depletion during students' altruistic activities, which can be compensated for in their prosocial activities by incorporating other constituents of spiritual abilities (as evidenced by the strong connections between the students' subjective well-being of students and their 'spiritual and moral qualities', 'wisdom' and 'spiritual states').

Our findings on the relationship between students' PLA, their spiritual abilities, and well-being are consistent with those of other studies. Students with high levels of psychological well-being have been shown to be more academically productive and achieve greater academic success: higher levels of psychological well-being are associated with higher exam scores (Persiyantseva, 2022). The author also noted that students with high levels of well-being prioritized important values as guiding principles in their lives, including inner harmony, love, loyalty, family protection, broad-mindedness, and self-determination (Persiyantseva, 2022). We consider these personality characteristics and manifestations to be associated with spiritual abilities). When values were ranked in S.V. Persiyantseva's study, it was found that the first most important value for all the students was 'independence'. Notably, the second most important value for the students with high levels of psychological well-being was 'kindness', while the second most important value for the students with low levels of psychological well-being was 'hedonistic values' (pleasure, enjoyment of life, and self-indulgence). This suggests that students with high levels of psychological well-being are more likely to prioritize kindness (which we consider to be an important constituent of spiritual abilities), while those with low levels of psychological well-being prioritize a non-spiritual, self-centered orientation (hedonism). The lack of spiritual orientation in students with low levels of psychological well-being is also reflected in the fact that moral values such as social justice, modesty, and self-discipline do not serve as guiding principles in their lives (Persiyantseva, 2022).

It is also worth noting the results of a study by Zh.A. Shutkina, T.V. Markelova, and G.A. Kruchinina (2023), who established a connection between students' psychological well-being and helping behavior. We view helping others as a spiritually charged productive activity related to spiritual abilities.

One explanation for the positive relationship between psychological well-being and spiritual abilities, found in our research, is related to the results of a study conducted by S.V. Persiyantseva and S.L. Artemenkov (2023), which has shown that a positive attitude towards others, personal growth, and a sense of purpose in life are essential for students to achieve psychological well-being. These psychological manifestations are closely linked to spiritual abilities and contribute to their academic success and productive fulfillment of life tasks.

The results of our study, demonstrating the connection between the students' PLA and their spiritual abilities, prompt consideration of existing opportunities for promoting the development of both students' productive life activities (academic, professional, etc.) and their spiritual abilities. At the same time, it is important to note the steps already taken in this direction. A study by R.Z. Sabanchieva (2005) has shown that the development of students' creative readiness for professional activity can be related to the skill and productivity of their teachers' professional activity. It has been found that the determining factors contributing to teachers' productive activity include high job satisfaction, pursuing a favorite activity, constant creativity, self-improvement, and the value of work (professional activity is considered one of the most important in society). This reflects the prevalence of spiritual abilities associated with self-development and creativity, as well as service to the cause and society, among highly productive teachers. A peculiar feature of this type is the 'giver' characterized by "the instinct of mastery" (according to T. Veblen, 2009). The 'giver' is associated with a spiritual personality, displaying spiritual abilities (Ozhiganova, 2020). Thus, it can be said that highly productive teachers (identified based on such characteristics as goals-values, motives, and personality orientation, responsibility, high creative potential, competence, abilities, and skills), by demonstrating their spiritual abilities, create conditions for the future productive professional activities of students: "The criterion for the productivity or mastery of higher education teachers is the development of the creative readiness of students — future specialists — to solve their upcoming professional tasks productively" (Sabanchieva, 2005, p. 7). Based on this study, it can be said that highly productive teachers can, by their personal example, motivate students to engage in productive life activities. Highly productive and respected teachers can not only lay a solid foundation of knowledge for students' future professional careers but also create opportunities for the actualization and development of their spiritual abilities. This creates the conditions for the development of a spiritual life orientation in students, which, according to A.A. Grachev, is expressed in "the attitude towards a cause based on spiritual values (activity, work, study, occupation) as a means of self-development and self-improvement; in experiencing a sense of duty and responsibility towards the cause; in providing selfless assistance to others; in seeing the meaning of one's life in one's cause..." (Grachev, 2021, p. 490), which is fully connected to an individual's spiritual abilities.

Limitations. When interpreting the results of present study on the relationships of students' subjective well-being with PLA and spiritual abilities, one should take into account that it was conducted using the well-proven and reliable SWLS and SHS methods. These methods provide a general idea of the degree of satisfaction with life and subjective happiness. For a deeper understanding of students' well-being, other or additional methods are required. A number of researchers have noted the need to develop a specialized tool for studying students' well-being, which will reflect the specifics of this contingent (Travia et al., 2022; Khatri et al., 2024). In particular, P. Khatri et al. (2024) believe that existing methods do not allow for a holistic reflection of both the essence and the nuances of students' subjective well-being in higher education context. The researchers have proposed a multidimensional scale of students' well-being (SWB), which includes academic well-being, financial well-being, physical well-being, psychological resilience, and relationship well-being (Khatri et al., 2024).

It is also important to note that the sample of students in our study was predominantly female, which may have influenced the results.

Conclusion

The results of the study have confirmed the hypotheses: (1) students' productive life activities are positive related to their spiritual abilities and subjective well-being; (2) students' spiritual abilities are positive related to their subjective well-being.

It has been shown that the constituents of spiritual abilities such as 'spiritual orientation of personality', 'spiritual and moral qualities', 'wisdom', and 'spiritual states' demonstrate the greatest number and intensity of connections with students' productive life activities; the constituents 'spiritual and moral qualities', 'wisdom', and 'spiritual states' demonstrate pronounced connections with subjective well-being. These constituents of spiritual abilities represent all three of their components: moral, mental, and transcendent. The constituents of the moral component of spiritual abilities 'spiritual orientation of personality' and 'spiritual and moral qualities' show a connection with all the spheres of students' productive life activity: education, professional activity, social life, creative activity, family, leisure, and self-development.

A significant positive relationship has been found between students' subjective well-being and their productive life activity in various spheres (education, professional activity, social life, creative activity, leisure, and self-development), with the strongest correlation observed for educational and leisure activities.

Our research shows the importance of considering the issues related to the moral and spiritual aspects of personality (spiritual abilities) which can be significant for students' life activities and subjective well-being, as well as taking into account the significance of students' productivity in various spheres of life for their well-being.

The established relationship between students' productive life activities and their spiritual abilities suggests the need to create opportunities for students to

develop their spiritual abilities and cultivate the idea of fruitful productive life activities among them, reflecting the practical significance of this study. Further research is needed to examine the connections between productive life activity, spiritual abilities, and subjective well-being across other social and age categories.

References

- Bazar, J.S., Arabejo, A.J., Reyes, M.R. & Baluyos, G.R. (2024). Students' wellbeing and level of motivation towards science learning in relation to their academic achievement. *Journal of Education and Learning Innovation*, 4(1), 182–195. <https://doi.org/10.35877/454RI.eduline2009>
- Bücker, S., Nuraydin, S., Simonsmeier, B.A., Schneider, M., & Luhmann, M. (2018). Subjective well-being and academic achievement: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*, 74, 83–94. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.02.007>
- Bukhari, S.R., & Khanam S.J. (2017). Relationship of academic performance and well-being in university students. *Pakistan Journal of Medical Research*, 56(4), 126–130.
- Dikaya, L.G., Makhnach, A.V., & Laktionova, A.I. (2018). Individual and socio-psychological factors of professional' resilience. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 15(4), 137–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2018-15-4-137-146>
- Douwes, R., Metselaar, J., Pijnenborg, G.H.M., & Boonstra, N. (2023). Well-being of students in higher education: The importance of a student perspective. *Cogent Education*, 10(1). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2190697>
- Gökalp, M. (2020). Investigation of relationship between subjective well-being levels and academic achievements of university students according to various variables. *Cypriot Journal of Educational Science*, 15(3), 532–539. <https://doi.org/10.18844/cjes.v15i3.4930>
- Grachev, A.A. (2021). Life orientations: from fundamental theory to psychological practice. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova & G.A. Vilenskaya (Eds.), *Development of concepts of modern psychology* (pp. 473-499). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/thry_21_0439_14
- Isham A., Mair S., & Jackson T. (2019). *Wellbeing and productivity: A review of the literature. Report for the Economic and Social Research Council*. Centre for the Understanding of Sustainable Prosperity, University of Surrey.
- Khatri, P., Duggal, H.K., Lim, W.M., Thomas, A., & Shiva A. (2024). Student well-being in higher education: Scale development and validation with implications for management education. *The International Journal of Management Education*, 22(1), 100933. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2024.100933>
- Leontiev, D.A., & Osin, E.N. (2014). “Good” and “Bad” reflection: From an explanatory model to differential assessment. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 11(4), 110–135. (In Russ.).
- Lyz', N.A., Istratova, O.N., & Golubeva, E.V. (2023). Working students: Educational success and subjective well-being. *Higher Education in Russia*, 32(2), 80–96. (In Russ.). <https://doi:10.31992/0869-3617-2023-32-2-80-96>
- Mekhtikhanova, N.N. (2022). Developing a Russian-language Wisdom Diagnostics Questionnaire. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 839–861. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-839-861>
- Nartova-Bochaver, S.K., Khodakovskaya, E.N., & Yurchuk, V.Yu. (2024). A situational-event approach to understanding the psychological well/ill-being of university students. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 41–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130404>

- Ozhiganova, G.V. (2009). Psychology of spirituality and spiritual capacities. In A. Husain (Ed.), *Twenty-first century psychology: Spirituality, behavior and wellness* (pp. 193-225). New-Delhi: Global Vision Publishing House.
- Ozhiganova, G.V. (2016). *Spiritual abilities as a resource of productive life activity*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
- Ozhiganova, G.V. (2019). Adaptation of spiritual personality inventory on the Russian sample. *Experimental Psychology (Russia)*, 12(4), 160–176. (In Russ.). <http://doi.org/10.17759/expsy.2019120413>
- Ozhiganova, G.V. (2020). *Spiritual personality*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.). <http://doi.org/10.38098/mng.2020.60.89.001>
- Ozhiganova, G.V. (2021). Spiritual capacities of a personality and productive life activity. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(1), 182–202. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-182-202>
- Ozhiganova, G.V. (2022). The relationship of spiritual and moral qualities with altruistic attitudes and subjective well-being. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 744–764. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-744-764>
- Ozhiganova, G.V. (2023a). Productive life activity and self-transcendence method. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 132(3), 121–136. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_3_132_121
- Ozhiganova, G.V. (2023b). Development and validation of the questionnaire “Spiritual orientation of personality”. *Experimental Psychology (Russia)*, 16(3), 197–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/expsy.2023160313>
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 117–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Persiyanova, S.V. (2022). Psychological well-being and value orientations in the structure of personal potential of Russian youth. *Herzen Readings: Psychological Research in Education*, 5, 321–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-41>
- Persiyanova, S.V., & Artemenkov, S.L. (2023). Study of the connection between personal resources and psychological well-being of students at the initial stage of university education. *Modelling and Data Analysis*, 13(4), 23–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/mda.2023130402>
- Sabanchieva, R.Z. (2005). Acmeological factors of teachers’ productive activity in the development of students’ creative readiness for professional activity. *Acmeology*, (1), 52–58. (In Russ.).
- Samohvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N., & Shipova, N.S. (2021). Subjective well-being of students enrolled in different fields of study. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 27(2), 32–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-32-38>
- Shutkina, Zh.A., Markelova, T.V., & Kruchinina, G.A. (2023). Psychological well-being of students in helping professions. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 80(3), 381–383. (In Russ.).
- Tikhomirova, T.N., Basyuk, V.S., Ismatullina, V.I., Zinchenko, E.V., Matyash, N.V., Ovsyannikova, O.A., Pilipenko, S.A., Ponikarova, I.D., Sakharova, T.N., Sluch, N.A., & Malykh, S.B. (2024). Well-being and educational outcomes among student with different university admission strategies. *Psychological Science and Education*, 29(6), 35–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290603>
- Travia, R.M., Larcus, J.G., Andes, S., & Gomes, P.G. (2022). Framing well-being in a college campus setting. *Journal of American College Health*, 70(3), 758–772. <http://doi.org/10.1080/07448481.2020.1763369>

- Tsvetkova, N.A., Petrova, E.A., & Savchenko, D.V. (2022). Socio-psychological peculiarities of working students: Personal orientation, life position, polycommunicative empathy. *Perspectives of Science and Education*, 55(1), 444-462. (In Russ.). <http://doi.org/10.32744/pse.2022.1.28>
- Tuchina O.R. (2012). Metapersonal self-interpretation: A concept and its measurement. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus region. Social Sciences*, (1), 91–95. (In Russ.).
- Veblen, T. (2009). *The Theory of the leisure class*. London: Oxford University Press.
- Yasin, M. (2020). Methodology for measuring altruistic attitudes. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 41(1) 77–85. (In Russ.). <http://doi.org/10.31857/S020595920007898-3>

Article history:

Received 5 September, 2025

Revised 14 October, 2025

Accepted 15 October, 2025

For citation:

Ozhiganova, G.V. (2025). Productive life activity, spiritual abilities and subjective well-being: Research on Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 655–670. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-655-670> EDN: ONNZHS

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Galina V. Ozhiganova, Ph.D. in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (13 Yaroslavskaya St, Moscow, 129366, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6339-8640; eLibrary SPIN-code: 1135-6880. E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-655-670

EDN: ONNZHS

УДК 159.9.072

Исследовательская статья

Взаимосвязь продуктивной жизнедеятельности, духовных способностей и субъективного благополучия российских студентов

Г.В. Ожиганова

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉symposium2016@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены продуктивная жизнедеятельность студентов в разных сферах и духовно-нравственный аспект их личности (в частности, духовные способности), а также субъективное благополучие (удовлетворенность жизнью и субъективное счастье). Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью сопряжен-

ности продуктивной жизнедеятельности студенческой молодежи, ее духовных способностей и субъективного благополучия. Цель исследования — выявить связь продуктивной жизнедеятельности, духовных способностей и субъективного благополучия у студентов. Использовались методики: опросник «Духовная личность» А. Хусейна и М. Анаса, адаптация Г.В. Ожигановой; опросник «Измерение альтруистических установок» М.И. Ясина; опросник «Духовная ориентация личности» Г.В. Ожигановой; «Методика диагностики мудрости» (МДМ-32) Н.Н. Мехтихановой; опросник «Дифференциальный тест рефлексивности (ДТР) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина; «Шкала измерения металичности самооинтерпретации» Т. ДеЧикко и М. Строинк, адаптация О.Р. Тучиной; «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУЖ) Э. Динера и др., адаптация Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; «Шкала субъективного счастья» (ШСС) С. Любомирски и Х. Леппер, адаптация Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; методика «Продуктивная жизнедеятельность и самотрансценденция» Г.В. Ожигановой. В исследовании участвовал 171 студент московских вузов, из них 134 респондента женского пола (78,4 %) и 37 — мужского пола (21,6 %); возраст 17–23 года ($M = 19,28$; $SD = 0,98$). Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимой положительной связи продуктивной жизнедеятельности студентов с духовными способностями и субъективным благополучием. Выявлена взаимосвязь духовных способностей с субъективным благополучием студентов. Установленная сопряженность продуктивной жизнедеятельности студентов с духовными способностями и субъективным благополучием приводит к выводу о необходимости создания возможностей развития у студентов духовных способностей и культивирования в среде студенческой молодежи идеи плодотворной, продуктивной жизнедеятельности.

Ключевые слова: продуктивная жизнедеятельность, студенты, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное счастье, духовно-нравственные аспекты личности, духовные способности

История статьи:

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

Доработана после рецензирования 14 октября 2025 г.

Принята к печати 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Ozhiganova G.V. Productive life activity, spiritual abilities and subjective well-being: Research on Russian university students // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. №4. С. 655–670. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-655-670> EDN: ONNZHS

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Ожиганова Галина Валентиновна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, Институт психологии РАН (Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., д. 13). ORCID: 0000-0001-6339-8640; eLibrary SPIN-код: 1135-6880. E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-671-691

EDN: OKMLYM

UDC 159.9.072

Review article

Workplace Risks for IT Professionals Associated with Barriers to Healthy Behavior: A Review of International Research in the Context of the Healthy Workplace Model

Olga O. Gofman , Elena Shumeiko ✉, German S. Nikiforov

St. Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ alena.shum2017@yandex.ru

Abstract. In today's information society, where IT professionals play a central role, their work, despite its apparent safety, carries specific and not always obvious health risks. The importance of studying these risks is determined by their direct impact on labor productivity, health and well-being. The purpose of this study is to review and summarize international scientific data on the workplace risks for IT professionals in the context of the WHO Healthy Workplace Model (HWM), as well as to outline a basis for developing a questionnaire to assess organizational-level barriers to healthy behavior. For this purpose, a PRISMA-ScR-compliant scoping review was performed along with a search in Scopus, WoS, PsycINFO, PubMed, and Google Scholar, followed by a targeted screening of reference lists and citation searches. The P-E-O-S criteria included: IT professionals (P, Population); workplace risks as potential causes of barriers to healthy behavior (E, Exposure/Context); health/well-being outcomes (O, Outcomes); and empirical quantitative, qualitative and mixed-methods studies in English (S, Study Design). Of the more than 500 sources identified, 45 publications were included in the final review. The results have shown that IT professionals face a complex set of risks, despite the formal absence of harmful workplace factors. These risks include physical (musculoskeletal diseases, vision problems, metabolic and cardiovascular disorders) and psychosocial (stress, burnout, poor work-life balance) issues. The physical risks are caused by prolonged sitting, lack of physical activity, and poor workplace ergonomics. The psychosocial risks are associated with high workload, tight deadlines, and blurred digital boundaries. Personal health resources of employees are dual in nature: they depend on corporate health and wellness programs, on the one hand, and on their subjective attitudes toward their own health and overall lifestyle, on the other. Research on the impact of enterprise community involvement on the health and well-being of IT employees remains limited. Distinguishing between workplace risks and barriers to healthy behavior allows for the identification of manageable working conditions as key preventative targets. Using the HWM model, it is possible to make a comprehensive analysis of health risks among IT professionals, providing a deeper understanding of the causes for barriers to healthy behavior in this professional group and creating a substantive basis for questionnaire development.

© Gofman O.O., Shumeiko E., Nikiforov G.S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Key words: IT professionals, healthy workplace, occupational health, workplace risks, physical work environment, psychosocial work environment, personal health resources, enterprise community involvement, barriers to healthy behavior

Funding. This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 25-28-00983, <https://rscf.ru/project/25-28-00983/>

Introduction

In today's world, information technology (IT) professionals play a key role in the development of business, the economy, and society as a whole. Despite the absence of traditional occupational hazards, workplace health risks associated with professional activities are becoming increasingly relevant. Consequently, maintaining the occupational health of IT professionals is gaining high scientific and practical significance due to its direct impact on work efficiency and productivity. For instance, studies highlight a correlation between optimizing employees' healthy lifestyles and increasing their efficiency (Saraç et al., 2023). Creating a work environment conducive to mental health brings significant benefits to both employees (reduced absenteeism, increased engagement) and organizations (increased productivity) (Harvey et al., 2014). Healthy employees demonstrate higher motivation, concentration, and job satisfaction, which, in turn, contributes to decreased sick leave rates and increased overall productivity (Chang, 2024).

However, there is currently a contradiction between the accumulated empirical data on occupational risks for IT professionals and the limited integration of this data into models for creating an optimal job design. Studies often conflate work environment characteristics (workplace risks) and personalized obstacles to maintaining healthy practices (barriers to healthy behavior), making it difficult to compare results and develop organizational preventive measures.

This review is based on the World Health Organization (WHO) Healthy Workplace Model (HWM)¹, which offers a comprehensive approach to creating and maintaining a supportive environment for employee health and well-being. This model has evolved from a primary focus on occupational health and safety to the integration of work organization, workplace culture, lifestyle, and the social environment, which have a complex impact on employee health. The modern interpretation of the HWM incorporates both protective measures and health promotion strategies (Stoewen, 2016). It emphasizes the importance of not only working conditions and organizational culture but also employees' personal health resources, a significant aspect of which is their psychological attitude toward health and awareness of factors hindering its maintenance. For instance, sleep deficiency, professional burnout, and overall health are interconnected, as confirmed by research across various professional groups (Stewart & Arora, 2019). A growing body of scientific evidence points to the critical role of nutrition not only for

¹ World Health Organization & Burton, J. (2010). *WHO healthy workplace framework and model: Background and supporting literature and practices*. World Health Organization. Retrieved 12 August, 2025, from: <https://iris.who.int/handle/10665/113144>

physiological processes but also for emotional state and mental well-being (Muscaritoli, 2021). Furthermore, there is empirical evidence that a sedentary lifestyle significantly contributes to the development of occupational stress, with physical activity levels acting as an important mediating factor in this relationship (Clinchamps et al., 2024). The WHO emphasizes the inextricable link between mental and physical health, recognizing both as essential for effective stress management, productive work, and making a positive contribution to the work environment (Chang, 2024). The choice of this model as the conceptual framework for this review is motivated by several factors. First, health and well-being issues (including those related to the IT sector) have been studied in international scientific discourse much earlier, allowing for the accumulation of more data. Second, the current state of Russian research in occupational psychology is characterized by a certain fragmentation: often only isolated factors of well-being are analyzed, while a holistic understanding of health and the barriers to healthy behavior among organizational employees remains insufficiently developed.

The purpose of this study was to review and summarize international scientific data on the workplace risks for IT professionals within the framework of the HWM, as well as to outline a basis for developing a questionnaire to assess organizational-level barriers to healthy behavior.

Methods

This study was a scoping review in compliance with the PRISMA-ScR (2018) reporting guidelines. A systematic literature search was conducted across the following databases: Scopus, Web of Science (WoS), PsycINFO, PubMed, and Google Scholar. These databases were selected as the most representative for psychological research. In addition, a targeted manual search of reference lists from relevant reviews and key articles was made. The date of the final search was September 14, 2025.

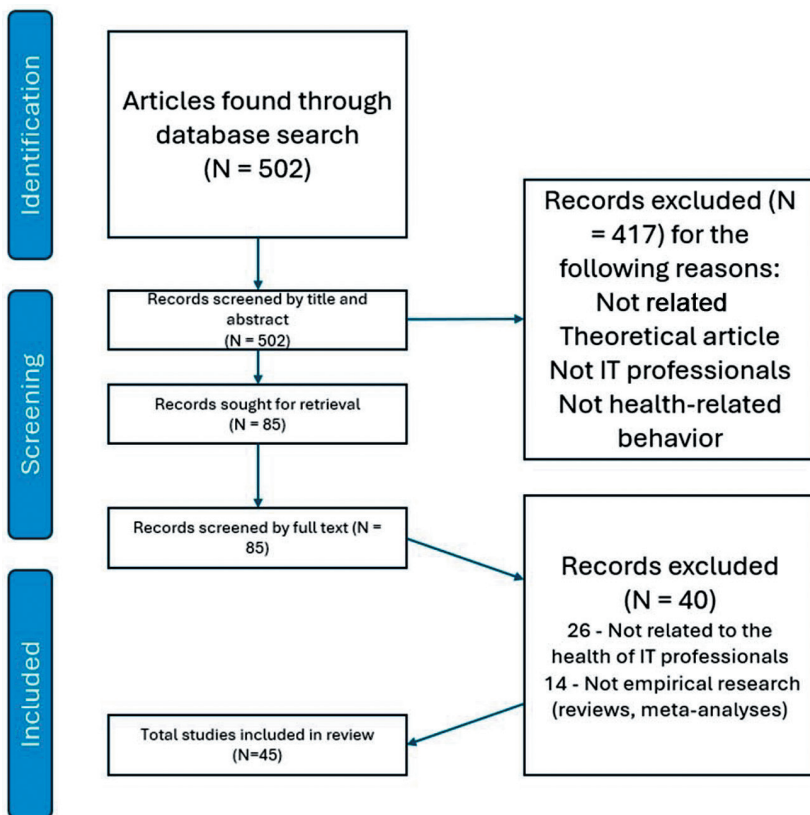
The research question and inclusion criteria were formulated using the P-E-O-S framework. The Inclusion/Exclusion criteria were: P (Population): IT professionals (developers, testers, analysts, DevOps, etc.) working in the office, remotely, or in a hybrid format; E (Exposure/Context): workplace risks and job design characteristics categorized by the HWM domains, the conditions for their potential “transition” into barriers to healthy behavior were analyzed during the thematic synthesis stage; O (Outcomes): health and well-being indicators, as well as data on behaviors/conditions affecting sleep, breaks, physical activity, nutrition, and help-seeking; and S (Study Design): empirical studies in English (quantitative, qualitative, and mixed-methods) published in peer-reviewed journals. Articles not related to the IT population and publications without empirical data (opinion pieces, editorials, short communications) were excluded.

The search strategy was adapted for each database using the Title/Abstract/Keywords fields. Examples of key search strings are given below:

– *Subject of labor*: “IT professionals” OR “software developers” OR “software engineers” OR “computer programmers”;

- *Physical work environment*: “ergonomics”, “sedentary behavior”, “computer vision syndrome”, etc.;
- *Psychosocial work environment*: “technostress”, “job satisfaction”, “organizational commitment”, “psychosocial safety climate”, etc.;
- *Personal health resources*: “self-care”, “physical activity”, “nutrition”, “coping strategies”, etc.;
- *Enterprise community involvement*: “corporate social responsibility”, “employee volunteerism”, “community health”, etc.

Over 500 articles were initially identified. After duplicates were removed and an initial screening of titles and abstracts was conducted, 85 publications were selected for a more detailed assessment. Ultimately, 45 articles were included in the review. Their full texts were obtained from open-access sources, the university library collection, or directly from the first author. Forty articles were excluded for the following reasons: 26 were not directly related to the health of IT professionals, and 14 were not empirical studies but rather reviews or meta-analyses. The search and selection process is presented in Figure.

Flowchart illustrating the process of selecting studies for the review
 Source: prepared by Elena Shumeiko using PRISMA Flow Diagram
<https://www.prisma-statement.org/prisma-2020-flow-diagram>

Data extraction was performed by a single researcher using a pre-developed data charting form. In cases of disagreement (ambiguity in categorizing a factor into HWM domains or interpreting influence mechanisms), the issues were discussed

with other members of the research team until consensus was reached; when necessary, coding rules were refined and applied to the entire set of included publications.

The results were synthesized by thematically coding the identified factors and then grouping them according to the HWM components. This process involved identifying conditions under which workplace risks might manifest as barriers to healthy behavior (*e.g.*, displacement of restorative practices, lack of time and resources, normative constraints, *etc.*). In cases of discrepancies in the categorization of factors by the HWM components, decisions were made through discussion and consensus.

Results

The HWM encompasses four key interconnected domains: the physical work environment, the psychosocial work environment, personal health resources, and enterprise community involvement. A detailed analysis of each domain makes it possible to identify potential workplace risks specific to the activities of IT professionals and hypothesize the conditions under which these risks may transform into personalized barriers to healthy behavior, *i.e.*, obstacles that reduce the likelihood of regularly engaging in health-promoting activities.

The physical work environment, which includes the tangible components of the workspace (building, equipment, raw materials, technological processes, and transport systems), has a direct impact on the physical and mental state of workers, serving as a significant factor underlying occupational injuries and mortality. An analysis of the physical work environment makes it possible to identify potential hazards of various types, classified as chemical, physical, biological, ergonomic, mechanical, energy, and transportation-related ones.

Despite the absence of hazardous and dangerous working conditions in the traditional sense, IT work is associated with significant health risks determined by the specific nature of the profession. IT professionals often work 8–10 hours a day, and during periods of intensive development or tight deadlines, this time can increase substantially, reaching 50 or more hours per week (Laloo et al., 2021). This work requires high cognitive load and concentration, which, combined with forced postures and repetitive movements (*e.g.*, when a keyboard and a mouse are used), creates specific risks to physical health. Research shows that a sedentary lifestyle poses a significantly higher occupational risk for IT professionals compared to other groups of employees (Laloo et al., 2021). Furthermore, the authors of this study emphasize that IT professionals not only spend more time sitting at the workplace but also, more often than representatives of other professions, spend their free time engaging in sedentary activities outside of work, such as watching television or playing video games. This exacerbates health risks and contributes to the development of chronic diseases. It is also noted that IT professionals spend more time in front of computer screens outside of work (Laloo et al., 2021). The most common problems identified for IT professionals are described below.

Musculoskeletal disorders (MSDs): their prevalence ranges from 20% to 89%, with the main problem areas being the neck, lower back, upper back, and shoulders (Padma et al., 2015; Prasetya et al., 2024). According to a study by Alghadir et al. (2022) conducted in Saudi Arabia, 32% of 202 IT professionals surveyed reported experiencing musculoskeletal pain after starting their professional careers. Of these, 61% had to seek medical treatment, and 23% rated their worst pain episode as 7 or higher on a 10-point scale. Women were more susceptible to these issues: 67% reported work-related pain. The study also noted that such pain could impact daily activities and even force professionals to change jobs or reduce their working hours. A study by Hasanat et al. (2017) conducted in Pakistan found that 26.5% of 185 software engineers surveyed suffered from neck pain at the time of the survey, while 64.32% had experienced this problem in the past. Significant risk factors included physical inactivity, uncomfortable workstations, work-related mental strain, and lack of sleep. A study by Prasetya et al. (2024), conducted among 150 Indonesian IT professionals, showed that the highest levels of discomfort and risk of developing musculoskeletal disorders was observed in the neck area, followed by the lower back, right shoulder, and upper back. Factors significantly influencing these disorders included the screen time, night shifts, as well as the quality of the chair (backrest) and the use of the mouse. A study by Pattath (2025) identified various strategies used by professionals to minimize the risks of MSDs. These strategies included individual awareness of proper posture and behavior during work, attention to workstation ergonomics, and proactive risk reduction approaches. The authors emphasize that the participants' narratives demonstrated the importance of employee autonomy in identifying and applying these strategies, as well as the need to discuss these issues with management. Raju et al. (2024) found that musculoskeletal pain was widespread among Indian IT professionals: 77% of 200 respondents reported such pain in the past year. Furthermore, 72% of the participants experienced effort-reward imbalance (ERI), which showed a strong, statistically significant correlation with pain severity. Moreover, the likelihood of experiencing musculoskeletal pain were 3.2 times higher among professionals with ERI compared to those without it. Finally, a study by Vinod et al. (2015), which involved 400 Indian IT professionals, identified low back pain as the most common problem, followed by spinal issues.

Vision problems. According to a study by Zayed et al. (2021), the prevalence of digital eye strain among IT professionals in Egypt was 82%. The most common symptoms were headache (81%), burning eyes (75%), and blurred vision (70%). Several factors increasing the risk of digital eye strain were identified, including: female gender, age over 35, computer use for more than 6 hours per day, work experience of more than 10 years, and wearing corrective glasses, as well as ergonomic and environmental factors such as placing the monitor closer than 20 inches, lack of an anti-glare screen, inadequate brightness, lack of work breaks, exposure to polluted or windy air, and the use of air conditioning. A similar study by Jayakumar et al. (2020), conducted among 300 Indian IT professionals, showed that 67% had at least one symptom of computer vision syndrome, with the most common being dry eyes (96%), eye strain (94%), and redness/itching (86%).

Although 84% of the participants were aware of the syndrome, only 51% sought professional help.

Gastrointestinal problems and metabolic disorders. A study by Banerjee et al. (2023) confirmed that a sedentary lifestyle, high stress levels, and irregular eating habits could contribute to the development of problems such as gastritis, irritable bowel syndrome (IBS), and metabolic disorders. A study by Natarajan et al. (2025) of 250 Indian IT professionals found that 36% of them suffered from non-alcoholic fatty acid liver disease (NAFLD). A sedentary lifestyle was identified as an independent risk factor for NAFLD, highlighting the need for regular screening and lifestyle modification strategies.

Cardiovascular disorders. The negative factors that IT professionals are exposed to, listed in the above-mentioned study (Banerjee et al., 2023), may also increase the risk of developing hypertension, atherosclerosis, and other cardiovascular diseases.

The specific nature of IT professionals' work allowed us to identify the following workplace health risks.

Prolonged sitting and physical inactivity. Physical inactivity is recognized as the fourth leading risk factor for global mortality (Lalloo et al., 2021). The sedentary nature of work in the IT sector is not merely a lifestyle choice but an inherent occupational hazard that significantly contributes to the development of chronic diseases.

Ergonomic issues. Insufficient awareness and practice of computer ergonomics lead to a high prevalence of musculoskeletal problems and eye strain among IT professionals (Pukur et al., 2024; Jasmine et al., 2020). Research shows that a significant number (64%) of IT professionals learn about ergonomics only after they have already experienced health problems, such as muscle pain or vision disorders (Pukur et al., 2024). A study by Stincel et al. (2023), conducted among young IT professionals, confirmed these concerns. It found a mild degree of neck posture disorders and the presence of forward head posture, which intensified with age and increased work experience. A direct correlation was established between neck disorders, inadequate workstation ergonomics, and physical activity levels. Furthermore, a study by Jayanandana et al. (2023) demonstrated that the physical work environment, including ergonomics, had a significant positive impact on the productivity of IT professionals working from home.

The psychosocial work environment, which encompasses an individual's interactions with psychological and social factors in the workplace, such as the psychological climate in the team, management style and corporate culture, has a significant impact on employee well-being. Problems in this environment, including poor work organization (unclear tasks, time pressure, lack of support), negative culture (disrespect, bullying, discrimination), ineffective management, work-life imbalance, and fear of job loss, are key sources of psychosocial risks.

The IT sector is associated with specific professional risks that have a significant impact on the psychosocial work environment.

Excessive workload and its consequences: High workload, labor intensity, and tight deadlines are among the most significant psychosocial risks in the IT

industry (Anthony-McMann et al., 2017). A study by Gren (2025), conducted in Austria, showed that managers in the IT sector had less control over workloads and their influence on them, which created management challenges. Furthermore, a gender analysis revealed that female managers reported more workplace conflicts compared to their male counterparts. A study by Sunanda (2018) revealed a strong positive correlation between role stressors (such as role overload, role underload, and role ambiguity) and professional stress among IT employees. The author emphasized that organizations should take measures to mitigate these stressors.

Stress and burnout: Occupational burnout among IT professionals is associated with an increased risk of physical, mental, and behavioral disorders (Zaza et al., 2022; Padma et al., 2015). Furthermore, negative emotional states are negatively correlated with cognitive abilities and motivation (Singh & Sharma, 2017; Graziotin et al., 2018). A study by Babu et al. (2015), based on in-depth interviews with 32 professionals, identified nine primary domains of stress: job control, autonomy, time pressure, night shifts, income, recognition, physical environment, work environment, and affective/emotional factors. These factors influence both employee health and corporate HR policies. A study by Wong et al. (2023) confirmed that software engineers demonstrated higher rates of burnout and suicide compared to many other “infosphere” workers. The authors concluded that mental well-being support should be integrated at the individual, team, and organizational levels, as well as within the technologies used by employees in their work. A study by Ramesh et al. (2016), conducted among 149 IT professionals, found that, although stress levels did not require immediate intervention, insomnia was the most common symptom. The authors pointed to the necessity of implementing various stress management techniques. A study by Zadow et al. (2023), conducted among software engineers, demonstrated that a psychosocial safety environment that promotes employee psychological health was a vital factor. It was positively associated with work engagement, which, in turn, promoted creativity and productivity. A study by Trivedi et al. (2024) of 356 IT professionals in India during the COVID-19 pandemic found that the prevalence of occupational stress was 17%. Higher rates were observed among women, employees over 31 years old, and those with 4 to 7 years of experience. Over 80% of the respondents identified factors such as deadline pressure, long working hours, the need for multitasking, and difficulties in maintaining work-life balance. A similar study by Russo et al. (2021) also confirmed that stress negatively affected well-being, while factors such as boredom and distractions negatively correlated with productivity. However, the quality of social contacts had a positive impact on well-being.

Work-life imbalance and blurred boundaries: The lack of work-life balance can lead to serious negative consequences, such as decreased productivity and creativity, as well as increased employee turnover (Weerarathna et al., 2022). A study by Smite et al. (2022) described in detail the so-called “flexibility traps” and the difficulties of remote communication. The authors noted that the perceived freedom of remote work could often lead to a blurring of the boundaries between personal life and work, and, as a consequence, increase working hours and reduce the ability to “disconnect” from tasks. A study by Subha et al. (2021) found that

prolonged remote work during the COVID-19 pandemic negatively impacted the mental health of female IT professionals in Bangalore. Factors such as workload, job insecurity, poor work environment, and personal issues were identified as primary sources of occupational stress. A study by Kumaresan et al. (2022b), focused on IT professionals working from home during the pandemic, showed that 95% of them suffered from the burnout syndrome. Furthermore, women were found to be more susceptible to burnout than men, showing higher rates across all age groups (Kumaresan et al., 2022b). Another study conducted among Indian IT professionals revealed low levels of life satisfaction, which was negatively correlated with the number of working hours (Ram et al., 2022). Notably, a study among IT professionals working from home found that specific relaxation techniques (Jacobson's relaxation technique combined with *Bhastrika Pranayama*) significantly reduced burnout levels (Kumaresan et al., 2022a). Finally, a study by Thomson et al. (2023) found a moderate negative correlation between burnout and job satisfaction, as well as a weak positive correlation between work-life balance and job satisfaction.

Technostress and blurred digital boundaries: The excessive use of digital technologies and their constant availability, particularly in remote work environments, lead to technostress among IT professionals (Brooks, 2023). A study by Sharma et al. (2025), conducted among Indian IT professionals, revealed that the threat of job loss due to the implementation of artificial intelligence (AI) caused profound psychological distress. Six main themes were identified: emotional shock, loss of professional identity, chronic anxiety, social isolation, adaptive and maladaptive coping strategies, and a sense of betrayal by the organization. The authors emphasized that this industry shift represented not merely a change in the labor market but a profound psychological upheaval.

Organizational and managerial characteristics: The lack of autonomy and management support (Walia & Narang, 2015; Zadow et al., 2023), as well as dissatisfaction with compensation and social climate (Kanwar et al., 2012; Anthony-McMann et al., 2017; Farooq et al., 2022; Harden et al., 2018), also have a significant impact on the psychosocial state of IT professionals. A study by Weerarathna et al. (2022) showed that trust and management support significantly influenced work-life balance among software engineers working from home. Working in a designated space free from distractions was also found to be crucial for achieving this balance. Studies by Harden et al. (2018) and Farooq et al. (2022) indicated that the fear of skill obsolescence in a rapidly changing technological environment could generate chronic anxiety, while perceived unfairness in pay and rewards would inevitably reduce organizational commitment and loyalty.

Motivation and job satisfaction: Motivation and job satisfaction are important aspects of IT professionals' well-being. A study by Tiwari et al. (2023) identified that key motivational factors for IT professionals included career growth, job flexibility, and recognition. The authors emphasized that flexibility should not be limited to a flexible schedule but rather include autonomy in decision-making and the ability to influence one's own work. Recognition, in turn, should be expressed

not only through financial compensation but also through a sense of value and respect from colleagues and management, which could directly impact overall well-being.

Communication: Communication plays a complex role in the context of IT professionals' well-being (Smite et al., 2022; Walia & Narang, 2015; Russo et al., 2021). The effectiveness of team communication, especially in remote work environments, can act as both a facilitator and a barrier to well-being. For instance, the lack of face-to-face meetings and uncertainty in interactions can lead to misunderstandings and a sense of social isolation (Smite et al., 2022). At the same time, as shown by Jayanandana et al. (2023), effective communication has a positive, albeit less significant, impact on the productivity of IT professionals. A study by Russo et al. (2021) confirmed that the quality of social contacts positively influenced well-being, helping to cope with stress and prevent burnout. Nevertheless, Walia & Narang (2015) noted that a high volume of interpersonal interactions in teamwork, especially under tight deadlines, could also increase psychological tension and contribute to stress. Thus, it is not the fact of communication itself, but rather its quality, frequency, and context that determine its role in IT professionals' well-being.

Personal health resources encompass information, opportunities, services, and any other assistance provided by a company to support or motivate employees' efforts to improve or maintain a healthy lifestyle, as well as to monitor and preserve their physical and mental health. Common challenges at this level include: lack of free time, lack of facilities for physical activity, sedentary lifestyle, unavailability of healthy food in the workplace, difficulties in accessing medical care, and unhealthy habits.

To mitigate threats at this level, a company can provide its employees with access to sports facilities, organize healthy catering in the workplace, and offer medical check-ups or health education programs. However, empirical data confirm the prevalence of unhealthy habits among IT professionals (Banerjee et al., 2023; Padma et al., 2015). A study by Mahajan et al. (2025), conducted among 208 IT professionals in India, revealed the prevalence of unhealthy habits in this professional group: 15% smoked daily and 20% consumed alcohol twice a week. Additionally, 89% of the respondents used electronic devices before bedtime, reporting moderate (63%) and high (3%) stress levels, as well as physical inactivity (56%). A study by Raju et al. (2025) of 200 young IT professionals found that 70% of them suffered from sleep problems, with a significant correlation between daily caffeine consumption and insomnia ($r = 0.51, p < 0.05$).

A study by Ramakrishnan (2025) of 100 IT professionals in Bangalore found that the choice of self-help strategies for stress reduction varied by gender, age, and marital status. Men were more likely to prefer listening to music and sleeping more on weekends, whereas women tend to prioritize diet, yoga, and physical exercise. Younger professionals were more likely to choose music, hobbies, and prolonged sleep, while those over 40 prefer yoga, diet, and religious practices. A study by Padmaja et al. (2018) showed that IT professionals had a predominantly external locus of control for health, meaning they tended to attribute their health to chance

rather than their own efforts. This may hinder the maintenance of healthy habits, such as proper oral hygiene. Conversely, the study found that individuals with a stronger internal locus of control, who believed in their own ability to influence their situation, maintained better oral hygiene. A study by Reddy et al. (2016), conducted among 1017 Indian IT professionals, found that barriers to regular dental visits increased with age. These barriers included the lack of dental insurance and an increased number of working days per week, with women more frequently reporting issues related to limited knowledge about dental care.

The implementation of personal health resources within the HWM is considered through the opportunities provided by corporate health and well-being programs. Some studies have also shown that it is not easy to change employees' health behaviors simply by improving the health environment without actively promoting a healthy lifestyle (Brehm et al., 2011). Therefore, the development and promotion of workplace health policies, along with actual health promotion activities, can allow employees to more directly experience the health culture (Nea et al., 2017) and to a greater extent create facilitators for this, rather than simply removing barriers (Jackson et al., 2025a; 2025b).

Enterprise community involvement concerns the health of the community where employees live and work. A company's contribution can include, for instance, reducing harmful emissions, supporting local health programs, providing healthcare to employees' families, and participating in the development of local infrastructure. In this context, corporate volunteering programs deserve special attention. They allow employees to actively participate in community life, benefiting both society and themselves (Jones, 2016). Corporate volunteering increases employees' satisfaction and retention, while also strengthening the organization's reputation and its ties with external stakeholders (Cycyota et al., 2016). This relationship is partly explained by the fact that employees' motivation to volunteer, based on the desire to express personally significant values, is positively correlated with their organizational commitment (Brockner et al., 2014). However, despite the widely recognized positive impact of volunteering on well-being, there is currently a lack of research examining the relationship between IT professionals' health and their participation in volunteering activities. At least, the authors of this review have not found any studies on this topic. Nevertheless, based on the overall research, it should be noted that volunteering can be beneficial for preventing emotional burnout, but it may prove ineffective for those already experiencing it (Metzger et al., 2024). This highlights a potential barrier: if an IT professional is already experiencing burnout due to work intensity or other factors, volunteering may not yield the expected health benefits and, on the contrary, may exacerbate the situation.

Discussion

Interpreting occupational risks for IT professionals through the HWM framework allows us not only to describe threats to health and well-being but also to identify job design characteristics that functionally restrict health-promoting behaviors and, therefore, are relevant for subsequent diagnostics and interventions.

Methodologically, two levels of description should be distinguished: (1) workplace risk, and (2) barrier to healthy behavior. A workplace risk is a characteristic of the work organization and the production environment (exposure) that increases the probability of adverse consequences. A barrier to healthy behavior is a personalized obstacle arising from the interaction between an individual and the work environment, manifested as a reduced likelihood of performing health-promoting activities (sleep, breaks, physical activity, nutrition, seeking help). Consequently, the same risk may not become a barrier for employees with high resources and stable habits, but it can transform into a pronounced barrier for employees from vulnerable groups (e.g., chronic fatigue, somatic symptoms, low stress resilience, or a deficit of recovery strategies). This differentiation between risks and barriers is based on the Job Demands-Resources (JD-R) model (Bakker & Demerouti, 2007): risks describe demands (workload, deadlines, cognitive complexity, constant availability, etc.) and environmental resource shortages (autonomy, support, recovery norms, infrastructure). The imbalance between demands and resources exacerbates the health deterioration process, which reduces the likelihood of regular health-promoting actions and transforms a workplace risk into a barrier to healthy behavior (Demerouti et al., 2001; Bakker & Demerouti, 2007).

As applied to the logic of the future questionnaire, it is crucial to capture not symptoms (pain/fatigue), but rather manageable conditions that transform a risk into a barrier to healthy behavior. Physical workplace risks for IT specialists in this block (prolonged sitting, static posture, repetitive movements, screen time, ergonomic and environmental deficits) become potential barriers when they reduce the feasibility of regular micro-breaks, postural changes, physical activity, vision restoration, and proper nutrition. When diagnosing barriers, it is crucially important to record manageable conditions (i.e., the quality of ergonomics and environment, the availability of infrastructure for rest/nutrition, and the perceived reasonableness of breaks) rather than somatic symptoms themselves. Psychosocial workplace risks for IT professionals (high workload, deadline pressure, multitasking, information overload, high responsibility, technostress, blurred boundaries, and constant availability for work communications) increase the likelihood of barriers to healthy behavior in the context of time pressure (displacement of sleep, meals, and breaks), depleted self-regulation and self-organization resources, and a lack of support or feedback from managers and colleagues regarding both professional tasks and health/well-being issues. Notably, psychosocial risks most significantly increase the likelihood of barriers to healthy behavior through organizational policies, practices, and procedures aimed at protecting psychological health (Dollard & Bakker, 2010; Karatuna et al., 2025). The personal health resources block reflects, on one hand, organizational opportunities provided for health promotion (physical and mental health support, access to medical care) and, on the other hand, subjective attitudes towards one's own health. Although there is no specific research on how enterprise community involvement affects the health and well-being of IT employees, this aspect may be considered optional.

For the future diagnostics of organizational-level barriers to healthy behavior, it is advisable to focus on the organizational component (the availability and

feasibility of health resources), whereas the individual level of barriers (self-regulation, coping strategies, control beliefs) requires a separate instrument or module to avoid conflating levels and blurring the construct. Methodologically, the question of “personal health resources” in the HWM remains dualistic: on the one hand, it includes resources provided by the organization in the form of health and well-being programs; on the other hand, it is linked to individual psychological characteristics of an employee’s behavior. To avoid conflating levels of explanation, the questionnaire should consist of two parts: the first, “Organizational-level barriers to healthy behavior”, which should be structured around the institutional (organizational) level, and the second, “Individual-level barriers to healthy behavior”, which should include questions about individual-level barriers.

In terms of the content validity criteria for the future instrument, items should describe contextual, modifiable work characteristics; be clearly linked to a specific class of health-promoting activities; represent key mechanisms of barrier emergence (time/energy, infrastructure availability, norms and support, digital boundaries); and allow for direct linkage to barrier-reducing measures. Therefore, it is appropriate to define the construct of the future questionnaire as an assessment of organizationally manageable conditions that increase the likelihood of identifying and overcoming barriers to healthy behavior.

This study was conducted in the format of a scoping review; therefore, it does not involve a quantitative meta-analysis or a formal risk of bias assessment. The findings describe a map of factors and potential mechanisms rather than effect sizes or causality. The heterogeneity of sources (countries, IT roles, work formats such as office/remote/hybrid, and differences in research designs and metrics used) limits the direct comparability of frequencies and results, necessitating further empirical verification in specific organizational contexts. Many studies record behavioral indicators of health-promoting practices indirectly, highlighting the importance of subsequent operationalization of barriers by measuring manageable work conditions and applying content validation procedures for the future questionnaire items. Finally, the HWM domain related to enterprise community involvement is limitedly represented in digital professions; therefore, the corresponding module of the instrument should be considered optional and its role should be verified empirically.

Conclusion

This review confirms the existence of a substantial complex of occupational risks in the work of IT professionals, such as physical (musculoskeletal, visual, and metabolic disorders) and psychosocial problems (high stress levels and professional burnout), despite the formal absence of hazardous production factors. These risks are caused by a complex interaction of multi-level determinants: the nature of the work itself (physical inactivity, high cognitive demands), deficiencies in the physical environment (inadequate ergonomics), characteristics of the psychosocial environment (productivity demands, organizational culture, work-life balance), and the state of personal health resources (lifestyle, presence of unhealthy habits). Workplace risks can transform into barriers for two reasons: first, as direct behavioral

restrictions (poor workplace organization, lack of recovery conditions, specific job design features); and second, as “secondary barriers” arising from accumulated discomfort, pain, and fatigue during the workday. These secondary barriers decrease the likelihood of micro-breaks, movement, and recovery after work, thereby limiting the employees’ ability to restore and replenish their resource base.

The application of the HWM, encompassing the physical and psychosocial work environment, personal health resources, and enterprise community involvement, provides an effective and evidence-based framework for a holistic analysis of risks that may act as barriers to healthy behavior and impact the well-being of IT professionals.

References

- Alghadir, A.H., Khalid, S., & Iqbal, Z.A. (2022). Work-related musculoskeletal disorders among information technology professionals in Riyadh, Saudi Arabia. *Medycyna Pracy. Workers' Health and Safety*, 73(5), 397–406. <https://doi.org/10.13075/mp.5893.01281>
- Anthony-McMann, P.E., Ellinger, A.D., Astakhova, M., & Halbesleben, J.R. (2017). Exploring different operationalizations of employee engagement and their relationships with workplace stress and burnout. *Human Resource Development Quarterly*, 28(2), 163–195. <https://doi.org/10.1002/hrdq.21276>
- Babu, G.R., Sathyanarayana, N.T., Ketharam, A., Kar, S.B., & Detels, R. (2015). Perceived occupational stressors and the health software professionals in Bengaluru, India. *The Qualitative Report*, 20(3). <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2015.2274>
- Bakker, A.B., & Demerouti, E. (2007). The job demands-resources model: state of the art. *Journal of Managerial Psychology*, 22(3), 309–328. <https://doi.org/10.1108/02683940710733115>
- Banerjee, P., Reddy, G.B., Panda, H., Angadi, K.K., Reddy, T., & Gavaravarapu, S.M. (2023). Diets, lifestyles and metabolic risk factors among corporate information technology (IT) employees in South India. *Nutrients*, 15(15), 3404. <https://doi.org/10.3390/nu15153404>
- Brehm, B.J., Gates, D.M., Singler, M., Succop, P.A., & D'Alessio, D.A. (2011). Environmental changes to control obesity: A randomized controlled trial in manufacturing companies. *American Journal of Health Promotion*, 25(5), 334–340. <https://doi.org/10.4278/ajhp.090128-QUAN-37>
- Brockner, J., Senior, D., & Welch, W. (2014). Corporate volunteerism, the experience of self-integrity, and organizational commitment: Evidence from the field. *Social Justice Research*, 27(1), 1–23. <https://doi.org/10.1007/s11211-014-0204-8>
- Brooks, S., Zaza, S., Erskine, M., & Greer, T. (2023). IT professionals’ turnaway intention and the role of technostress. *ACM SIGMIS Database: the DATABASE for Advances in Information Systems*, 54(2), 97–110. <https://doi.org/10.1145/3595863.3595870>
- Chang, R. (2024). The impact of employees’ health and well-being on job performance. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 29(1), 372–378. <https://doi.org/10.54097/9ft7db35>
- Clinchamps, M., Bibily, C., Bouillon-Minois, J.B., Ugbole, U.C., Trousselard, M., Pereira, B., & Dutheil, F. (2024). Exploring the relationship between occupational stress, physical activity and sedentary behavior using the Job-Demand-Control Model. *Frontiers in Public Health*, 12, 1392365. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1392365>
- Cycyota, C.S., Ferrante, C.J., & Schroeder, J.M. (2016). Corporate social responsibility and employee volunteerism: What do the best companies do? *Business Horizons*, 59(3), 321–329. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2016.01.004>
- Demerouti, E., Bakker, A.B., Nachreiner, F., & Schaufeli, W.B. (2001). The job demands-resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 86(3), 499–512. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.499>

- Dollard, M.F., & Bakker, A.B. (2010). Psychosocial safety climate as a precursor to conducive work environments, psychological health problems, and employee engagement. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 83(3), 579–599. <https://doi.org/10.1348/096317909X470690>
- Farooq, H., Janjua, U. I., Madni, T. M., Waheed, A., Zareei, M., & Alanazi, F. (2022). Identification and analysis of factors influencing turnover intention of Pakistan IT professionals: An empirical study. *IEEE Access*, 10, 64234–64256. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3181753>
- Graziotin, D., Fagerholm, F., Wang, X., & Abrahamsson, P. (2018). What happens when software developers are (un)happy. *Journal of Systems and Software*, 140, 32–47. <https://doi.org/10.1016/j.jss.2018.02.041>
- Gren, M. (2025). Workload in the Austrian IT-sector regarding leadership roles. *Frontiers in Sociology*, 9, 1414420. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1414420>
- Harden, G., Boakye, K.G., & Ryan, S. (2018). Turnover intention of technology professionals: A social exchange theory perspective. *Journal of Computer Information Systems*, 58(4), 291–300. <https://doi.org/10.1080/08874417.2016.1236356>
- Harvey, S.B., Joyce, S., Tan, L., Johnson, A., Nguyen, H., Modini, M., & Groth, M. (2014). Developing a mentally healthy workplace: A review of the literature. <https://apo.org.au/node/57690>
- Hasanat, M.R.U., Ali, S.S., Rasheed, A., & Khan, M. (2017). Frequency and associated risk factors for neck pain among software engineers in Karachi, Pakistan. *JPMA. The Journal of the Pakistan Medical Association*, 67(7), 1009–1012.
- Jackson, A.T., Mazzola, J.J., & Loveless, J.P. (2025a). The impact of healthy choices at work: Daily barriers, facilitators, and their effects on stress and performance. *Occupational Health Science*, 9, 383–406. <https://doi.org/10.1007/s41542-025-00220-7>
- Jackson, A. T., Mazzola, J. J., & Loveless, J. P. (2025b). Correction: The impact of healthy choices at work: Daily barriers, facilitators, and their effects on stress and performance. *Occupational Health Science*, 9, 407–408. <https://doi.org/10.1007/s41542-025-00226-1>
- Jasmine, M., Fasna, L., Chellaiyan, V.G., Raja, V.P., & Ravivarman, G. (2020). A study on knowledge and practice of Ergonomics among the Software Engineers in a private firm, Chennai, Tamil Nadu. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 9(8), 4287–4291. https://doi.org/10.4103/jfmpe.jfmpe_848_20
- Jayakumar, G.G., Thampi, B., Iyer, M.K., & Sasidharan, R.R. (2020). Awareness of computer vision syndrome and related factors among information technology professionals. *International Journal of Research in Medical Sciences*, 8(12), 4336. <https://doi.org/10.18203/2320-6012.ijrms20205301>
- Jayanandana, N., & Jayathilaka, R. (2023). Factors affecting job performance of Sri Lankan IT professionals working from home. *PLoS ONE*, 18(12), e0295305. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0295305>
- Jones, D. A. (2016). Widely assumed but thinly tested: Do employee volunteers' self-reported skill improvements reflect the nature of their volunteering experiences? *Frontiers in Psychology*, 7, 495. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00495>
- Kanwar, Y.P.S., Singh, A.K., & Kodwani, A.D. (2012). A study of job satisfaction, organizational commitment and turnover intent among the IT and ITES sector employees. *Vision: The Journal of Business Perspective*, 16(1), 27–35. <https://doi.org/10.1177/097226291201600103>
- Karatuna, I., Jönsson, S., Dollard, M.F., & Muhonen, T. (2025). The associations of the psychosocial safety climate with human service workers' job demands, resources, and work-and health-related outcomes: A scoping review. *Safety Science*, 191, 106949. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2025.106949>
- Kumaresan, A., Sebastian, N., Suganthirababu, P., Srinivasan, V., Vishnuram, S., Kumar, P., Jayaraj, V., Alagesan, J., Prathap, L., & Kandakurti, P. (2022a). Efficacy of physiotherapy

- management on burnout syndrome amongst IT professionals during the COVID-19 pandemic. *Work*, 73(3), 769–775. <https://doi.org/10.3233/wor-220051>
- Kumaresan, A., Suganthirababu, P., Srinivasan, V., Vijay Chandhini, Y., Divyalaxmi, P., Alagesan, J., Vishnuram, S., Ramana, K., & Prathap, L. (2022b). Prevalence of burnout syndrome among Work-From-Home IT professionals during the COVID-19 pandemic. *Work*, 71(2), 379–384. <https://doi.org/10.3233/wor-211040>
- Lalloo, D., Lewsey, J., Katikireddi, S.V., Macdonald, E.B., & Demou, E. (2021). Health, lifestyle and occupational risks in Information Technology workers. *Occupational Medicine*, 71(2), 68–74. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqaa222>
- Mahajan, A., Desai, I.P., & Muley, A. (2025). Assessing the lifestyle-related determinants among employees working in the IT sector of Pune City. *Indian Journal of Community Medicine*, 50(2), 379–384. https://doi.org/10.4103/ijcm.ijcm_653_23
- Metzger, T., Nguyen, N., Le, H., Havo, D., Ngo, K., Lee, S., Nguyen, T., Nguyen, Q., Tran, L., Tong, N., Le, C., & Dudovitz, R. (2024). Does volunteering decrease burnout? Healthcare professional and student perspectives on burnout and volunteering. *Frontiers in Public Health*, 12, 1387494. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1387494>
- Muscaritoli, M. (2021). The impact of nutrients on mental health and well-being: insights from the literature. *Frontiers in Nutrition*, 8, 656290. <https://doi.org/10.3389/fnut.2021.656290>
- Natarajan, T., S, S.L., Lakshminarayanan, S., Madhavan, B., Ravichandran, D.K., & Prasanth, K. (2025). Assessment of liver enzymes and the risk of non-alcoholic fatty liver disease (NAFLD) among Information Technology (IT) professionals. *Cureus*, 17(7), e88786. <https://doi.org/10.7759/cureus.88786>
- Nea, F.M., Pourshahidi, L.K., Kearney, J., Livingstone, M.B.E., Bassul, C., & Corish, C.A. (2017). A qualitative exploration of the shift work experience: The perceived barriers and facilitators to a healthier lifestyle and the role of the workplace environment. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 59(12), 1153–1160. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000001126>
- Padma, V., Anand, N.N., Gurukul, S.M.G.S., Javid, S.M.A.S. M., Prasad, A., & Arun, S. (2015). Health problems and stress in Information Technology and Business Process Outsourcing employees. *Journal of Pharmacy and Bioallied Sciences*, 7(Suppl 1), S9-S13. <https://doi.org/10.4103/0975-7406.155764>
- Padmaja, P., Kulkarni, S., Doshi, D., Reddy, S., Reddy, P., & Reddy, K.S. (2018). Impact of health locus of control on oral health status among a cohort of IT professionals. *Oral Health & Preventive Dentistry*, 16(3). <https://doi.org/10.3290/j.ohpd.a40757>
- Pattath, P. (2025). Stories of work-related musculoskeletal disorders: Narratives of information technology professionals. *Workplace Health & Safety*, 21650799251345843. <https://doi.org/10.1177/21650799251345843>
- Prasetya, T.A.E., Samad, N.I.A., Rahmania, A., Arifah, D.A., Rahma, R.A.A., & Al Mamun, A.A. (2024). Workstation risk factors for work-related musculoskeletal disorders among IT professionals in Indonesia. *Journal of Preventive Medicine and Public Health*, 57(5), 451. <https://doi.org/10.3961/jpmph.24.214>
- Pukur, T.K., Pravinbhai, P.J., & Jayprakashkumar, M. (2024). Role of ergonomics in occupational health problems of Information Technology professional of Ahmedabad City. *Indian Journal of Public Health Research & Development*, 15(4). <https://doi.org/10.37506/n1zdba46>
- Raju, A., Chandran, M., & Fredrick, J. (2025). Excessive day time sleepiness, poor sleep quality, and their association to caffeine consumption among young Information Technology professionals. *Industrial Psychiatry Journal*, 34(2), 191–195. https://doi.org/10.4103/ipj.ipj_247_24
- Raju, A., Nithiya, D.R., & Tipandjan, A. (2024). Effort–reward imbalance and its association with musculoskeletal pain among Information Technology professionals. *Indian Journal*

- of Occupational and Environmental Medicine*, 28(4), 288–292. https://doi.org/10.4103/ijoem.ijoem_135_23
- Ram, D., Mushtaq, N.F., Honnugudi, B.D., & Alammari, M.A. (2022). Level and relationships of life satisfaction with cognitive flexibility and resilience in IT professionals. *Indian Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 26(2), 84–90. https://doi.org/10.4103/ijoem.ijoem_213_21
- Ramakrishnan, V. (2025). Self-care strategies for reducing work stress: A study on IT professionals in Bangalore. *Academic Research Journal of Science and Technology (ARJST)*, 1(6), 1–10. <https://doi.org/10.63300/pq0f1d64>
- Ramesh, N., Joseph, B., Kiran, P. R., Kurian, J., & Babu, A. T. (2016). Perceived professional stress levels among employees in an information technology company, Bangalore. *National Journal of Community Medicine*, 7(4), 231–234.
- Reddy, L.S., Doshi, D., Reddy, B.S., Kulkarni, S., Reddy, M.P., Satyanarayana, D., & Baldava, P. (2016). Self-reported obstacles to regular dental care among Information Technology professionals. *Journal of Clinical and Diagnostic Research: JCDR*, 10(10), ZC132. <https://doi.org/10.7860/jcdr/2016/20655.8696>
- Russo, D., Hanel, P.H.P., Altnickel, S., & van Berkel, N. (2021). Predictors of well-being and productivity among software professionals during the COVID-19 pandemic – a longitudinal study. *Empirical Software Engineering*, 26(4), 62. <https://doi.org/10.1007/s10664-021-09945-9>
- Saraç, E., Yıldız, E., & Çalışkan, D. (2023). The impact of healthy lifestyle behaviors on productivity at work: A factory example. *Turkish Journal of Public Health*, 21(2), 236–246. <http://doi.org/10.20518/tjph.1232243>
- Sharma, V., Deb, S., Mahajan, Y., Ghosal, A., & Kapse, M. (2025). Psychological impacts of AI-induced job displacement among Indian IT professionals: A Delphi-validated thematic analysis. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 20(1), 2556445. <https://doi.org/10.1080/17482631.2025.2556445>
- Singh, S., & Sharma, T. (2017). Affect of adversity quotient on the occupational stress of IT managers in India. *Procedia Computer Science*, 122, 86–93. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.11.345>
- Smite, D., Tkalic, A., Moe, N.B., Papatheocharous, E., Klotins, E., & Buvik, M.P. (2022). Changes in perceived productivity of software engineers during COVID-19 pandemic: The voice of evidence. *Journal of Systems and Software*, 186, 111197. <https://doi.org/10.1016/j.jss.2021.111197>
- Stewart, N.H., & Arora, V.M. (2019). The impact of sleep and circadian disorders on physician burnout. *Chest*, 156(5), 1022–1030. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2019.07.008>
- Stincel, O.R., Oravitan, M., Pantea, C., Almajian-Guta, B., Mirica, N., Boncu, A., & Avram, C. (2023). Assessment of forward head posture and ergonomics in young IT professionals – reasons to worry? *La Medicina del Lavoro*, 114(1), e2023006. <https://doi.org/10.23749/mdl.v114i1.13600>
- Stoewen, D. L. (2016). Wellness at work: Building healthy workplaces. *The Canadian Veterinary Journal*, 57(11), 1188.
- Subha, B., Madhusudhanan, R., & Thomas, A. (2021). An investigation of the impact of occupational stress on mental health of remote working women IT professionals in urban Bangalore, India. *Journal of International Women's Studies*, 22(6), 139–149.
- Sunanda, Dr. K. (2018). Influence of occupational role stressors on employees' stress in IT sector. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*, 23(5), 71–82. <https://doi.org/10.9790/0837-2305037182>
- Thomson, J., & Deepthi, D.P. (2023). Burnout, work-life balance and job satisfaction among software developers. *The International Journal of Indian Psychology*, 11(2). <https://doi.org/10.25215/1102.118>

- Tiwari, R., Gupta, V., Razeen, M., Aghin, M., Gourisaria, H., & Agarwal, S. (2023). The relationship between job satisfaction and work motivation in IT industry. *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*, 11(4), 2394–2402. <https://doi.org/10.22214/ijraset.2023.50669>
- Trivedi, O., Roy, R., Sukumar, G.M., Philip, M., & Gururaj, G. (2024). Levels of work stress among information technology professionals during COVID-19 pandemic in an Indian metropolis. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 13(2), 674–680. https://doi.org/10.4103/jfmpe.jfmpe_1199_23
- Vinod, S., & Arun, B. (2015). Prevalence of various work related musculoskeletal disorders in software professionals. *Indian Journal of Medical & Health Sciences*, 2(1), 9–13.
- Walia, K., & Narang, S. (2015). Job stress and job involvement: A study of IT professionals from North India. *Prabandhan: Indian Journal of Management*, 8(4), 39–50. <https://doi.org/10.17010/pijom/2015/v8i4/63815>
- Weerarathna, R., Rathnayake, N., Yasara, I., Jayasekara, P., Ruwanpura, D., & Nambugoda, S. (2022). Towards work-life balance or away? The impact of work from home factors on work-life balance among software engineers during COVID-19 pandemic. *PLoS ONE*, 17(12), e0277931. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0277931>
- Wong, N., Jackson, V., Van Der Hoek, A., Ahmed, I., Schueller, S.M., & Reddy, M. (2023). Mental wellbeing at work: Perspectives of software engineers. *Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (article 858). New York: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3544548.3581528>
- Zadow, A., Loh, M.Y., Dollard, M.F., Mathisen, G.E., & Yantcheva, B. (2023). Psychosocial safety climate as a predictor of work engagement, creativity, innovation, and work performance: A case study of software engineers. *Frontiers in Psychology*, 14, 1082283. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1082283>
- Zayed, H.A.M., Saied, S.M., Younis, E.A., & Atlam, S.A. (2021). Digital eye strain: Prevalence and associated factors among Information Technology professionals, Egypt. *Environmental Science and Pollution Research*, 28(20), 25187–25195. <https://doi.org/10.1007/s11356-021-12454-3>
- Zaza, S., Armstrong, D.J., & Riemenschneider, C.K. (2022). The influence of psychological contracts and burnout on IT professionals' turnover and turnaway intention. *Communications of the Association for Information Systems*, 50(1), 27. <https://doi.org/10.17705/1cais.05023>

Article history:

Received 12 August, 2025

Revised 14 September, 2025

Accepted 15 September, 2025

For citation:

Gofman, O.O., Shumeiko, E., & Nikiforov, G.S. (2025). Workplace risks for IT professionals associated with barriers to healthy behavior: A review of international research in the context of the Healthy Workplace Model. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 671–691. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-671-691> EDN: OKMLYM

Author's contribution:

Olga O. Gofman — research methodology development, literature analysis, text reviewing and editing, final editing and approval of the version for publication. *Elena Shumeiko* — literature analysis, original draft preparation, visualization, text editing. *German S. Nikiforov* — research methodology, article reviewing and editing, final approval of the version for publication.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Olga O. Gofman, Ph.D. in Psychology, Associate Professor at the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4750-5415; ResearcherID: K-1694-2018; Scopus Author ID: 57219905431; eLibrary SPIN-code: 3350-9879. E-mail: o.o.gofman@spbu.ru

Elena Shumeiko, Research Engineer, Assistant at the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0009-0001-9653-9283; ResearcherID: MTF-q204-2025; eLibrary SPIN-code: 9715-5986. E-mail: alena.shum2017@yandex.ru

German S. Nikiforov, Doctor of Psychology, Professor at the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2016-7882; ResearcherID: F-7631-2015; Scopus Author ID: 57127853400; eLibrary SPIN-code: 3571-1660. E-mail: nikiforov.germ@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-671-691

EDN: OKMLYM

УДК 159.9.072

Обзорная статья

Риски рабочего места ИТ-специалистов и их связь с барьерами здорового поведения: обзор зарубежных исследований в контексте модели «Здоровое рабочее место»

О.О. Гофман , Е. Шумейко ✉, Г.С. Никифоров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ alena.shum2017@yandex.ru

Аннотация. В современном информационном обществе, где ИТ-специалисты занимают центральное место, их профессиональная деятельность, несмотря на кажущуюся безопасность, связана со специфическими и не всегда очевидными рисками для здоровья. Значимость изучения данных рисков определяется их прямым влиянием на производительность труда, здоровье и благополучие ИТ-специалистов. Цель исследования — проведение обзора и систематизации зарубежных научных данных о рисках рабочего места ИТ-специалистов в контексте модели ВОЗ «Здоровое рабочее место» (ЗРМ), а также обоснование разработки опросника барьеров здорового поведения организационного уровня. Проведен скопинг-обзор по протоколу PRISMA-ScR, поиск источников выполнен в базах данных Scopus, WoS, PsycINFO, PubMed и Google Scholar с последующим

целевым просмотром списков литературы и поиска по цитированию. Критерии включения P-E-O-S: ИТ-специалисты (P, Population), их риски рабочего места, которые могут стать причинами барьеров здорового поведения (E, Exposure/Context), результаты для здоровья/благополучия (O, Outcomes); эмпирические количественные, качественные и смешанные исследования на английском языке, опубликованные в рецензируемых журналах (S, Study Design). Из более чем 500 найденных статей в итоговый обзор включены 45 публикаций. Результаты показывают, что ИТ-специалисты сталкиваются с комплексом рисков, несмотря на формальное отсутствие вредных производственных факторов. Эти риски включают физические (заболевания опорно-двигательного аппарата, проблемы со зрением, метаболические и сердечно-сосудистые нарушения) и психосоциальные (стресс, выгорание, отсутствие баланса между работой и личной жизнью) проблемы. Физические риски обусловлены длительным сидением, недостатком физической активности и плохой эргономикой рабочего места. Психосоциальные риски связаны с высокой рабочей нагрузкой, жесткими сроками и размыванием цифровых границ. Личные ресурсы здоровья сотрудников имеют двойственный характер: с одной стороны, они зависят от реализуемых в компании программ здоровья и благополучия, а с другой — от субъективного отношения к собственному здоровью и особенностей образа жизни в целом. Исследования о влиянии участия организации в жизни сообщества на здоровье и благополучие ИТ-сотрудников носят ограниченный характер. Разделение рисков рабочего места и барьеров здорового поведения позволяет выделять управляемые условия труда как ключевые мишени профилактики. Применение модели ЗРМ дает возможность комплексно анализировать риски для здоровья ИТ-специалистов, что позволяет глубже понять причины возникновения барьеров здорового поведения в данной профессиональной группе и обеспечивает содержательную основу для разработки опросника.

Ключевые слова: ИТ-специалисты, здоровое рабочее место, профессиональное здоровье, риски рабочего места, физическая производственная среда, психосоциальная производственная среда, личные ресурсы здоровья работника, участие предприятия в жизни сообщества, барьеры здорового поведения.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00983, <https://rscf.ru/project/25-28-00983/>

История статьи:

Поступила в редакцию 12 августа 2025 г.

Доработана после рецензирования 14 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 сентября 2025 г.

Вклад авторов:

О.О. Гофман — разработка методологии исследования, анализ литературы, рецензирование и редактирование текста статьи, окончательное утверждение версии для публикации. *Е. Шумейко* — анализ литературы, подготовка первичной версии статьи, визуализация, редактирование статьи. *Г.С. Никифоров* — методология исследования, рецензирование и редактирование текста статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Для цитирования:

Gofman O.O., Shumeiko E., Nikiforov G.S. Workplace risks for IT professionals associated with barriers to healthy behavior: A review of international research in the context of the Healthy Workplace Model // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 671–691. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-671-691> EDN: ОКМЛЫМ

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Гофман Ольга Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9). ORCID: 0000-0002-4750-5415; ResearcherID: K-1694-2018; Scopus Author ID: 57219905431; eLibrary SPIN-код: 3350-9879. E-mail: o.o.gofman@spbu.ru

Шумейко Елена, инженер-исследователь, ассистент кафедры психологии труда и организационной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9). ORCID: 0009-0001-9653-9283; ResearcherID: MTF-q204-2025; eLibrary SPIN-код: 9715-5986. E-mail: alena.shum2017@yandex.ru

Никифоров Герман Сергеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9). ORCID: 0000-0002-2016-7882; ResearcherID: F-7631-2015; Scopus Author ID: 57127853400; eLibrary SPIN-код: 3571-1660. E-mail: nikiforov.germ@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-692-713

EDN: OBCHNN

УДК 159.9.072.432

Исследовательская статья

Связь семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере семейного бизнеса

Ю.С. Мурзина¹, В.П. Позняков², И.А. Русяева¹,
А.В. Кулагин¹

¹Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

²Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

y.s.murzina@utmn.ru

Аннотация. Малый и средний бизнес, являясь чаще всего семейными компаниями, выступает ключевым фактором экономической стабильности. Однако вопросы формирования преемственного поведения и вовлечения молодежи в семейный бизнес (СБ) остаются малоизученными в России. Цель работы — изучение взаимосвязи характеристик семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере СБ. Выборка исследования включает 958 молодых людей — студентов российских вузов, разделенных на две группы сравнения: 230 потенциальных преемников действующего семейного бизнеса (70,43 % женского и 29,57 % мужского пола) и 728 респондентов, чьи семьи никак не связаны с предпринимательством (72,94 % женского и 27,06 % мужского пола). Для дифференциации респондентов по группам использовался вопрос-фильтр: «Являетесь ли Вы представителем семейного бизнеса (Ваши родственники являются владельцами бизнеса)»; для исследования предпринимательских намерений — вопрос: «Хотели ли бы Вы продолжить существующий семейный бизнес (стать преемником)? Если бизнеса нет, то хотели ли бы Вы сами создать семейный бизнес?». Для оценки особенностей семейных отношений применялась Шкала семейной сплоченности и адаптации (FACES III) Д. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави в русскоязычной адаптации Э.Г. Эйдемиллера и коллег. Результаты подтвердили, что потенциальные преемники бизнеса имеют значимо более высокие предпринимательские намерения по сравнению с молодежью из семей не предпринимателей. Намерение продолжать семейный бизнес у потенциальных преемников коррелирует с эмоциональной связью, совместным принятием решений и распределенным лидерством в семье (для семей не предпринимателей — значимых взаимосвязей не выявлено). Семейным отношениям преемников, желающих включаться и продолжать бизнес, присущи эмоциональная поддержка со стороны родителей, желание проводить свободное время вместе, обсуждение семейных проблем, гибкость в распределении семейных ролей и роли лидера, важность единства семьи. Практическая значимость работы заключается в разработке программ психологической поддержки, направленных на повышение сплоченности бизнес-семей и вовлечение молодежи в управление бизнесом.

© Мурзина Ю.С., Позняков В.П., Русяева И.А., Кулагин А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: семейный бизнес, предпринимательские намерения молодежи, семейные отношения, семейная сплоченность, семейная адаптация, FACES III

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-28-01571 «Социально-психологические характеристики преемников семейного бизнеса» https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01571.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования М.В. Прохорову (ННГУ им. Лобачевского, г. Нижний Новгород), П.М. Шитикова (Педагогический институт ТюмГУ, г. Тобольск), А.В. Боярских (РАНХиГС, г. Москва), Н.Н. Мехтиханову (ЯрГУ, г. Ярославль), Е.Р. Миронову (КубГУ, г. Краснодар).

Введение

Предпринимательская деятельность является важнейшим фактором социальной стабильности, а малый и средний бизнес — драйвером роста экономики в целом. Согласно аналитике Торгово-промышленной палаты, в РФ 74 % предприятий малого и среднего бизнеса — это семейные компании. Развитие семейных предприятий обеспечивает новые рабочие места и инновации (Chirico et al., 2022), способствует личностной самореализации владельца (Охременко, 2021) и ранней экономической социализации преемников (Smythe, Sardeshmukh, 2013).

Единого определения семейного бизнеса на сегодняшний день не существует, хотя попытки сформулировать его предпринимаются на протяжении нескольких десятилетий. Согласно зарубежным исследователям, семейный бизнес (СБ) определяется как «бизнес, который управляется с целью актуализации и реализации его видения доминирующей коалицией, находящейся под контролем одной или нескольких семей на протяжении ряда поколений» (Chua, Christman, Sharma, 1999, с. 25). Н.И. Баранец определяет СБ как «инициативную деятельность членов семьи и их родственников, являющихся собственниками и работниками созданного (приобретенного) предприятия» (Баранец, 2007, с. 129). Т.Г. Касьяненко и А.М. Воротилкина понимают под СБ приносящую доход деятельность, которую ведет собственник бизнеса совместно с родственниками на основании сложившихся традиций и идей, переходящих от поколения к поколению (Касьяненко, Воротилкина, 2020).

В РФ до сих пор нет единого определения СБ на федеральном уровне. Однако региональные инициативы некоторых субъектов РФ показывают положительный пример юридического определения и формирования мер региональной поддержки таких предприятий. Так, Саратовская областная дума одна из первых в стране в 2024 г. приняла закон «О развитии семейных предприятий». В нашей работе мы будем придерживаться указанной в нем формулировки и рассматривать СБ как «субъект малого и среднего предпринимательства»¹, владельцами которого являются члены расширенной семьи (супруги, родители или усыновители, дети, братья и сестры, внуки, дедушки и бабушки, а также дяди и тети каждого из супругов).

¹ Васенина Д. Начали с малого // Коммерсантъ : официальный сайт. 2024. 16 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6693675> (дата обращения: 01.05.2025).

Важным аспектом является тот факт, что дети (молодые люди) по мере взросления могут выступать преемниками СБ. Однако так происходит далеко не всегда: зачастую дети не хотят принимать управление бизнесом. В лучшем случае это приводит к продаже компании, в худшем — к ликвидации. Это определяет актуальность исследования особенностей семейных отношений, способствующих и препятствующих формированию предпринимательских намерений детей в сфере семейного бизнеса.

Предпринимательские намерения молодежи

Согласно исследованиям ВЦИОМ², в нашей стране за последние 15 лет существует тенденция улучшения отношения россиян к предпринимателям. При этом потребность создавать СБ не выражена: 40 % респондентов в возрасте до 24 лет хотели бы открыть свой независимый от семьи бизнес.

В целом желание создать свой бизнес определяется как предпринимательское намерение. Как показывают исследования, именно намерение является предиктором любого запланированного поведения, включая предпринимательство (Krueger, Reilly, Carsrud, 2000). Зарубежные исследователи часто обращаются к теории запланированного поведения И. Айзена (Theory of planned behavior) и модели предпринимательского события А. Шаперо и Л. Сокола (Model of the entrepreneurial event). И. Айзен утверждает, что намерения в целом зависят от восприятия личной привлекательности, социальных норм и осуществимости (Krueger, Reilly, Carsrud, 2000, с. 416). В модели А. Шаперо и Л. Сокола постулируется, что предпринимательские намерения зависят от восприятия личной желательности, осуществимости и склонности к действию (Krueger, Reilly, Carsrud, 2000, с. 418).

Исследование факторов возникновения предпринимательских намерений у молодежи представляет собой научный и практический интерес, что отражено в многочисленных публикациях (Дикун, Белов, 2023; Санина, Мозулев, Поляков, 2022; Шафранов-Куцев, Черкашов, 2020; Vosma et al., 2012; Nasip et al., 2017; Shah, Soomro, 2017).

Как показывают исследования, положительным фактором формирования предпринимательских намерений у молодых людей является наличие бизнеса (в том числе СБ) у родителей (Винокурова, Комарова, Светлов, 2021). На сегодняшний день внимание исследователей сосредоточено в основном на индивидуально-личностных (Biswas, Verma, 2021; Nasip et al., 2017; Shah, Soomro, 2017), когнитивных (Maheshwari, Kha, Arokiasamy, 2023) и средовых факторах (Arasti, Pasvishe, Motavaseli, 2012), формирующих предпринимательские намерения.

Контекст межличностных отношений в исследованиях рассмотрен с точки зрения встречи студентов с вдохновляющими предпринимателями, выступающими образцом для подражания, что довольно важно для принятия

² ВЦИОМ. Предпринимательство: мониторинг // ВЦИОМ : официальный сайт. 2024. 31 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring> (дата обращения: 25.02.2025).

решения начать предпринимательскую карьеру (Vosma et al., 2012). В свою очередь мы предполагаем, что именно межличностные отношения, точнее семейные отношения в бизнес-семье, могут играть существенную роль в формировании предпринимательских намерений у подрастающего поколения. Отдельный интерес представляет в этом контексте сравнительное исследование семейных отношений в бизнес-семьях и в семьях, не связанных с предпринимательством.

Семейные отношения как фактор приобщения молодежи к предпринимательству

Проблема преемственности в СБ является актуальной и относительно малоизученной областью в нашей стране. Исследования указывают на то, что около половины опрошенных российских владельцев бизнеса хотели бы передать бизнес следующему поколению семьи (Волков, 2015; Мурзина, 2015). Д.А. Волков отмечает неразрывность категории СБ и идеи преемственности. Передача бизнеса потомкам и долгосрочное планирование в бизнесе являются гарантиями стабильного развития малого и среднего предпринимательства (Сазонова, 2022).

Нам удалось обнаружить семь направлений изучения роли семьи в формировании предпринимательских намерений:

- 1) инструментальная помощь в виде предоставления родителями ресурсов и рекомендаций (Nisa, Padmalia, 2024);
- 2) обучение со стороны родителей и наставничество (Cater, Young, 2022);
- 3) ранняя социализация в бизнесе и содержательное, ориентированное на результат общение. Так, в общении отца и дочери СБ может выступать коммуникативным поводом, способствующим эмоциональному сближению (Smythe, Sardeshmukh, 2013);
- 4) воспринимаемая гармония семейных отношений и доверие в бизнес-семье (Venter, Boshoff, Maas, 2003), стиль жизни и поддержка семьи (Araști, Pasvishe, Motavaseli, 2012);
- 5) эмоциональная близость и когнитивная согласованность родителей и детей (Su, Dou, 2025);
- 6) эмоциональная приверженность детей бизнесу и положительная реакция родителей на предпринимательские планы детей (Волков, 2015);
- 7) предпочтение сыновей и игнорирование дочерей в СБ: гендерные аспекты национальных культур (Su, Dou, 2025).

Качество семейных отношений в СБ тесно связано с финансовой успешностью предприятия (Glowka, Kallmünzer, Zehrer, 2021; Sharma, 2004; Tucker, 2011). В то же время отношения внутри бизнес-семей характеризуются как более сплоченные по сравнению с семьями, не занимающимися совместным бизнесом (Мурзина, Русяева, 2022). Вероятно, сплочение происходит за счет вовлеченности в совместную трудовую (предпринимательскую) деятельность и наличия общих бизнес-целей. Семейные связи, как отмечает Е.В. Корчагина, выступают ресурсом, который расходуется компанией и, вместе с тем, обеспечивает надежность и поддержку членам семьи (Корчагина, 2015).

Для исследования семейных отношений удобно использовать круговую модель Д. Олсона (Olson, 2000), переведенную и адаптированную на русский язык Э.Г. Эйдемиллером (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2007) в которой выделены шкалы сплоченности и адаптации семейной системы (рис. 1). По горизонтальной оси — шкала сплоченности описывает эмоциональную близость, лояльность членов семьи друг другу и взаимозависимость; по вертикальной оси — шкала адаптации описывает изменчивость лидерства, гибкость распределения семейных ролей и семейных правил.

Таким образом, анализ литературы показывает тематическое разнообразие в зарубежных исследованиях СБ и недостаточную изученность данной темы в России. Вместе с тем установление возможных связей позволило бы предложить научно обоснованные стратегии формирования преемственности у следующего поколения собственников и руководителей в СБ. Психологическая работа по подготовке преемников поможет продлению жизни семейных компаний и созданию бизнес-династий.

Цель исследования — определение взаимосвязи особенностей семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере СБ.

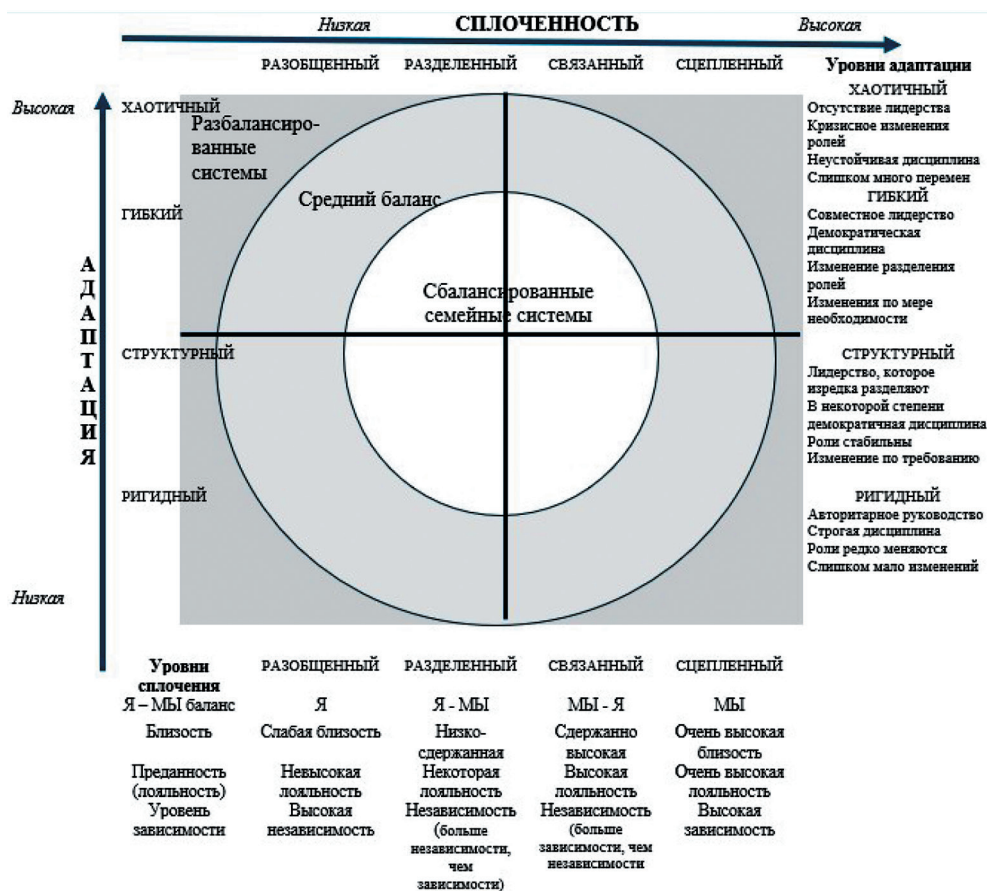

Рис. 1. Круговая модель функционирования семьи Д. Олсона

Источник: подготовлено Ю.С. Мурзиной на основе круговой модели Д. Олсона (Olson, 2000).

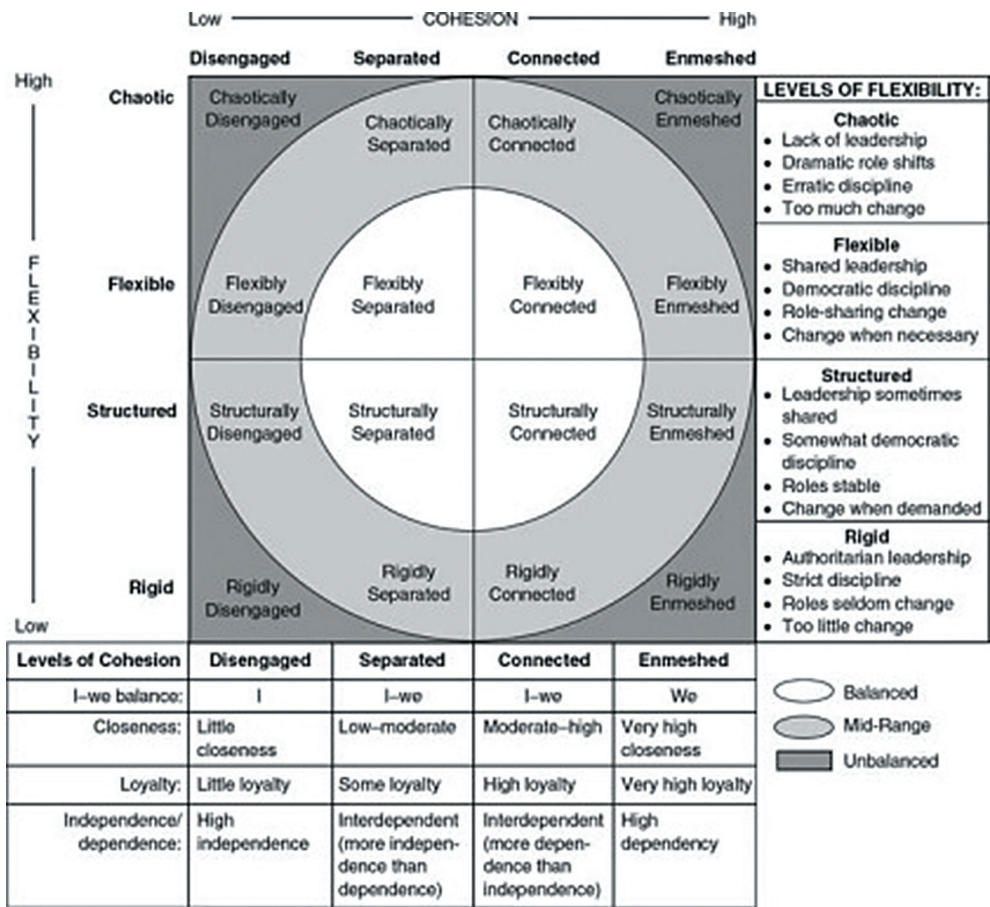

Figure 1. D. Olson's circular model of family functioning
Source: D. Olson, 2000.

С теоретической точки зрения исследование направлено на расширение понимания структуры и особенностей семейных отношений как условий для формирования предпринимательских намерений молодежи. С точки зрения практики полученные знания помогут гармонизировать семейные отношения предпринимателей и не предпринимателей для формирования социально-психологических предпосылок экономического развития в сегменте малого и среднего бизнеса.

Гипотезы исследования были сформулированы с опорой на следующие теоретические представления: изучение факторов преемственности бизнеса (Волков, 2015); представления о гармонии семейных отношений и доверии как психологических условиях для формирования преемственности бизнеса (Venter, Boshoff, Maas, 2003); изучение эмоциональной близости как фактора возникновения желания создать или продолжить СБ (Su, Dou, 2025); рассмотрение семейных отношений, основанное на круговой модели Д. Олсона (Olson, 2000).

Гипотеза 1: предпринимательские намерения в сфере СБ выше у потенциальных преемников СБ, чем у молодых людей из семей не предпринимателей.

Гипотеза 2: характеристики семейных отношений у потенциальных преемников и молодых людей из семей не предпринимателей значительно различаются: в бизнес-семьях выше уровень семейной адаптации и семейной сплоченности.

Гипотеза 3: предпринимательские намерения в сфере СБ значительно взаимосвязаны с эмоциональной связью в семейных отношениях.

Гипотеза 4: преемники с разным уровнем желания продолжать СБ значительно различаются по характеристикам семейных отношений.

Процедура и методы исследования

Процедура

Перед началом исследования испытуемым кратко давалось определение, что такое семейный бизнес, разъяснялся принцип конфиденциальности и обобщенной обработки собранных данных; обозначалась перспектива дальнейшего участия во втором этапе исследования (после получения ими обратной связи по результатам заполненных тестов). Второй этап исследования планировался для членов бизнес-семьи (владельцев СБ) и предполагал углубленное изучение специфики бизнеса.

Сбор данных происходил в виде онлайн-опроса на платформе Я-формы. Опрос проводился в учебных аудиториях под наблюдением педагога и занимал около 15 минут.

Участники

Выборка исследования составила 958 молодых людей — студентов вузов, разделенных на *две группы сравнения*.

Семьи предпринимателей ($N = 230$) — в эту группу вошли молодые люди (70,43 % женского пола и 29,57 % мужского пола), являющиеся родственниками действующих предпринимателей, поэтому их мы условно называем потенциальными преемниками СБ, а их семьи — бизнес-семьи. Возраст: до 20 лет — 56,09 %, 20–25 лет — 39,13 %, старше 30 лет — 4,78 %. Место проживания (вуз обучения): 66,52 % — Тюмень (ТюмГУ), 12% — Нижний Новгород (ННГУ); 9,57 % — Тобольск (ТюмГУ), 5,21 % — Краснодар (КубГУ), 2,61 % — Москва и Московская область (МГЛУ, ВШЭ, РАНХиГС), 2,17 % — Ярославль, Ярославская область (ЯрГУ) и 1,92 % — другие города и вузы.

Семьи не предпринимателей ($N = 728$) — в эту группу вошли молодые люди (72,94 % женского пола и 27,06 % мужского пола), чьи семьи никак не связаны с предпринимательской деятельностью. Возраст: до 20 лет — 64,97 %, 20–25 лет — 32,01 %, старше 30 лет — 3,02 %. Место проживания (вуз обучения): 62,54 % — Тюмень (ТюмГУ), 14,74 % — Нижний Новгород (ННГУ); 9,89 % — Тобольск (ТюмГУ), 2,75 % — Краснодар (КубГУ), 4,95 % — Москва и Московская область (МГЛУ, ВШЭ, РАНХиГС), 3,98 % — Ярославль, Ярославская область (ЯрГУ) и 1,15 % — другие города и вузы.

Методики

Для оценки особенностей семейных отношений использовалась *Шкала семейной сплоченности и адаптации (FACES III)* Д. Олсона, Дж. Портнера и И. Лави (Olson, Portner, Lavee, 1985), переведенная и адаптированная Э.Г. Эйдемиллером с соавт. (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2007). Опросник Шкала семейной сплоченности и адаптации (FACES III) позволяет измерить реальные и идеальные описания семейной системы, однако в данном исследовании мы отказались от изучения идеальных представлений из соображения экономии времени.

Для исследования предпринимательских намерений в Я-форму был включен закрытый вопрос: *«Хотели ли бы Вы продолжить существующий семейный бизнес (стать преемником)? Если бизнеса нет, то хотели ли бы Вы сами создать семейный бизнес?»*. Оценка осуществлялась через выбор одного из 5 вариантов ответа: нет; скорее нет; не уверен; скорее да; да. В последующем при обработке данных выборы испытуемых кодировались в порядковую шкалу от 1 до 5.

Дифференциация испытуемых по принадлежности к группам сравнения происходила с помощью вопроса-фильтра: *«Являетесь ли Вы представителем семейного бизнеса (Ваши родственники являются владельцами бизнеса)»*. Варианты ответа: 1 — да; 2 — бизнес был, но сейчас ликвидирован; 3 — нет. Молодых людей, выбравших вариант ответа «бизнес был, но сейчас ликвидирован», оказалось всего 26 человек, поэтому выделение их в отдельную группу сравнения в силу малочисленности не представлялось возможным. Эти испытуемые были отнесены к группе семей не предпринимателей ($N = 728$).

Отметим, что особенности бизнеса родителей (членов семей) респондентов не изучались, так как после сбора данных от студентов, нами предполагался второй этап опроса владельцев бизнеса (родителей и родственников). После обработки личностных тестов молодым людям из семей предпринимателей были разосланы результаты их тестирования с просьбой указать в обратном письме удобный способ связи с их родственниками-предпринимателями. Однако ответных писем не поступило — второй этап исследования не был реализован.

В Я-форму дополнительно были включены вопросы для сбора информации по контролируемым социально-демографическим переменным: пол; возраст; образование, место проживания, вуз обучения, образовательная программа.

Анализ данных

Статистическая и математическая обработка данных проводилась с помощью объектно-ориентированного языка программирования Python (библиотеки: pandas, numpy, scipy). Для оценки нормальности распределения изучаемых переменных использовался критерий Колмогорова — Смирнова, для оценки согласованности и надежности шкал теста Д. Олсона применялся

критерий α Кронбаха. Для оценки значимости различий применялся U-критерий Манна — Уитни; для оценки связей между изучаемыми переменными — коэффициент корреляции Спирмена (r_s).

В целях удобства математической обработки и последующей визуализации была проведена предварительная нормировка исходных данных на 100-балльную шкалу.

Результаты

Для корректного выбора последующих методов обработки данных был проведен тест Колмогорова — Смирнова с целью проверки нормальности распределения. Результаты проверки выявили, что данные не близки к теоретическому нормальному распределению, в связи с чем было принято решение использовать непараметрические методы обработки. Применение коэффициента α Кронбаха для опросника *Шкала семейной сплоченности и адаптации (FACES III)* показало высокий уровень согласованности шкалы ($\alpha = 0,83$).

Для проверки гипотезы 1 были подсчитаны частоты выбора вариантов ответа на вопрос: «Хотели ли бы Вы продолжить существующий СБ или создать собственный СБ (если пока бизнеса нет)?» Данные обрабатывались в сравнении двух групп — семей предпринимателей и не предпринимателей (рис. 2).

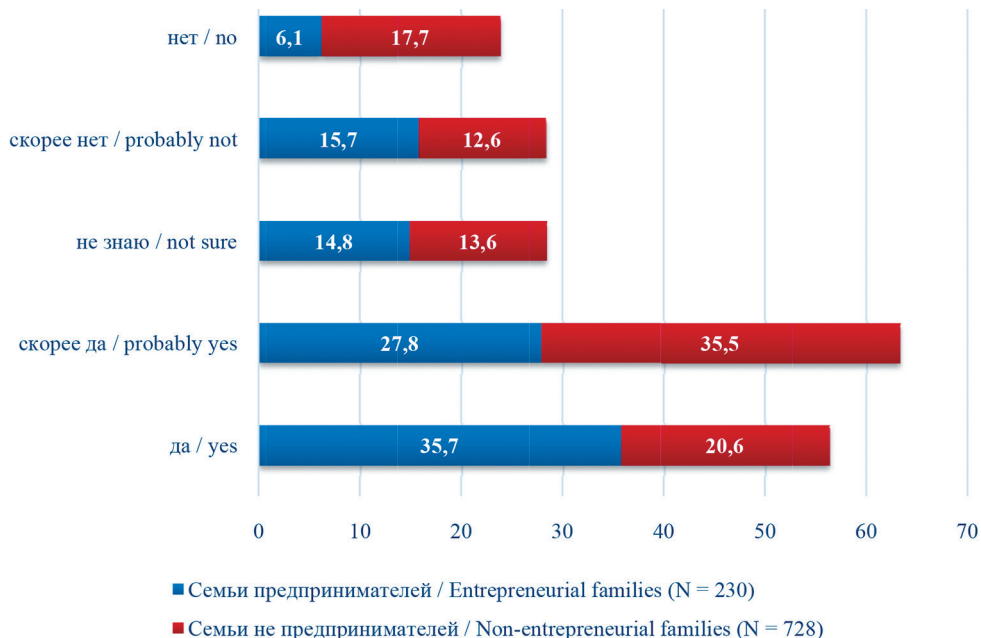

Рис. 2. Оценки предпринимательских намерений: желания продолжить / создавать СБ, %
 Источник: создано Ю.С. Мурзиной с использованием MS Excel.

Figure 2. Evaluations of entrepreneurial intentions: the desire to continue the family business (FB) / to create a FB, %

Source: created by Julia S. Murzina using MS Excel.

Очевидно, что молодые люди из семей предпринимателей имеют более выраженное положительное отношение к перспективе создания семейного предприятия: 35,7 % высказывают уверенную готовность (ответ «да»), и только 6,1 % — не согласны с такой формой организации совместной деятельности (ответ «нет»).

Для проверки значимости различий предпринимательских намерений в группах сравнения был применен критерий Манна — Уитни, который подтвердил значимые различия в предпринимательских намерениях у молодых людей из бизнес-семей и их сверстников из семей не предпринимателей (табл. 1). У потенциальных приемников желание продолжать (создавать) СБ ожидаемо значимо выше, хотя различия невелики в абсолютных цифрах.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение значимости различий предпринимательских намерений, U-тест Манна — Уитни / Comparison of the significance of differences entrepreneurial intentions using the Mann — Whitney U-test

Предпринимательские намерения / Entrepreneurial intentions	Семьи предпринимателей / Entrepreneurial families (N = 230)		Семьи не предпринимателей / Non-entrepreneurial families (N = 728)		U-критерий / U-test	Уровень значимости / p-level
	M	SD	M	SD		
Намерения создавать СБ / intentions to create a FB	67,8	31,6	56,6	35,2	99152	0,00

Примечание. Для корректного сопоставления характеристик была проведена нормировка исходных данных на 100-балльную шкалу.

Note. For correct comparison of the characteristics, the data was normalized to a 100-point scale.

Для проверки гипотезы 2, предполагающей значимые различия семейных отношений в семьях предпринимателей и не предпринимателей, мы сравнили характеристики семейных отношений у студентов из этих групп с помощью U-критерия Манна — Уитни (табл. 2).

Были выявлены два значимых различия по субшкалам «эмоциональная связь» и «дисциплина», а также по итоговой шкале «семейная сплоченность» (показатели выше в бизнес-семьях), однако в абсолютных цифрах различия не велики. Различия в семейной адаптации не выявлены — все семьи продемонстрировали средний уровень адаптации, следовательно, они обладают одинаковыми способностями меняться под воздействием стрессоров.

Для проверки гипотезы 3 о взаимосвязи предпринимательских намерений и характеристик семейных отношений первоначально корреляционный анализ был проведен в общей выборке (N = 958). Однако полученные коэффициенты корреляции оказались слабыми, поэтому затем корреляционный анализ был проведен отдельно в группах студентов из семей предпринимателей и семей не предпринимателей (табл. 3).

Как следует из данных табл. 3, в обеих группах были получены только слабые значимые корреляции между изучаемыми переменными ($r_s \leq 0,30$). Но в группе студентов из бизнес-семей значения коэффициентов корреляции

в большинстве случаев выше, чем в группе студентов из семей не предпринимателей. Можно обратить внимание на положительные корреляции предпринимательских намерений со следующими характеристиками семейных отношений в бизнес-семьях (r_s в диапазоне от 0,20 до 0,30, в порядке возрастания коэффициентов): «семейная адаптация», «совместное время», «лидерство», «принятие решений», «семейная сплоченность» и «эмоциональная связь» (единственная положительная корреляция умеренной силы, $r_s = 0,30$).

Таблица 2 / Table 2

Сравнение характеристик семейных отношений в семьях предпринимателей и не предпринимателей, тест Манна — Уитни / Comparison of family relationship characteristics between entrepreneurial and non-entrepreneurial families using the Mann – Whitney U-test

Характеристики семейных отношений / Characteristics of family relations	Семьи предпринимателей / Entrepreneurial families (N = 230)		Семьи не предпринимателей / Non-entrepreneurial families (N = 728)		U-критерий / U-test	Уровень значимости / p-level
	M	SD	M	SD		
Эмоциональная связь / Emotional connection	76,8	22,7	73,3	23,6	91303	0,04
Контроль / Control	67,4	19,8	67,5	19,0	84632	0,80
Друзья / Friends	78,3	22,0	77,1	25,3	83630	0,98
Дисциплина / Discipline	59,5	22,6	55,0	25,7	91296	0,04
Семейные границы / Family boundaries	43,0	23,1	42,3	24,9	86167	0,50
Лидерство / Leadership	55,2	25,9	54,7	27,4	82998	0,84
Семейные роли / Family roles	51,6	20,3	53,4	22,0	79327	0,22
Совместное время / Time together	66,7	27,9	63,7	30,5	87843	0,24
Интересы и отдых / Interests and leisure	55,5	20,3	56,0	20,6	83076	0,86
Правила / Rules	48,0	29,0	48,7	30,2	83276	0,90
Принятие решений / Decision-making	75,0	26,8	72,3	27,8	88253	0,19
Семейная сплоченность / Family cohesion	64,8	13,0	63,0	14,8	92333	0,02
Семейная адаптация / Family adaptation	56,7	15,7	56,3	17,0	86054	0,52

Примечание. Для корректного сопоставления характеристик была проведена нормировка исходных данных на 100-балльную шкалу.

Note. For correct comparison of the characteristics, the data was normalized to a 100-point scale.

Для проверки гипотезы 4 о существовании значимых различий в характеристиках семейных отношений у преемников с разным уровнем желания продолжать СБ выборка студентов из семей предпринимателей (230 человек) была поделена на две подгруппы: выразивших ($N = 146$) и не выразивших ($N = 50$) желание продолжать СБ. Испытуемые, выбравшие вариант ответа «не уверен» ($N = 34$), были исключены из последующей обработки. В табл. 4 представлены результаты сравнительного анализа семейных отношений в двух подгруппах потенциальных преемников с помощью U-критерия Манна — Уитни.

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляции Спирмена (r_s) характеристик семейных отношений и предпринимательских намерений / Spearman's rank correlation coefficients (r_s) between characteristics of family relations and entrepreneurial intentions

Характеристики семейных отношений / Characteristics of family relations	Предпринимательские намерения создавать СБ / Entrepreneurial intentions to create a FB			
	Семьи предпринимателей / Entrepreneurial families (N = 230)		Семьи не предпринимателей / Non-entrepreneurial families (N = 728)	
	r_s	p	r_s	p
Эмоциональная связь / Emotional connection	0,30	0,00	0,13	0,00
Контроль / Control	0,13	0,06	0,06	0,09
Друзья / Friends	0,11	0,09	0,09	0,02
Дисциплина / Discipline	0,16	0,01	0,05	0,16
Семейные границы / Family boundaries	-0,02	0,73	-0,06	0,08
Лидерство / Leadership	0,25	0,00	0,02	0,69
Семейные роли / Family roles	0,17	0,00	0,07	0,06
Совместное время / Time together	0,21	0,00	0,10	0,00
Интересы и отдых / Interests and leisure	-0,13	0,05	0,03	0,45
Правила / Rules	0,00	0,89	0,05	0,13
Принятие решений / Decision-making	0,25	0,00	0,12	0,00
Семейная сплоченность / Family cohesion	0,25	0,00	0,10	0,00
Семейная адаптация / Family adaptation	0,20	0,00	0,07	0,07

Таблица 4 / Table 4

**Сравнение семейных отношений у потенциальных преемников СБ /
Comparison of family relations among the potential FB successors**

Характеристики семейных отношений / Characteristics of family relations	Потенциальные преемники с желанием продолжить СБ / Potential successors willing to continue the FB (N = 146)		Потенциальные преемники без желания продолжить СБ / Potential successors unwilling to continue the FB (N = 50)		U-критерий / U-test	Уровень значимости / p-level
	M	SD	M	SD		
Эмоциональная связь / Emotional connection	82,2	18,1	63,7	28,7	2238	0,00
Контроль / Control	69,5	15,9	64,5	26,9	3526	0,72
Друзья / Friends	79,8	21,0	75,0	25,5	3322	0,31
Дисциплина / Discipline	62,5	21,6	53,0	23,0	2750	0,00
Семейные границы / Family boundaries	42,8	23,6	40,5	23,8	3592	0,87
Лидерство / Leadership	60,4	25,6	41,0	20,5	2158	0,00
Семейные роли / Family roles	55,1	20,2	46,7	21,1	2908	0,03
Совместное время / Time together	72,3	23,6	58,0	34,4	2866	0,02
Интересы и отдых / Interests and leisure	55,3	18,7	57,0	23,7	4006	0,29
Правила / Rules	49,7	27,6	43,0	30,4	3172	0,15
Принятие решений / Decision-making	80,5	22,4	66,0	32,3	2700	0,00
Семейная сплоченность / Family cohesion	67,5	11,4	58,5	16,1	2434	0,00
Семейная адаптация / Family adaptation	60,0	14,4	50,0	16,1	2486	0,00

Примечание. Для корректного сопоставления характеристик была проведена нормировка исходных данных на 100-балльную шкалу.

Note. For correct comparison of the characteristics, the data was normalized to a 100-point scale.

Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют о том, что по большинству характеристик семейных отношений более высокие показатели характерны для потенциальных преемников с желанием продолжать СБ. Статистически значимые различия зафиксированы по следующим шкалам: «эмоциональная связь», «дисциплина», «лидерство», «семейные роли», «совместное время», «принятие решений», «семейная сплоченность» и «семейная адаптация».

Обсуждение результатов

Настоящее исследование было направлено на изучение взаимосвязи характеристик семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере СБ.

Гипотеза 1 о том, что предпринимательские намерения в сфере СБ выше у потенциальных преемников СБ, чем у молодых людей из семей не предпринимателей в целом подтвердилась: в бизнес-семьях предпринимательские намерения молодых людей значимо выше, хотя выявленные различия невелики. Полученные эмпирические результаты согласуются с теорией социального научения и работами, показывающими, что наличие бизнеса у родителей формирует положительные предпринимательские намерения и способствует раннему вовлечению детей в СБ (Винокурова, Комарова, Светлов, 2021 и др.).

Гипотеза 2 о том, что в бизнес-семьях выше уровень семейной адаптации и семейной сплоченности, подтвердилась частично. Было показано, что степень семейной сплоченности в бизнес-семьях выше, чем в семьях, не занимающихся бизнесом, но различия в семейной адаптации не выявлены. При этом эмоциональная связь в бизнес-семьях выражена сильнее, что в поведенческом плане проявляется как готовность обращаться друг к другу за помощью, а в ценностном — как осознание важности единства и целостности семьи. Также в бизнес-семьях «демократичнее» решаются дисциплинарные вопросы, т.е. дети имеют возможность больше проявлять самостоятельность в поведении, а наказания обсуждаются совместно с ними. Эти эмпирические данные подтверждают ранее полученный теоретический вывод о том, что бизнес-семьи более сплочены по сравнению с семьями не предпринимателей (Мурзина, Русяева, 2022). Мы склонны объяснять это большей вовлеченностью членов бизнес-семьи в совместную трудовую (предпринимательскую) деятельность и наличием общих целей.

Гипотеза 3 о том, что предпринимательские намерения в сфере СБ значимо взаимосвязаны с эмоциональной связью в семейных отношениях, не подтвердилась на общей выборке и только частично подтвердилась для студентов из семей предпринимателей (выявлена положительная корреляция умеренной силы). Важно отметить, что именно *эмоциональная связь* детей и родителей в бизнес-семьях является самым выраженным коррелятом желания к продолжению СБ. Менее выраженными, но значимыми, коррелятами являются *способ принятия семейных решений* и *распределенная роль лидера*. Следовательно, эти параметры семейных отношений можно рекомендовать

для изучения и коррекции в бизнес-семьях с целью последующего вовлечения детей в СБ. Полученные нами эмпирические результаты соответствуют данным зарубежных авторов, которые в качестве факторов включения в бизнес называют воспринимаемую гармонию семейных отношений и доверие (Venter, Boshoff, Maas, 2003), а также эмоциональную близость и когнитивную согласованность родителей и детей (Su, Dou, 2025).

Гипотеза 4 о том, что у потенциальных преемников с разным уровнем желаниа продолжать СБ будут значимо различаться параметры семейных отношений, подтвердилась: установлены многочисленные различия характеристик семейных отношений между бизнес-семьями молодых людей с разным уровнем желаниа продолжать СБ. Семейные отношения в тех семьях, где дети хотят продолжать СБ, характеризуются большей выраженностью следующих характеристик:

- *взаимная поддержка* и ценность семьи;
- *распределенное лидерство* — возможность для детей принимать лидерство на себя;
- *распределенные семейные роли* — домашние обязанности переходят от одного члена семьи к другому;
- *желание проводить свободное время вместе; готовность обсуждать семейные проблемы* при принятии решений;
- *сплоченность* — близость отношений и внутренней согласованности во мнениях в семье;
- *адаптивность* — гибкость семьи, готовность меняться и адаптироваться под влиянием стресс-факторов.

Дети, которые не хотят быть преемниками СБ, предположительно, не имеют таких условий в семье для обретения социальной взрослости, возможно, оставаясь относительно несамостоятельными, ограниченными в принятии решений и освоении социальных ролей ввиду ригидности семейной системы.

Следует отметить **ограничения**, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов данного исследования. Выборка не является уравновешенной по полу, с явным преобладанием девушек; сравниваемые подвыборки не уравновешены по численности и некоторым социально-демографическим характеристикам, в силу малочисленности отдельно не изучалась группа студентов из семей, где бизнес был ликвидирован. География выборки в основном представлена Тюменской областью. Использовался только корреляционный дизайн и самоотчетные методики. Преодоление указанных ограничений определяет возможные направления дальнейших исследований.

Заключение

Предпринимательская деятельность играет важную роль в экономической и социальной стабильности страны, обеспечивая рабочие места, занятость, инновационное развитие. Малый и средний бизнес, особенно семейный, занимает значительную долю рынка во всех странах мира. Несмотря на важность семейного бизнеса, проблема приобщения детей к СБ с целью

последующей передачи прав собственности и управления остается слабо изученной в нашей стране.

Анализируя исследования последних лет, можно отметить, что желание заниматься предпринимательской деятельностью чаще возникает у молодежи, чьи родители занимаются бизнесом. Этот феномен объясняется ранней экономической социализацией и положительными примерами успешных предпринимателей. Среди ключевых факторов, влияющих на формирование предпринимательских намерений в сфере СБ, выделяются обучение, предоставление ресурсов, эмоциональная поддержка со стороны родителей-предпринимателей, а также гармония и доверие в бизнес-семье. Однако в отечественной психологии семейные отношения как фактор приобщения молодежи к предпринимательству остаются недостаточно изученными.

Все сказанное выше определило актуальность проблемы предпринятого исследования. Полученные эмпирические результаты, несмотря на ряд ограничений, подтверждают значимость семейного контекста в формировании преемственности бизнеса и позволяют сформулировать следующие **выводы**.

1. Предпринимательские намерения у преемников СБ значимо выше, чем у молодежи из семей, не связанных с бизнесом. Это согласуется с теорией социального научения: наличие бизнеса у родителей формирует у детей установку на продолжение предпринимательской деятельности.

2. Семейная сплоченность в бизнес-семьях выше, чем в семьях не предпринимателей, особенно по параметрам эмоциональной связи и дисциплины. Это может объясняться совместной трудовой деятельностью и общими целями, присутствующими в бизнес-семьях.

3. Среди всех характеристик семейных отношений эмоциональная связь в бизнес-семьях наиболее тесно коррелирует с предпринимательскими намерениями молодежи, что подтверждает значимость фактора эмоциональной близости для включения в семейный бизнес.

4. Для семейных отношений молодых людей из бизнес-семей, которые хотят продолжать СБ, характерны более выраженная эмоциональная поддержка со стороны родителей, желание проводить свободное время вместе, совместное обсуждение проблем, гибкость в распределении ролей.

Таким образом, исследование подтвердило, что гармоничные семейные отношения, особенно эмоциональная близость и ролевая гибкость, являются важными факторами формирования преемственности в СБ. Полученные данные открывают новые направления для междисциплинарных исследований на стыке психологии, экономики и менеджмента, а также практической работы с бизнес-семьями. Так, на основе полученных данных предполагается разработка модели психологического сопровождения преемственности СБ и программы поддержки этого процесса. Цель программы — укрепление эмоциональной связи членов бизнес-семьи (через семейные советы, ежегодное стратегическое планирование в формате выездного отдыха и т.п.), развитие коммуникативных навыков для обсуждения проблем, проведение тренингов по гибкому распределению ролей и ответственности.

Перспективами дальнейших исследований может стать расширение выборки (включение других регионов и стран для анализа культурных различий), лонгитюдный дизайн (отслеживание динамики намерений и семейных отношений у преемников), гендерный аспект (изучение различий у сыновей и дочерей). Прикладными проектами в данном направлении может стать разработка тренингов для бизнес-семей на основе выявленных факторов (например, развитие эмоциональной связи через совместные хобби, принятие семейных или бизнес-решений, долгосрочное планирование развития СБ).

Список литературы

- Баранец Н.И.* Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4 (56). С. 124–131. EDN: [KXQJLP](#)
- Винокурова Н.А., Комарова К.А., Светлов Н.М.* Семья как фактор склонности к предпринимательству // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 12. С. 4945–4964. <https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113986> EDN: [KXYXME](#)
- Волков Д.А.* Преемственность в семейном бизнесе // Инновации и инвестиции. 2015. № 12. С. 54–58. EDN: [WITCHB](#)
- Дикун Н.А., Белов Н.Н.* Предпринимательские намерения студенческой молодежи: региональная составляющая // Альманах Крым. 2023. № 36. С. 80–88. EDN: [GAPGSO](#)
- Касьяненко Т.Г., Воротилкина А.М.* Семейный бизнес как особый объект оценки // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 517–534. <https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100776> EDN: [FFCDPP](#)
- Корчагина Е.В.* Исследования семейного бизнеса в России: подходы к определению и концептуальные особенности // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6. № 4. С. 37–45. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.4.037-045> EDN: [VIKMWB](#)
- Мурзина Ю.С.* Будущее семейного бизнеса в России: передача бизнеса преемникам // Лидерство и менеджмент. 2015. Т. 2. № 2. С. 141–158. <https://doi.org/10.18334/lim.2.2.540> EDN: [VDFHVB](#)
- Мурзина Ю.С., Русяева И.А.* Тип семейных отношений у предпринимателей сферы малого семейного бизнеса // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 30–42. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0103> EDN: [WMUDZX](#)
- Охременко И.В.* Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 72–75. <https://doi.org/10.23672/n6280-0049-9788-u> EDN: [KVMMVT](#)
- Сазонова А.П.* Проблемы и перспективы развития семейного бизнеса в России // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1 (167). С. 69–74. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.10> EDN: [RWUHGM](#)
- Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В.* Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. Статья 39. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).39](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).39) EDN: [SJKXMC](#)
- Шафранов-Куцев Г.Ф., Черкашов Е.М.* Ориентированность молодежи на конкуренцию и предпринимательство // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 117–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250009174-4> EDN: [LFBROL](#)
- Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. Санкт-Петербург : Речь, 2007. 352 с. EDN: [QXROJZ](#)
- Arasti Z., Pasvishe F.A., Motavaseli M.* Normative institutional factors affecting entrepreneurial intention in Iranian information technology sector // Journal of Management Strategy. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 16–24. <https://doi.org/10.5430/jms.v3n2p16>

- Biswas A., Verma R.K.* Attitude and alertness in personality traits: a pathway to building entrepreneurial intentions among university students // *The Journal of Entrepreneurship*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 367–396. <https://doi.org/10.1177/09713557211025656> EDN: IGXECD
- Bosma N., Hessels J., Schutjens V., Van Praag M., Verheul I.* Entrepreneurship and role models // *Journal of Economic Psychology*. 2012. Vol. 33. No. 2. P. 410–424. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2011.03.004>
- Cater J.J., Young M.* Successfully preparing daughters as successors in family firms // *Journal of Developmental Entrepreneurship*. 2022. Vol. 27. No. 03. Article no. 2250017. <https://doi.org/10.1142/s1084946722500170> EDN: PBDMGA
- Chirico F., Ireland R.D., Pittino D., Sanchez-Famoso V.* Radical innovation in (multi) family owned firms // *Journal of Business Venturing*. 2022. Vol. 37. No. 3. Article no. 106194. <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2022.106194> EDN: PFIMPA
- Chua J.H., Chrisman J.J., Sharma P.* Defining the family business by behavior // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 19–39. <https://doi.org/10.1177/104225879902300402>
- Glowka G., Kallmünzer A., Zehrer A.* Enterprise risk management in small and medium family enterprises: The role of family involvement and CEO tenure // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 1213–1231. <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00682-x> EDN: XWLHEQ
- Krueger N.F., Reilly M.D., Carsrud A.L.* Competing models of entrepreneurial intentions // *Journal of Business Venturing*. 2000. Vol. 15. No. 5–6. P. 411–432. [https://doi.org/10.1016/s0883-9026\(98\)00033-0](https://doi.org/10.1016/s0883-9026(98)00033-0) EDN: AIAXZN
- Maheshwari G., Kha K.L., Arokiasamy A.R.A.* Factors affecting students' entrepreneurial intentions: A systematic review (2005–2022) for future directions in theory and practice // *Management Review Quarterly*. 2023. Vol. 73. No. 4. P. 1903–1970. <https://doi.org/10.1007/s11301-022-00289-2> EDN: HGQVFD
- Nasip S., Amirul S.R., Sondoh Jr. S.L., Tanakinjal G.H.* Psychological characteristics and entrepreneurial intention: A study among university students in North Borneo, Malaysia // *Education + Training*. 2017. Vol. 59. No. 7–8. P. 825–840. <https://doi.org/10.1108/et-10-2015-0092>
- Nisa P., Padmalia M.* The influence of parental support dimensions in shaping the intention to continue the family business daughter successors with self-efficacy as a mediator // *Jurnal Ilmiah Manajemen Bisnis Dan Inovasi Universitas Sam Ratulangi*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 174–187. <https://doi.org/10.35794/jmbi.v11i1.53071> EDN: JLPFNH
- Olson D.H.* Circumplex model of marital and family systems // *Journal of Family Therapy*. 2000. Vol. 22. No. 2. P. 144–167. <https://doi.org/10.1111/1467-6427.00144>
- Olson D., Portner J., Lavee Y.* *FACES III Manual*. Twin Cities, Minnesota: University of Minnesota, 1985.
- Shah N., Soomro B.A.* Investigating entrepreneurial intention among public sector university students of Pakistan // *Education + Training*. 2017. Vol. 59. No. 7–8. P. 841–855. <https://doi.org/10.1108/et-11-2016-0168> EDN: YIPULM
- Sharma P.* An overview of the field of family business studies: Current status and directions for the future // *Family Business Review*. 2004. Vol. 17. No. 1. P. 1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1741-6248.2004.00001.x>
- Smythe J., Sardeshmukh S.R.* Fathers and daughters in family business // *Small Enterprise Research*. 2013. Vol. 20. No. 2. P. 98–109. <https://doi.org/10.5172/ser.2013.20.2.98>
- Su E., Dou J.* How does the parent-child relationship influence a child's intentions for internal succession versus external entrepreneurship in a family firm? // *Journal of Family and Economic Issues*. 2025. Vol. 46. No. 4. P. 1244–1259. <https://doi.org/10.1007/s10834-024-10026-4> EDN: YHTBRH

Tucker J. Keeping the business in the family and the family in business: “What is the legacy?” // Journal of Family Business Management. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 65–73. <https://doi.org/10.1108/20436231111122290>

Venter E., Boshoff C., Maas G. The influence of relational factors on successful succession in family businesses: A comparative study of owner-managers and successors // South African Journal of Business Management. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 1–14. <https://doi.org/10.4102/sajbm.v34i4.687>

История статьи:

Поступила в редакцию: 23 марта 2025 г.

Доработана после рецензирования 30 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 мая 2025 г.

Для цитирования:

Мурзина Ю.С., Позняков В.П., Русяева И.А., Кулагин А.В. Связь семейных отношений и предпринимательских намерений молодежи в сфере семейного бизнеса // Вестник Российского университета дружбы народов. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 692–713. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-692-713> EDN: OVBCHNN

Вклад авторов:

Ю.С. Мурзина — концептуализация, дизайн исследования, сбор и обработка данных, написание и редактирование текста, администрирование, визуализация результатов исследования. *В.П. Позняков* – анализ полученных данных, написание и редактирование текста. *И.А. Русяева* — сбор данных, подготовка теоретической части исследования, анализ полученных данных. *А.В. Кулагин* — математико-статистическая обработка и анализ данных, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Мурзина Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Школа образования, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625001, Тюмень, ул. Володарского, д. 6). ORCID: 0000-0002-8616-4422; ResearcherID: AIB-6926-2022; eLibrary SPIN-код: 2882-6129. E-mail: y.s.murzina@utmn.ru

Позняков Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной академии психологических наук (МАПН), главный научный сотрудник Института психологии РАН (Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13). ORCID: 0000-0003-4524-4589; ResearcherID: ACQ-2169-2022; eLibrary SPIN-код: 9187-7641. E-mail: pozn_v@mail.ru

Русяева Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Школа образования, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625001, Тюмень, ул. Володарского, д. 6). ORCID: 0000-0002-2196-5536; ResearcherID: P-8387-2017; eLibrary SPIN-код: 2196-7518. E-mail: i.a.rusyaeva@utmn.ru

Кулагин Артем Владимирович, аспирант кафедры прикладной и технической физики, Школа естественных наук, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625001, Тюмень, ул. Володарского, д. 6). ORCID: 0009-0007-7604-6880; ResearcherID: NAX-4454-2025; eLibrary SPIN-код: 8799-0052. E-mail: k.artem2013@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-692-713

EDN: OBCHNN

UDC 159.9.072.432

Research article

Correlation Between Family Relationships and Entrepreneurial Intentions of Youth in Family Business Context

Julia S. Murzina¹, Vladimir P. Poznyakov², Irina A. Rusyaeva¹,
Artem V. Kulagin¹

¹Tyumen State University, *Tyumen, Russian Federation*

²Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

y.s.murzina@utmn.ru

Abstract. Small and medium-sized businesses are key factors in economic stability. However, the issues of the development of successive behavior and the involvement of young people in family business (FB) remain largely understudied in Russia. Family relations as factors motivating young people to pursue entrepreneurship are also insufficiently studied. The present study analyzes the correlations between family relations and the entrepreneurial intentions among young people. The empirical base of the study covered 958 respondents — students from Russian universities — and included two comparison groups: 230 potential successors to family businesses (females = 70.43% and males = 29.57%) and 728 respondents from families not related to entrepreneurial activities (females = 72.94% and males = 27.06%). To differentiate respondents into comparison groups, a filter question was used: “Are you a member of a family business (your relatives are business owners)?” To reveal the respondents’ entrepreneurial intentions, the following questions were used: “Would you like to continue the existing family business (become a successor)?” or “If your family does not have a business, would you like to start one yourself?” To assess the characteristics of family relationships, the Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale (FACES-III) by D.H. Olson, J. Portner and Y. Lavee (adapted into Russian by E.G. Eidemiller and colleagues) was used. The results showed that the potential FB successors had significantly higher entrepreneurial intentions compared to the young people from non-entrepreneurial families. The intentions to continue the FB correlated with emotional connection, joint decision-making, and distributed leadership the potential FB successors (while no significant relationships were found in the non-entrepreneurial families). The family relationships of the potential FB successors willing to get involved and continue the FB were characterized by: emotional support from their parents, a desire to spend free time and discuss family issues together, flexibility in distributing family and leadership roles, as well as a mutual understanding of the importance of family unity. In practical terms, the results of this study can be used in the development of psychological support programs for business families aimed at strengthening their cohesion and involving young people in business management.

Key words: family business, entrepreneurial intentions among young people, family relations, family cohesion, family flexibility, FACES-III

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the project No 24-28-01571 “Socio-psychological characteristics of the successors of the family business”, https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01571.

Acknowledgments. The authors would like to thank M.V. Prokhorova (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod), P.M. Shitikov (Pedagogical Institute of Tyumen State University, Tobolsk), A.V. Boyarskikh (RANEPA, Moscow), N.N. Mehtikhanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl), and E.R. Mironova (Kuban State University, Krasnodar) for their valuable assistance in collecting data for this study.

References

- Arasti, Z., Pasvishe, F.A., & Motavaseli, M. (2012). Normative institutional factors affecting entrepreneurial intention in Iranian information technology sector. *Journal of Management and Strategy*, 3(2), 16–24. <https://doi.org/10.5430/jms.v3n2p16>
- Baranets, N.I. (2007). Family entrepreneurship as a socio-economic problem. *Uchenye Zapiski RGSU*, (4), 124–131. (In Russ.).
- Biswas, A., & Verma, R.K. (2021). Attitude and alertness in personality traits: A pathway to building entrepreneurial intentions among university students. *The Journal of Entrepreneurship*, 30(2), 367–396. <https://doi.org/10.1177/09713557211025656>
- Bosma, N., Hessels, J., Schutjens, V., Van Praag, M., & Verheul, I. (2012). Entrepreneurship and role models. *Journal of Economic Psychology*, 33(2), 410–424. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2011.03.004>
- Cater, J.J., & Young, M. (2022). Successfully preparing daughters as successors in family firms. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 27(03), 2250017. <https://doi.org/10.1142/s1084946722500170>
- Chirico, F., Ireland, R.D., Pittino, D., & Sanchez-Famoso, V. (2022). Radical innovation in (multi)family owned firms. *Journal of Business Venturing*, 37(3), 106194. <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2022.106194>
- Chua, J.H., Chrisman, J.J., & Sharma, P. (1999). Defining the family business by behavior. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 23(4), 19–39. <https://doi.org/10.1177/104225879902300402>
- Dikun, N.A., & Belov, N.N. (2023). Entrepreneurial intentions of student youth: regional component. *Almanac Crimea*, (36), 80–88. (In Russ.).
- Eidemiller, E.G., Dobryakov, I.V., & Nikol'skaya, I.M. (2007). *Family diagnosis and family psychotherapy*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
- Glowka, G., Kallmünzer, A., & Zehrer, A. (2021). Enterprise risk management in small and medium family enterprises: The role of family involvement and CEO tenure. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 17(3), 1213–1231. <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00682-x>
- Kasyanenko, T.G., & Vorotilkina, A.M. (2020) Family business as a special object of valuation. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 10(3), 517–534. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100776>
- Korchagina, E.V. (2015). The family business research in Russia: The definition approaches and conceptual features. *Journal of Economic Regulation*, 6(4), 37–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.4.037-045>
- Krueger, N.F., Reilly, M.D., & Carsrud, A.L. (2000). Competing models of entrepreneurial intentions. *Journal of Business Venturing*, 15(5–6), 411–432. [https://doi.org/10.1016/s0883-9026\(98\)00033-0](https://doi.org/10.1016/s0883-9026(98)00033-0)
- Maheshwari, G., Kha, K.L., & Arokiasamy, A.R.A. (2023). Factors affecting students' entrepreneurial intentions: A systematic review (2005–2022) for future directions in theory and practice. *Management Review Quarterly*, 73(4), 1903–1970. <https://doi.org/10.1007/s11301-022-00289-2>
- Murзина, Ju.S., & Rusyaeva, I.A. (2022). Type of family relations among small family business entrepreneurs. *National Psychological Journal*, (1), 30–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0103>

- Murzina, Yu.S. (2015). Future of the Russian family business: Transfer of the business to successors. *Leadership and Management*, 2(2), 141–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/lim.2.2.540>
- Nasip, S., Amirul, S.R., Sondoh Jr, S.L., & Tanakinjal, G.H. (2017). Psychological characteristics and entrepreneurial intention: A study among university students in North Borneo, Malaysia. *Education + Training*, 59(7–8), 825–840. <https://doi.org/10.1108/et-10-2015-0092>
- Nisa, P., & Padmalia, M. (2024). The influence of parental support dimensions in shaping the intention to continue the family business daughter successors with self-efficacy as a mediator. *Jurnal Ilmiah Manajemen Bisnis Dan Inovasi Universitas Sam Ratulangi*, 11(1), 174–187. <https://doi.org/10.35794/jmbi.v11i1.53071>
- Okhremenko, I.V. (2021). Social functions of family business in modern society. *Humanities, Social Economic and Social Sciences*, (3), 72–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.23672/n6280-0049-9788-u>
- Olson, D.H. (2000). Circumplex model of marital and family systems. *Journal of Family Therapy*, 22(2), 144–167. <https://doi.org/10.1111/1467-6427.00144>
- Olson, D., Portner, J., & Lavee, Y. (1985). *FACES III Manual*. Twin Cities, Minnesota: University of Minnesota
- Sanina, L.V., Mozulev, S.N., & Polyakov, V.V. (2022). Entrepreneurial intention research of students of the Irkutsk Region. *Baikal Research Journal*, 13(3), 39. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).39](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).39)
- Sazonova, A.P. (2022). Problems and prospects of the family business development in Russia. *Theory and Practice of Social Development*, (1), 69–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.10>
- Shafranov-Kutsev, G.F., & Cherkashov, E.M. (2020). Youth orientation towards competition and entrepreneurship. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 117–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/s013216250009174-4>
- Shah, N., & Soomro, B.A. (2017). Investigating entrepreneurial intention among public sector university students of Pakistan. *Education + Training*, 59(7–8), 841–855. <https://doi.org/10.1108/et-11-2016-0168>
- Sharma, P. (2004). An overview of the field of family business studies: Current status and directions for the future. *Family Business Review*, 17(1), 1–36. <https://doi.org/10.1111/j.1741-6248.2004.00001.x>
- Smythe, J., & Sardeshmukh, S.R. (2013). Fathers and daughters in family business. *Small Enterprise Research*, 20(2), 98–109. <https://doi.org/10.5172/ser.2013.20.2.98>
- Su, E., & Dou, J. (2025). How does the parent-child relationship influence a child's intentions for internal succession versus external entrepreneurship in a family firm? *Journal of Family and Economic Issues*, 46(4), 1244–1259. <https://doi.org/10.1007/s10834-024-10026-4>
- Tucker, J. (2011). Keeping the business in the family and the family in business: “What is the legacy?” *Journal of Family Business Management*, 1(1), 65–73. <https://doi.org/10.1108/20436231111122290>
- Venter, E., Boshoff, C., & Maas, G. (2003). The influence of relational factors on successful succession in family businesses: A comparative study of owner-managers and successors. *South African Journal of Business Management*, 34(4), 1–14. <https://doi.org/10.4102/sajbm.v34i4.687>
- Vinokurova, N.A., Komarova, K.A., & Svetlov, N.M. (2021). Family as a factor of entrepreneurship propensity. *Creative Economy*, 15(12), 4945–4964. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.15.12.113986>
- Volkov, D.A. (2015). Continuity in family business. *Innovation & Investment*, (12), 54–58. (In Russ.).

Article history:

Received 23 March, 2025

Revised 30 April, 2025

Accepted 15 May, 2025

For citation:

Murzina, J.S., Poznyakov, V.P., Rusyaeva, I.A., & Kulagin, A.V. (2025). Correlation between family relationships and entrepreneurial intentions of youth in family business context. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 692–713. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-692-713> EDN: OBCHNN

Authors' contribution:

Julia S. Murzina — conceptualization, research design, data collection and processing, visualization, text writing and editing, administration. *Vladimir P. Poznyakov* — analysis of the data, text writing and editing. *Irina A. Rusyaeva* — data collection, preparation of the theoretical part of the study, analysis of the data. *Artem V. Kulagin* — mathematical and statistical data processing, data analysis; text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Julia S. Murzina, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, School of Education, Tyumen State University (6 Volodarsky St, Tyumen, 625001, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8616-4422; ResearcherID: AIB-6926-2022; eLibrary SPIN-code: 2882-6129. E-mail: y.s.murzina@utmn.ru

Vladimir P. Poznyakov, Dr. Sci, in Psychology, Full Professor, Full Member of the International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (13 Yaroslavskaya St, Moscow, 129366, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-4524-4589; ResearcherID: ACQ-2169-2022; eLibrary SPIN-code: 9187-7641. E-mail: pozn_v@mail.ru

Irina A. Rusyaeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, School of Education, Tyumen State University (6 Volodarsky St, Tyumen, 625001, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2196-5536; ResearcherID: P-8387-2017; eLibrary SPIN-code: 2196-7518. E-mail: i.a.rusyaeva@utmn.ru

Artem V. Kulagin, PhD student of the Department of Applied and Technical Physics, School of Natural Sciences, Tyumen State University (6 Volodarsky St, Tyumen, 625001, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-7604-6880; ResearcherID: NAX-4454-2025; eLibrary SPIN-code: 8799-0052. E-mail: k.artem2013@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-714-733

EDN: OCJJYM

УДК 316.6

Теоретическая статья

Интеграция и адаптация мигрантов в современном мире: переосмысление классических моделей и поиск новых решений

В.В. Константинов , Р.В. Осин

Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

 konstantinov_vse@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительной трансформацией миграционных процессов в условиях глобализации и формированием поликультурных обществ. Современные реалии требуют переосмысления классических моделей адаптации мигрантов и разработки новых подходов к интеграции в принимающее сообщество. Цель исследования — комплексный анализ классических теоретических подходов и разработка авторской модели социально-психологической адаптации мигрантов в условиях современного поликультурного пространства. Для апробации предложенной модели проведено эмпирическое исследование с участием 1132 респондентов и применением комплекса психодиагностических методик. В результате выявлены ключевые факторы успешной адаптации, разработана системно-динамическая модель социально-психологической адаптации, установлен нелинейный характер адаптационного процесса. Эмпирические данные подтвердили существование трех форм постадаптационного периода: успешной адаптации, латентной и явной дезадаптации. Научная новизна работы заключается в создании авторской модели адаптации, учитывающей как индивидуальные ресурсы мигрантов, так и характеристики принимающего общества. Исследование расширяет понимание механизмов межкультурного взаимодействия и факторов, влияющих на успешность интеграции мигрантов. Практическая значимость определяется возможностью использования теоретических и эмпирических результатов для совершенствования программ адаптации мигрантов и разработки эффективных механизмов их интеграции в поликультурном пространстве, что вносит вклад в развитие теории межкультурной адаптации и практики управления миграционными процессами.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, миграционные процессы, мультикультурные общества, культурный шок, этапы адаптации, межкультурная коммуникация, транснационализм, этнические группы, интеграционные стратегии, поликультурное пространство

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01367 (<https://rscf.ru/project/24-28-01367/>).

© Константинов В.В., Осин Р.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Международная миграция представляет собой многогранный процесс, оказывающий влияние на все сферы общественной жизни и обладающий сложной внутренней динамикой. Глобализация и интенсификация миграционных потоков стали определяющими характеристиками современного социума: перемещение людей между странами и континентами обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов — от экономических интересов до политических обстоятельств и демографических изменений (Кононов, Леденева, 2021; Berggren, Ljunge, Nilsson, 2023; Castles, de Haas, Miller, 2014; Horowitz, 2005).

Хотя подавляющая часть мирового населения (порядка 97 %) не относится к категории мигрантов, их сообщества и образ жизни нередко трансформируются именно под воздействием международных миграционных потоков. К началу XXI в. практически исчезли общества, которые можно было бы считать полностью моноэтническими с точки зрения этнической гомогенности. Множество государств превратились в поликультурные политические сообщества, а те, что еще не достигли этого этапа, активно движутся в данном направлении (Константинов и др., 2022; Gebhard, 2011; Gilan et al., 2022).

Каждый человек сегодня рождается в социуме с культурными элементами разных стран — следствие миграционных процессов. Переезжая, мигранты вступают во взаимодействие с местным населением, сталкиваясь с многочисленными вызовами. Главная особенность миграции — ее межкультурный характер. Мигрант, принадлежащий к определенному этносу, при переезде оказывается не только в новой стране, но и в иной культурной среде (Даллакян, 2014).

Существенная особенность современной социальной динамики заключается в формировании поликультурных обществ, где представители различных этносов и культурных традиций вынуждены выстраивать новые модели сосуществования. Этот процесс не обходится без противоречий и конфликтных ситуаций, требующих тщательного научного осмысления. В связи с этим перед исследователями возникла важная задача: разработать новые модели сосуществования в условиях перманентного культурного разнообразия (Константинов, Осин, 2025; Castles, de Haas, Miller, 2014).

В научном сообществе возрастает потребность в комплексном исследовании механизмов социокультурного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом. Особое внимание уделяется изучению этапов адаптации приезжих к новым культурным реалиям; преодоления психологических барьеров; разрешения социальных противоречий.

Исследователи различных научных направлений активно анализируют динамику этого процесса, стремясь выявить закономерности и определить оптимальные пути интеграции мигрантов. Отечественная научная мысль традиционно уделяет внимание систематизации теоретических подходов к проблеме адаптации мигрантов в инокультурной среде (Григорьев, Галлямова, Камягинская, 2023; Кононов, Леденева, 2021; Хожиев, Галяпина, 2023; Galyarina, Tuchina, Apollonov, 2023). Актуальность данного направления

исследований обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов интеграции приезжих в принимающее общество, что требует глубокого понимания всех аспектов социокультурного взаимодействия.

Таким образом, для всестороннего анализа причин возникновения межличностных, социальных, этнических и культурных напряжений необходимо сосредоточить внимание на концепциях социокультурного взаимодействия мигрантов.

Анализ эволюции основных подходов и исследований по изучению адаптации мигрантов в поликультурном пространстве Классические теории ассимиляции

Исследование адаптационных процессов в условиях межэтнического взаимодействия сформировало ряд ключевых теоретических концепций, среди которых выделяются теория прямой ассимиляции, теория сегментной ассимиляции, концепция культурного плюрализма (мультикультурализма) и теории этнической стратификации (Migration Theory..., 2007).

Приоритетное место в историографии занимает теория прямой ассимиляции, разработанная представителями Чикагской социологической школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Ф. Знанецкий, У. Томас, М. Гордон) в 1910–1920-е гг. на материале миграционных процессов в США. Концепция постулирует постепенное культурное сближение мигрантов с принимающим сообществом по мере увеличения срока пребывания в новой среде (Migration Theory..., 2007).

Эволюция трактовки ассимиляции отражена в работах Р. Парка и Э. Берджесса. В 1921 г. они определили ассимиляцию как процесс социального взаимопроникновения, при котором группы обмениваются опытом и формируют общую социокультурную жизнь (Park, Burgess, Janowitz, 1969). В 1930 г. Парк уточнил, что ассимиляция ведет к культурной солидарности для мирного сосуществования. Парк выделил четыре фазы «цикла межрасовых отношений»: контакт → конфликт → аккомодация → ассимиляция (как единственная форма сосуществования) (Park, 1930).

В 1964 г. М. Гордон в работе «Ассимиляция в американской жизни» предложил концепцию структурной ассимиляции, выделив семь взаимосвязанных уровней адаптации: аккультурацию, структурную ассимиляцию, амальгамацию, этническую ассимиляцию идентичности, поведенческую ассимиляцию, ассимиляцию отношений и общественную ассимиляцию. Гордон также разграничил «историческую ассимиляцию» (ощущение общей судьбы) и «частичную этническую ассимиляцию» (идентификация с сегментом общества), а также обозначил три итога ассимиляции: англо-конформность, «плавильный котел», плюрализм (Gordon, 1964).

В 1997 г. Р. Альба и В. Ни указали на ограничения классической модели: игнорирование взаимодействия микро- и мезоуровней адаптации, недооценка роли институциональных факторов (например, законодательства), утрата объяснительной силы в постиндустриальных обществах без единого культурного «мейнстрима» (Alba, Nee, 1997; Migration Theory..., 2007).

Теория сегментной ассимиляции

Теория сегментной ассимиляции (конец 1980-х) предлагает новый взгляд на адаптацию мигрантов, отвергая идею единой линии интеграции. Ключевой принцип: мигранты встраиваются не в общество целиком, а в его отдельные сегменты — как доминирующие, так и маргинализированные.

Исследования Портеса показали, что уровень ассимиляции потомков мигрантов может быть ниже, чем у родителей, из-за возможности интеграции в маргинализированные группы (Portes, Zhou, 1993).

Основные адаптационные факторы:

1) человеческий капитал родителей (образование, навыки) — влияет на конкурентоспособность;

2) структура семьи — полные семьи со старшим поколением способствуют успешной адаптации (Portes et al., 2009).

На основе этих детерминант Портес выделяет три траектории адаптации:

1) восходящая семейная адаптация (опирается на ресурсы семьи и человеческий капитал);

2) восходящая индивидуальная адаптация (актуализирует личные компетенции мигранта);

3) нисходящая адаптация (ведет к бедности, безработице и девиантному поведению, особенно среди потомков малообеспеченных и нелегальных мигрантов) (Portes et al., 2009).

Ключевые барьеры интеграции: расовая дискриминация — физические особенности мигрантов обретают социальное значение; сегментация рынка труда — формирование «двойных» рынков с неравными возможностями; доступность девиантных субкультур — альтернативный путь социализации.

Наиболее уязвимы дети из смешанных семей и потомки чернокожих и азиатских мигрантов (в расово чувствительной среде их внешние черты влияют на выбор адаптационных стратегий) (Massey et al., 1993; Portes et al., 2009).

Таким образом, теория сегментной ассимиляции показывает: адаптация мигрантов — не линейный процесс интеграции, а сложное взаимодействие множества факторов, порождающее разнонаправленные траектории социальной мобильности в разных сегментах общества.

Концепция культурного плюрализма (мультикультурализма)

В 1960-х гг. в США в период борьбы за права афроамериканцев зародились теории культурного плюрализма. К концу 1980-х западноевропейские страны начали поддерживать этнические меньшинства, признавая право на сохранение их традиций (Rumblom, 1994; Spencer, 1994).

Бхикху Парех сформулировал три ключевых тезиса мультикультурализма (Parekh, 2006):

1) культура — фундаментальная система смыслообразования, формирующая личность;

2) разные культурные традиции предлагают альтернативные моральные ценности;

3) культуры не монолитны: они разнообразны и открыты для диалога.

Парех подчеркивает: задача мультикультурного общества — найти баланс между единством и разнообразием, воспитывая уважение к культурным различиям при сохранении этнической идентичности (Parekh, 2006).

Мультикультурализм переосмысливает адаптацию мигрантов как процесс признания и институционализации культурного разнообразия. Его принципы: право меньшинств на сохранение языковой и культурной самобытности; самоопределение этнической принадлежности без жесткой привязки к внешним маркерам; равные политические и социальные права для всех групп.

Цель мультикультурализма — не ассимиляция, а создание многонационального общества с юридически и социально гарантированным сосуществованием культур (Kymlicka, 1998).

Теория транснационализма

На рубеже 1990–2000-х гг. появилась концепция транснационализма, переосмысливающая традиционные подходы к адаптации. В отличие от теорий ассимиляции она акцентирует трансграничный характер миграции, подчеркивая неразрывную связь мигрантов со страной происхождения (Nations Unbound..., 1994).

Транснационализм отвергает дихотомии «эмигрант/иммигрант» и «страна происхождения/страна назначения», вводя понятие «третьего пространства» — транснационального социального поля за пределами государственных границ (New Transnational..., 2001).

Соответственно, выделяют два типа адаптационных стратегий:

- 1) мультикультурная — глубокая интеграция в оба общества (билингвизм, двойное гражданство, активные связи в обеих странах);
- 2) транснациональная — минимальное включение в принимающее общество; характерна для мигрантов с временной миграцией и привязанностью к стране происхождения (Gmaj, 2006).

Транснационализм показывает, как миграция трансформирует социальные отношения. Например, денежные переводы мигрантов поддерживают семьи и стимулируют развитие регионов в странах происхождения (Migration Theory..., 2007; Sng et al., 2025). Таким образом, транснациональный подход рассматривает миграцию как процесс формирования глобальных социальных пространств с условными границами между «своим» и «чужим».

Теория этнически-расовой стратификации

Теория этнически-расовой стратификации возникла в 1960–1970-х гг., когда стало очевидно, что адаптация мигрантов зависит от иерархической структуры общества. Основной тезис теории: исторические формы этнической эксплуатации создали устойчивые институты, воспроизводящие расовое и этническое неравенство (Haller et al., 2016).

Расовая идентичность воспринимается как более жесткая социальная конструкция, чем этническая (Massey, Pren, 2012; Perez, Hirschman, 2009). Для мигрантов из Африки, Латинской Америки и Азии принимающие общества часто конструируют расовую, а не этническую идентичность — это создает

дополнительные барьеры. Опыт дискриминации формирует у мигрантов ощущение «инаковости», ограничивая доступ к ресурсам и снижая шансы на социальную мобильность (Ortiz, Telles, 2012).

Дональд Ноэль выделил три условия этнической стратификации (Noel, 1968):

- 1) этноцентризм принимающего общества;
- 2) конкуренция за ресурсы (особенно на рынке труда);
- 3) неравное распределение политической власти между этническими группами.

Критика концепции «плавильного котла» показывает сохранение этнических идентичностей через поколения. Например, восточноевропейские иудеи закрепились в торговле и швейной промышленности, южные итальянцы – в строительстве. Эти паттерны поддерживаются социальными сетями (Glazer, Mohnihan, 1970).

Современные исследования показывают двойственную роль этничности (Lee, Zhou, 2014):

– позитивные факторы: доступ к социальным ресурсам, модели адаптации, эмоциональная поддержка;

– отрицательные факторы: дискриминация, институциональные барьеры.

Джеймс А. Бэнкс определяет этническую стратификацию как горизонтальное разделение общества по этническому признаку, где неравный доступ к ресурсам воспроизводится через иерархические структуры. Это создает систему структурированного неравенства: одни группы получают привилегии, другие — сталкиваются с ограничениями независимо от индивидуальных усилий (Ethnic stratification..., 2012).

Теория этнически-расовой стратификации раскрывает механизм взаимодействия исторических, институциональных и социокультурных факторов, определяющих адаптацию мигрантов. Успех интеграции зависит не только от индивидуальных стратегий, но и от структурных условий, закреплённых в политическом устройстве и коллективных представлениях принимающего общества.

Социокультурная адаптация — это процесс приспособления этнических групп к иной культурной среде. В его основе — противоречие между устоявшимися культурными паттернами мигрантов и новыми условиями жизни. Ключевую роль играет взаимодействие с принимающей средой, а этническое самосознание становится важнейшим ресурсом адаптации (Константинов, 2018).

Модель Дж. Берри: фокус на интеграции

Согласно Дж. Берри, социокультурная адаптация мигранта включает два ключевых аспекта (Beatty, 2022):

- 1) сохранение собственной культуры — степень поддержания культурной идентичности в новой среде;
- 2) взаимодействие с принимающим обществом — уровень вовлечённости в чужую культуру.

На основе этих критериев выделяются четыре модели адаптации:

- *модель ассимиляции*: идентификация с новой культурой и постепенное замещение собственных ценностей;
- *модель сепарации*: отказ от культуры принимающего общества при сохранении своих традиций;
- *модель маргинализации*: отсутствие идентификации с обеими культурами, часто из-за невозможности сохранить свою идентичность;
- *модель интеграции*: одновременное сохранение собственной культуры и принятие ценностей принимающего общества.

Каждая модель отражает различный подход мигранта к балансу между сохранением своей культурной идентичности и взаимодействием с новой социокультурной средой (Berry, 2022).

Концепции культурного шока и динамики адаптации

В изучении адаптации значима концепция К. Оберга (Oberg, 1960). Он определял культуру как многокомпонентную систему (ценности, знания, верования, правила), проявляющуюся в поведении, коммуникации и традициях.

Понятие «культурный шок» ввел К. Дюбуа в 1951 г. (Du Bois, 1951); Оберг в 1954 г. распространил его на всех, кто длительно пребывает в иной культуре. Оберг выделил четыре стадии культурного шока:

- 1) «медовый месяц» (дни — месяцы) — эйфория от новой культуры;
- 2) кризисная стадия регрессии — столкновение с трудностями (языковые, бытовые, юридические проблемы); возможен переход к адаптации либо кризис/возвращение на родину;
- 3) приспособление — освоение языка и норм, попытка понять и принять культурные особенности;
- 4) восстановление — восприятие местных обычаев как альтернативного образа жизни, интеграция в сообщество.

Главный вывод Оберга: культурный шок — естественная реакция на непонимание чужого поведения, но он преодолим через изучение культурных кодов принимающего общества (Oberg, 1960).

За последние пятьдесят лет концепция культурного шока стимулировала изучение адаптации мигрантов, породив теоретические модели — «кривые адаптации», отражающие динамику изменений их эмоционального состояния, поведения и самочувствия.

Динамика социокультурной адаптации — последовательная трансформация состояний мигранта под влиянием внешних и внутренних факторов. U-образная кривая С. Лисгаарда (на основе исследований норвежских мигрантов в США) выделяет три этапа:

- 1) положительная первичная адаптация — оптимизм, высокая мотивация, знакомство с культурой, социальные контакты;
- 2) адаптационный кризис — сложности, одиночество, отчужденность, снижение адаптационного потенциала;
- 3) возобновление положительной адаптации — понимание местной культуры, расширение связей, интеграция.

Вывод Лисгаарда: успешность адаптации зависит от длительности и интенсивности взаимодействия с принимающей культурой (Lysgaard, 1955).

W-образная кривая Дж. Т. и Дж. Э. Гуллахорнов (на материале студенческой миграции) включает пять этапов (Gullahorn, Gullahorn, 1963):

1) «медовый месяц» (дни — недели) — эйфория, энтузиазм, идеализированные представления;

2) культурный шок — дезориентация, одиночество, противоречия между привычным и новым контекстом;

3) основная адаптация — освоение среды, понимание норм, накопление опыта;

4) ментальная изоляция — внутренний конфликт: внешняя адаптация сталкивается с глубинными культурными противоречиями, возникает отчужденность от обеих культур (особенно при временных возвращениях на родину);

5) принятие и интеграция — психосоциальное равновесие, устойчивые связи, баланс ценностей, ощущение «нового дома».

Ключевой вклад Гуллахорнов: адаптация носит волнообразный характер — проблемы отчуждения и дезориентации могут возникать не только на начальном этапе, но и при последующих контактах с родной культурой (Gullahorn, Gullahorn, 1963).

Модель П. Адлера (Adler, 1975) представляет адаптацию как трансформацию от низкого к высокому уровню само- и межкультурного осознания. Она охватывает три уровня (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) и включает пять этапов:

1) контакт — позитивное восприятие различий, поиск сходств, укрепление уверенности в интеграции;

2) дезинтеграция — растерянность и дезориентация; начало формирования новой идентичности, освоение новых паттернов;

3) реинтеграция — критическое осмысление принимающей культуры; выбор между старыми и новыми нормами, тяготение к общению с соотечественниками;

4) автономия — уверенность в новой среде, развитие межкультурных навыков, бикультурная компетентность, участие в общественной жизни;

5) независимость — полная культурная гибкость, эмоциональная стабильность, свободное перемещение между контекстами с сохранением идентичности.

Ключевой вывод: успех адаптации зависит от готовности мигранта к личностным изменениям и интеграции нового опыта в систему ценностей. Адаптация — это процесс трансформации, развивающий межкультурную компетентность и формирующий новую идентичность (Adler, 1975).

Модель Т. Льюиса и Р. Юнгмана фокусируется на трансформации идентичности мигранта и охватывает шесть этапов, включая период до переезда и возможное возвращение на родину (Lewis, Jugman, 1986):

1) начальный доадаптационный этап — формирование представлений о будущей среде, сравнительный анализ культур, планирование и принятие решения о переезде;

2) зрительский этап (с момента прибытия) — наблюдение за культурными особенностями и нормами; смена интенсивных эмоций на спокойное восприятие;

3) этап растущего уровня интеграции — включение в социальные группы, преодоление трудностей, рост самооценки; столкновение с новыми ценностями;

4) этап культурного шока — пересмотр идентичности, противоречивые чувства, кризис самоидентификации из-за близости и отчужденности от обеих культур;

5) этап адаптации — преодоление барьеров, формирование баланса между родной и принимающей культурами;

6) этап возвращения в родную культуру — адаптация после возвращения на родину.

Теория Р. Колса описывает адаптацию через U-образную кривую и включает четыре этапа (Kohls, 2001):

1) начальная эйфория (дни — недели): эмоциональный подъем, оптимизм, поиск сходств с родной культурой;

2) раздражительность и враждебность: разочарование, острое восприятие культурных различий, культурный шок;

3) постепенная адаптация: медленное восстановление, понимание культурных сигналов, снижение изоляции, рост уверенности;

4) адаптация/бикультурализм: успешная интеграция в обе культурные системы, ощущение принадлежности к новому сообществу.

Успешность адаптации зависит не только от длительности пребывания, но и от личностных характеристик, мотивации и готовности к изменениям. При краткосрочном пребывании полная адаптация может не состояться.

Модель С. Райнсмита представляет адаптацию в виде W-кривой и охватывает пять этапов с возможными противоположными реакциями (Rhinesmith, 1985):

– первый этап: увлечение новизной либо категорическое отвержение новых условий;

– предварительная адаптация: «медовый месяц» с открытостью к культуре или минимизация социальных контактов.

– внутренние противоречия: неуверенность либо депрессия из-за столкновения ценностей с местными нормами;

– внутренний кризис: активное преодоление трудностей (изучение языка, культуры, налаживание связей) либо пассивность и отказ от адаптации;

– восстановление: поиск самореализации и интеграция через принятие местных норм либо пассивная позиция, отказ от адаптации (ограничение кругом соотечественников или планирование переезда).

Ключевые выводы: интенсивность и продолжительность этапов адаптации варьируются; последовательное прохождение всех стадий необходимо для успешной культурной трансформации; модель учитывает многообразие социокультурных факторов адаптации (Chaban et al., 2011; Rhinesmith, 1985).

Проведенный *анализ теоретических подходов* демонстрирует:

– эволюцию парадигм — от линейной ассимиляции к многомерным моделям (сегментная ассимиляция, мультикультурализм, транснационализм), учитывающим сложность миграционных процессов;

– многофакторность адаптации — успех зависит от взаимодействия индивидуальных (человеческий капитал, мотивация), социальных (структура семьи, этнические сети) и институциональных (политика, рынок труда) условий;

– нелинейность процесса — адаптация носит волнообразный характер (U- и W-образные кривые), включая периоды подъема и спада;

– роль идентичности — формирование новой идентичности (бикультурность, транснациональность) становится ключевым результатом успешной интеграции;

– системные барьеры — расовая и этническая стратификация, институциональная дискриминация могут блокировать адаптацию даже при высокой индивидуальной мотивации.

В современной науке нет универсальной концепции социокультурной адаптации мигрантов, хотя существует множество теорий. Мы предлагаем подход, максимально приближенный к универсальному пониманию этого процесса.

Авторский подход к проблеме адаптации: теоретическая модель и эмпирическое исследование

Социально-психологическая адаптация (СПА) понимается нами как сложный, нелинейный процесс взаимного приспособления мигранта и принимающего общества. Он зависит от намерений миграции и особенностей социальной среды и включает механизмы сознательного и бессознательного включения личности в новую среду: освоение норм, ценностей, правил и опыта взаимодействия (Константинов, 2018).

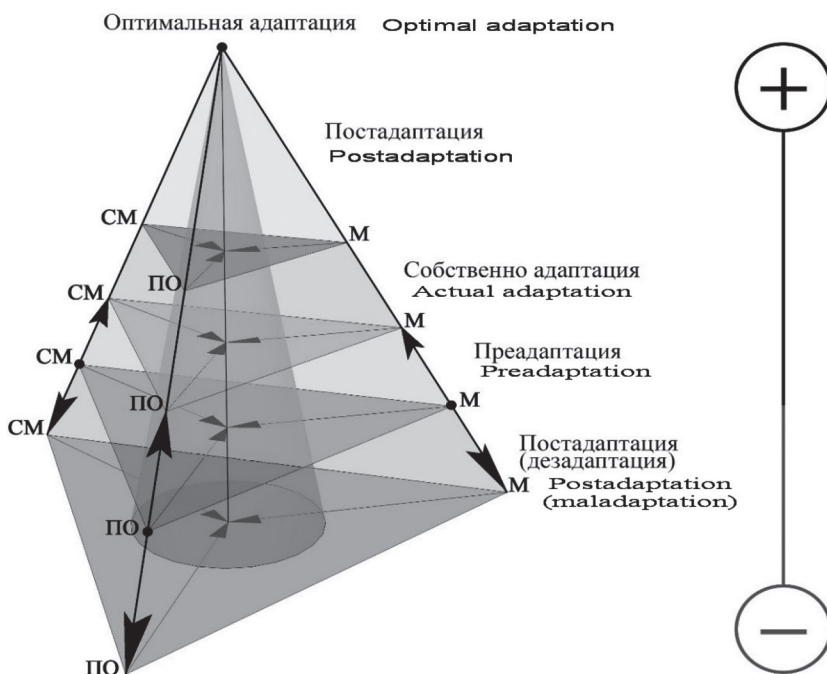
СПА включает несколько *этапов*.

1. *Преадаптация* — активируются познавательные механизмы (подражание, идеализация, идентификация) на основе симпатии и уважения к ценностям других культур. Мигрант опосредованно взаимодействует с принимающим обществом через СМИ; формируется вектор дальнейшего развития (позитивный или негативный). При отрицательном векторе растет риск дезадаптации.

2. *Постадаптационный период* — возможен в трех формах: успешная адаптация; латентная дезадаптация (тревожность, агрессия, недоверие, одиночество); явная дезадаптация (в принимающем обществе — экстремизм, расизм).

При дезадаптации включаются механизмы психологической защиты: компенсация, рационализация, интеллектуализация, сублимация. Успех адаптации зависит от новизны социально-ролевого репертуара и личностных ресурсов мигранта.

Формы СПА (в зависимости от типа приспособленности): внутренняя; внешняя; смешанная.

Системно-динамическая модель социально-психологической адаптации мигрантов в принимающем обществе

Примечание. М — мигрант, СМ — сообщество мигрантов, ПО — принимающее общество.

Источник: Константинов, 2018.

System-Dynamic Model of Socio-Psychological Adaptation among migrants in the host society

Note. M = migrant, CM = migrant community, ПО = host society.

Source: Konstantinov, 2018.

Оптимальная адаптация достигается, когда все участники процесса (мигранты, сообщество мигрантов, принимающее общество) движутся в едином направлении. Личность рассматривается как система, стремящаяся к адаптированности; равновесие сохраняется, пока все элементы системы находятся в балансе. Изменение внешних условий может привести либо к дальнейшей адаптации, либо к дезадаптации (рис.).

В 2025 г. в исследовании социально-психологических факторов интеграции мигрантов в принимающее российское общество в условиях глобализации и современных миграционных процессов приняли участие 1132 респондента в возрасте от 17 до 62 лет, среди которых 85,2 % женщин, 77 % респондентов проживают в крупных городах с численностью населения от 250 тысяч до 1 миллиона человек, 86,9 % респондентов относятся к славянской этнической группе, 93,6 % опрошенных не находятся в браке.

Исследование принимающего населения позволило сфокусироваться на ключевых аспектах взаимодействия между мигрантами и местным сообществом, а также на механизмах, влияющих на успешность интеграции. Принимающее общество формирует контекст, в котором происходит адаптация мигрантов. Его установки, стереотипы, уровень толерантности и готовность к взаимодействию напрямую влияют на то, насколько успешно мигранты смогут интегрироваться. Социальная дистанция, формируемая в принимающем

обществе, является важным показателем степени интеграции мигрантов. Исследования установок местного населения позволяют выявить причины возникновения предрассудков, стереотипов и ксенофобии, а также разработать стратегии их преодоления. Мнение и опыт принимающего населения важны для оценки результативности государственных программ адаптации и интеграции. Выбор фокусировки на принимающем населении обусловлен стремлением понять его роль в адаптации мигрантов, оценить риски и ресурсы, а также разработать эффективные стратегии интеграции.

В ходе исследования были использованы следующие методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова), типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), пятифакторный опросник личности (5PFQ) (адаптация А.Б. Хромов), методика PVQ-RR («Портретный ценностный опросник») Ш. Шварца, адаптация Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова), Шкала социальной дистанции (Э. Богардус), авторская анкета «Интеграционный потенциал принимающего населения».

Полученные эмпирические данные органично соотносятся с нашей теоретической моделью, подтверждая ее ключевые положения и дополняя их конкретными социально-психологическими механизмами.

Во-первых, нелинейность адаптационного процесса находит отражение в противоречивых установках принимающего общества: при общем позитивном восприятии роста миграции (76,3 %) лишь 28,3 % респондентов признают ее экономическую значимость — это демонстрирует рассогласование когнитивного и ценностного компонентов адаптации.

Во-вторых, этап преадаптации, связанный с идеализацией и идентификацией, проявляется в формировании стереотипного «идеального» портрета мигранта у принимающего населения (мужчина с высшим образованием, владеющий русским языком), который расходится с реальными характеристиками трудовых мигрантов (экономическая уязвимость, ограниченные языковые компетенции).

В-третьих, постадаптационный период с его вариантами успешной адаптации/дезадаптации подтверждается данными о социальной дистанции: высокий уровень принятия белорусов (42 % готовы принять в родство) контрастирует с низким принятием мигрантов из Средней Азии (14,8–15,2 % предпочли бы их не видеть), что отражает разные траектории интеграции. Наконец, корреляции между типами этнической идентичности и социальной дистанцией эмпирически доказывают, что личностные и групповые факторы (экстраверсия, материальный статус) выступают регуляторами адаптационного равновесия, о котором говорит теоретическая модель.

Заключение

Социокультурная адаптация представляет собой комплексный, многоэтапный процесс с волнообразной динамикой, в ходе которого социальное самочувствие мигранта претерпевает периодические колебания. Эволюция

этого процесса разворачивается в три этапа. На начальной фазе преобладают позитивные эмоции: человек испытывает воодушевление, уверенность в собственных возможностях и четкую нацеленность на достижение целей. Затем наступает этап культурного диссонанса, сопровождающийся стрессовым состоянием из-за расхождения культурных паттернов и коммуникативных кодов родной и принимающей культур. Финальный этап предполагает два возможных сценария: либо успешная интеграция, выражающаяся в формировании поликультурного мировоззрения, достижении психосоциального равновесия и позитивном восприятии новой среды, либо неудачная адаптация, которая проявляется в стойком стрессе, неспособности принять культуру принимающего общества и потенциальном возвращении на родину.

Успешность интеграции определяется сложным взаимодействием множества факторов. Важнейшую роль играют индивидуальные ресурсы мигранта — образование, компетенции, личностная предрасположенность к адаптации, реалистичность поставленных целей и предыдущий миграционный опыт. Не менее значим социальный контекст принимающего общества, включая его толерантность и готовность к межкультурному диалогу. Существенное влияние оказывают институциональные условия — наличие программ поддержки и доступность социальных услуг. Объем и качество социальных связей, семейные структуры (социальный капитал), длительность пребывания в новой стране и степень вовлеченности в социальные процессы принимающего общества также выступают ключевыми детерминантами адаптационного процесса.

Исторически подходы к адаптации претерпели существенную трансформацию: от теории прямой ассимиляции к современным концепциям мультикультурализма и транснационализма. Каждая из этих моделей отражает определенный этап развития миграционных процессов и предлагает собственный взгляд на механизмы интеграции. Глобализация кардинально изменила характер миграционных потоков, стимулировав переход от моноэтнических моделей к поликультурным сообществам, где взаимодействие разных групп становится нормой.

В результате исследования становится очевидным, что социокультурная адаптация — это динамическая система, где каждый компонент (личностный, социальный, институциональный) оказывает влияние на итоговую интеграцию мигранта. При этом процесс адаптации носит нелинейный характер: он включает периоды подъема и спада, требующие гибкости как от мигранта, так и от принимающего общества. Успешная интеграция возможна лишь при взаимном уважении, понимании и готовности к диалогу всех участников процесса.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы связаны с анализом механизмов межкультурного взаимодействия, углубленным исследованием факторов успешной адаптации, разработкой инновационных моделей интеграции и оценкой эффективности существующих программ адаптации.

Список литературы

- Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Как стать россиянином? Содержание национальной идентичности, определяющее социальные маркеры принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 4. С. 675–696. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696> EDN: UZTYXS
- Даллакян К.С. Этноиммиграция: сравнительный анализ // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 122–127. EDN: SFRKPT
- Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 4. С. 103–112. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112> EDN: BDHOAF
- Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе : дис. ... д-ра псих. наук. Саратов : СГУ, 2018. 535 с. EDN: ARKZPT
- Константинов В.В., Осин Р.В. Модели социокультурной адаптации мигрантов: история и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4 (188). С. 315–342. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754> EDN: OPZCHQ
- Константинов В.В., Осин Р.В., Бабаева М.В., Бедрина Е.Б., Курдяшова Е.В., Климова Е.А. В чужой стране: Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России : монография / под науч. ред. В.В. Константинова. Москва : Перо, 2022. 185 с. EDN: JGMVOK
- Хожиев Ж.Ж., Галятина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 90. С. 4. <https://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436> EDN: ADFWWG
- Adler P.S. The transitional experience: An alternative view of culture shock // Journal of Humanistic Psychology. 1975. Vol. 15. No. 4. P. 13–23. <https://doi.org/10.1177/002216787501500403> EDN: JNJTON
- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 826–874. <https://doi.org/10.2307/2547416> EDN: GWSMZL
- Berggren N., Ljunge M., Nilsson T. Immigrants from more tolerant cultures integrate deeper into destination countries // Journal of Comparative Economics. 2023. Vol. 51. No. 4. P. 1095–1108. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.005> EDN: OIEJVX
- Berry J.W. Family and youth development: Some concepts and findings linked to the ecocultural and acculturation models // Societies. 2022. Vol. 12. No. 6. P. 181. <https://doi.org/10.3390/soc12060181> EDN: QSJMEL
- Castles S., de Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. New York : The Guilford Press, 2014. 401 p.
- Chaban N., Williams A., Holland M., Boyce V., Warner F. Crossing cultures: Analysing the experiences of NZ returnees from the EU (UK vs. non-UK) // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. No. 6. P. 776–790. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.03.004>
- Du Bois C. Culture shock // To strengthen world freedom. Highlights of four conferences convened by the Institute of International Education on the international exchange of persons. New York : Institute of International Education, 1951. P. 22–24.
- Ethnic stratification and diversity // Encyclopedia of Diversity in Education / ed. by J.A. Banks. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, Inc., 2012. Vol. 4. P. 836–838. <https://doi.org/10.4135/9781452218533.n265>

- Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A.* Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2023. Vol. 20. No. 2. P. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210> EDN: VUXLTR
- Gebhard J.* International student voices: Adapting to American culture inside and outside the classroom. Michigan : University of Michigan Press, 2011. 106 p.
- Gilan D., Werner A.M., Hahad O., Lieb K., Frankenberg E., Bongard S.* Acculturation and anger expression among Iranian migrants in Germany // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article no. 715152. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.715152> EDN: JZHITI
- Glazer N., Mohniyan D.P.* Beyond the melting pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. 2nd ed. Cambridge, MA : MIT Press, 1970. 347 p.
- Gmaj K.* Social and cultural aspects of transnational migration // *Transnational Migration–Dilemmas* / ed. by K. Iglicka. Warszawa : Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2006. Vol. 2. P. 45-50.
- Gordon M.M.* Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins. New York : Oxford University Press, 1964. 276 p.
- Gullahorn J.T., Gullahorn J.E.* An extension of the U-curve hypothesis // *Journal of Social Issues*. 1963. Vol. 19. No. 3. P. 33–47. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1963.tb00447.x>
- Haller M., Eder A., Stolz E.* Ethnic stratification and patterns of income inequality around the world: A cross-national comparison of 123 countries, based on a new index of historic ethnic exploitation // *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 128. No. 3. P. 1047–1084. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1069-4> EDN: QDVLQW
- Horowitz T.* The integration of immigrants from the former Soviet Union // *Israel Affairs*. 2005. Vol. 11. No. 1. P. 117–136. <https://doi.org/10.1080/1353712042000324481>
- Kohls L.R.* Survival Kit for Overseas Living: For Americans Planning to Live and Work Abroad. 4th ed. Yarmouth, ME : Intercultural Press, 2001. 208 p.
- Kymlicka W.* Introduction: An emerging consensus? // *Ethical Theory & Moral Practice*. 1998. Vol. 1. No. 2. P. 143–157. <https://doi.org/10.1023/a:1009986723807> EDN: ERNYPJ
- Lee J., Zhou M.* The success frame and achievement paradox: The costs and consequences for Asian Americans // *Race and Social Problems*. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 38–55. <https://doi.org/10.1007/s12552-014-9112-7> EDN: RQPNZU
- Lewis T., Jugman R.* An being foreign: Culture shock in short fiction. An international anthology. Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1986. 294 p.
- Lysgaard S.* Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // *International Social Sciences Bulletin*. 1955. Vol. 7. No. 1. P. 45–51.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Massey D.S., Pren K.A.* Origins of the new Latino underclass // *Race and Social Problems*. 2012. Vol. 4. No. 1. P. 5–17. <https://doi.org/10.1007/s12552-012-9066-6> EDN: DHELII
- Migration Theory: Talking across Disciplines* / ed. by C.B. Brettell, J.F. Hollifield. 2nd ed. New York : Routledge, 2007. 304 p. <https://doi.org/10.4324/9780203950449>
- Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States* / ed. by L. Basch, N.G. Schiller, C.S. Blanc. London : Routledge, 1994. 344 p. <https://doi.org/10.4324/9780203347003>
- New transnational social spaces: International migration and transnational companies in the early twenty-first century* / ed. by L. Pries. London : Routledge, 2001. 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203469392>
- Noel D.L.* A theory of the origin of ethnic stratification // *Social Problems*. 1968. Vol. 16. No. 2. P. 157–172. <https://doi.org/10.2307/800001>

- Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960. Vol. os-7. No. 4. P. 177–182. <https://doi.org/10.1177/009182966000700405>
- Ortiz V., Telles E. Racial identity and racial treatment of Mexican Americans // *Race and Social Problems*. 2012. Vol. 4. No. 1. P. 41–56. <https://doi.org/10.1007/s12552-012-9064-8> EDN: QMSHMB
- Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. 2nd ed. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 409 p. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-20425-6>
- Park R.E. Assimilation, social // *Encyclopedia of the Social Sciences* / ed. by E.R.A. Seligman, A. Johnson. New York : Macmillan Company, 1930. Vol. 2. P. 281–283.
- Park R.E. Burgess E., Janowitz M. *Introduction to the Science of Sociology*. 3d ed. rev. Chicago : University of Chicago Press, 1969. 1040 p.
- Perez A.D., Hirschman C. The changing racial and ethnic composition of the US population: Emerging American identities // *Population and Development Review*. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 1–51. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2009.00260.x>
- Portes A., Fernandez-Kelly P., William H. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. Vol. 35. No. 7. P. 1077–1104. <https://doi.org/10.1080/13691830903006127>
- Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. No. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006> EDN: JLDVNR
- Rhinesmith S.H. *Bring home the world: A management guide for community leaders of International Exchange Programs*. New York : Walker, 1985. 223 p.
- Rumblom H. Swedish multiculturalism in a comparative European perspective // *Sociological Forum*. 1994. Vol. 9. No. 4. P. 623–640. <https://doi.org/10.1007/bf01466305> EDN: EIPFIQ
- Sng O., Choi M., Ackerman J.M. The ecology of relatedness: How living around family (or not) matters // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2025. Vol. 128. No. 6. P. 1243–1270. <https://doi.org/10.1037/pspa0000428> EDN: CLRUIS
- Spencer M.E. Multiculturalism, “political correctness,” and the politics of identity // *Sociological Forum*. 1994. Vol. 9. No. 4. P. 547–567. <https://doi.org/10.1007/bf01466302>

История статьи:

Поступила в редакцию 31 января 2025 г.

Доработана после рецензирования 20 июня 2025 г.

Принята к печати 30 июня 2025 г.

Для цитирования:

Константинов В.В., Осин Р.В. Интеграция и адаптация мигрантов в современном мире: переосмысление классических моделей и поиск новых решений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2025. Т. 22. № 4. С. 714–733. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-714-733> EDN: OCJJYM

Вклад авторов:

В.В. Константинов — концепция и дизайн исследования, написание и редактирование текста. Р.В. Осин — постановка целей и задач исследования, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология», Пензенский государственный университет (Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40). ORCID: 0000-0002-1443-3195; eLibrary SPIN-код: 2616-6051; Web of Science ResearcherID: M-3235-2015; Scopus AuthorID: 8343643600. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Осин Роман Викторович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Общая психология», Пензенский государственный университет (Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40). ORCID: 0000-0002-2240-5450; eLibrary SPIN-код: 8162-6449; Web of Science ResearcherID: AFL-5683-2022; Scopus AuthorID: 58639752300. E-mail: osin@pnzgu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-714-733

EDN: OCJJYM

UDC 316.6

Theoretical article

Integration and Adaptation of Migrants in the Modern World: Rethinking Classical Models and Searching for New Solutions

Vsevolod V. Konstantinov^{ID}✉, Roman V. Osin^{ID}

Penza State University, Penza, Russian Federation

✉konstantinov_vse@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the rapid transformation of migration processes in the context of globalization and the formation of multicultural societies. Contemporary realities require rethinking the classical models of migrant adaptation and developing new approaches to integration into the host community. The authors of the paper set the goal of conducting a comprehensive analysis of theoretical approaches and developing a model for the socio-psychological adaptation of migrants in today's multicultural environment. To test the proposed model, an empirical study was conducted with the participation of 1,132 respondents and the use of a set of psychodiagnostic techniques. The results have made it possible to identify the key factors of successful adaptation, develop a system-dynamic model of socio-psychological adaptation, and establish the nonlinear nature of the adaptation process. The empirical data confirm the existence of three forms of the postadaptation period: (1) successful adaptation, (2) latent maladaptation, and (3) overt maladaptation. The scientific novelty of this work lies in the creation of an original adaptation model that takes into account both the individual resources of migrants and the characteristics of the host society. The study expands our understanding of the mechanisms of intercultural interaction and the factors that contribute to the successful integration of migrants. Its practical significance is determined by the possibility of using the results to improve migrant adaptation programs and develop effective integration mechanisms in the multicultural space. The research makes a significant contribution to the development of the theory of intercultural adaptation and the practice of migration management.

Key words: socio-cultural adaptation, migration processes, multicultural societies, cultural shock, adaptation stages, intercultural communication, transnationalism, ethnic groups, integration strategies, multicultural space

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 24-28-01367 (<https://rscf.ru/project/24-28-01367/>).

References

- Adler, P.S. (1975). The transitional experience: An alternative view of culture shock. *Journal of Humanistic Psychology*, 15(4), 13–23. <https://doi.org/10.1177/002216787501500403>
- Alba, R., & Nee, V. (1997). Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 31(4), 826–874. <https://doi.org/10.2307/2547416>
- Banks, J.A. (Ed.) (2012). Ethnic stratification and diversity. In *Encyclopedia of Diversity in Education* (vol. 4, pp. 836–838). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781452218533.n265>
- Basch, L., Schiller, N.G., & Blanc, C.S. (Eds.). (1994). *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203347003>
- Berggren, N., Ljunge, M., & Nilsson, T. (2023). Immigrants from more tolerant cultures integrate deeper into destination countries. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1095–1108. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.005>
- Berry, J.W. (2022). Family and youth development: Some concepts and findings linked to the ecocultural and acculturation models. *Societies*, 12(6), 181. <https://doi.org/10.3390/soc12060181>
- Brettell, C.B., & Hollifield, J.F. (Eds.). (2007). *Migration Theory: Talking across Disciplines* (2nd ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203950449>
- Castles, S., de Haas, H., & Miller, M.J. (2014). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (5th ed.). New York: The Guilford Press.
- Chaban, N., Williams, A., Holland, M., Boyce, V., & Warner, F. (2011). Crossing cultures: Analysing the experiences of NZ returnees from the EU (UK vs. non-UK). *International Journal of Intercultural Relations*, 35(6), 776–790. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.03.004>
- Dallakyan, K.S. (2014). Ethnoimmigration: Comparative analysis. *Civil Aviation High Technologies*, (203), 122–127. (In Russ.).
- Du Bois, C. (1951). *Culture shock*. In: *To strengthen world freedom. Highlights of four conferences convened by the Institute of International Education on the international exchange of persons* (pp. 22–24). New York: Institute of International Education.
- Galyapina, V.N., Tuchina, O.R., & Apollonov, I.A. (2023). Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Gebhard, J. (2011). *International student voices: Adapting to American culture inside and outside the classroom*. Michigan: University of Michigan Press.
- Gilan, D., Werner, A.M., Hahad, O., Lieb, K., Frankenberg, E., & Bongard, S. (2022). Acculturation and anger expression among Iranian migrants in Germany. *Frontiers in Psychology*, 13, 715152. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.715152>
- Glazer, N., & Mohniyan, D.P. (1970). *Beyond the melting pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City* (2nd ed.). Cambridge, MA: MIT Press.
- Gmaj, K. (2006). Social and cultural aspects of transnational migration. In K. Iglicka (Ed.), *Transnational Migration–Dilemmas* (vol. 2, pp. 45–50). Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych.
- Gordon, M.M. (1964). *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins*. New York: Oxford University Press.
- Grigoryev, D.S., Gallyamova, A.A., & Komyaginskaya, E.S. (2023). Becoming a member of the Russian nation: The content of national identity underlying the social markers of acceptance for immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(4), 675–696. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>
- Gullahorn, J.T., & Gullahorn, J.E. (1963). An extension of the U-shaped curve hypothesis. *Journal of Social Issues*, 19(3), 33–47. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1963.tb00447.x>

- Haller, M., Eder, A., & Stolz, E. (2016). Ethnic stratification and patterns of income inequality around the world: A cross-national comparison of 123 countries, based on a new index of historic ethnic exploitation. *Social Indicators Research*, 128(3), 1047–1084. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1069-4>
- Horowitz, T. (2005). The integration of immigrants from the former Soviet Union. *Israel Affairs*, 11(1), 117–136. <https://doi.org/10.1080/1353712042000324481>
- Khojiev, J.J., & Galyapina, V.N. (2023). Perceived security, acculturation strategies and adaptation of labor migrants from Uzbekistan and Tajikistan in Russia. *Psychological Studies*, 16(90), 4. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v16i90.1436>
- Kohls, L.R. (2001). *Survival Kit for Overseas Living: For Americans Planning to Live and Work Abroad* (4th ed.). Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Kononov, L.A., & Ledeneva, V.Yu. (2021). Adaptation and integration of international migrants: Theoretical and methodological problems. *World Economy and International Relations*, 65(4), 103–112. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112>
- Konstantinov, V.V. (2018). *Socio-psychological adaptation of migrants in a host multicultural society*. Doctor of Psychology Thesis. Saratov: Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. (In Russ.).
- Konstantinov, V.V., & Osin, R.V. (2025). Models of sociocultural adaptation of migrants: History and typology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 315–342. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2754>
- Konstantinov, V.V., Osin, R.V., Babaeva, M.V., Bedrina, E.B., Kirdyashova, E.V., & Klimova, E.A. (2022). *In a foreign country: Socio-psychological adaptation of labor migrants in Russia*. Moscow : Pero Publ. (In Russ.).
- Kymlicka, W. (1998). Introduction: An emerging consensus? *Ethical Theory & Moral Practice*, 1(2), 143–157. <https://doi.org/10.1023/a:1009986723807>
- Lee, J., & Zhou, M. (2014). The success frame and achievement paradox: The costs and consequences for Asian Americans. *Race and Social Problems*, 6(1), 38–55. <https://doi.org/10.1007/s12552-014-9112-7>
- Lewis, T., & Jugman, R. (1986). *An being foreign: Culture shock in short fiction. An international anthology*. Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Lysgaard, S. (1955). Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States. *International Social Sciences Bulletin*, 7(1), 45–51.
- Massey, D.S., & Pren, K.A. (2012). Origins of the new Latino underclass. *Race and Social Problems*, 4(1), 5–17. <https://doi.org/10.1007/s12552-012-9066-6>
- Massey, D.S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., & Taylor, J.E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(3), 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Noel, D.L. (1968). A theory of the origin of ethnic stratification. *Social Problems*, 16(2), 157–172. <https://doi.org/10.2307/800001>
- Oberg, K. (1960). Cultural shock: Adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*, 7(4), 177–182. <https://doi.org/10.1177/009182966000700405>
- Ortiz, V., & Telles, E. (2012). Racial identity and racial treatment of Mexican Americans. *Race and Social Problems*, 4(1), 41–56. <https://doi.org/10.1007/s12552-012-9064-8>
- Parekh, B. (2006). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory* (2nd ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-20425-6>
- Park, R.E. (1930). Assimilation, social. In E.R.A. Seligman & A. Johnson (Eds.), *Encyclopedia of the Social Sciences* (vol. 2, pp. 281–283). New York: Macmillan Company.
- Park, R.E., Burgess, E.W., & Janowitz, M. (1969). *Introduction to the science of sociology* (3d ed. rev.). Chicago: University of Chicago Press.
- Perez, A.D., & Hirschman, C. (2009). The changing racial and ethnic composition of the US population: Emerging American identities. *Population and Development Review*, 35(1), 1–51. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2009.00260.x>

- Portes, A., Fernández-Kelly, P., & Haller, W. (2009). The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35(7), 1077–1104. <https://doi.org/10.1080/13691830903006127>
- Portes, A., & Zhou, M. (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 530(1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>
- Pries, L. (Ed.). (2001). *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-First Century*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203469392>
- Rhinesmith, S.H. (1985). *Bring Home the World: A Management Guide for Community Leaders of International Exchange Programs*. New York: Walker.
- Runblom, H. (1994). Swedish multiculturalism in a comparative European perspective. *Sociological Forum*, 9(4), 623–640. <https://doi.org/10.1007/bf01466305>
- Sng, O., Choi, M., & Ackerman, J.M. (2025). The ecology of relatedness: How living around family (or not) matters. *Journal of Personality and Social Psychology*, 128(6), 1243–1270. <https://doi.org/10.1037/pspa0000428>
- Spencer, M.E. (1994). Multiculturalism, “political correctness,” and the politics of identity. *Sociological Forum*, 9(4), 547–567. <https://doi.org/10.1007/bf01466302>

Article history:

Received 31 January, 2025

Revised 20 June, 2025

Accepted 30 June, 2025

For citation:

Konstantinov, V.V., & Osin, R.V. (2025). Integration and adaptation of migrants in the modern world: Rethinking classical models and searching for new solutions. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 714–733. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-714-733> EDN: OCJJYM

Authors' contribution:

Vsevolod V. Konstantinov — concept and design of the study, text writing and editing. *Roman V. Osin* — setting research goals and objectives, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Vsevolod V. Konstantinov, Doc. Sci. in Psychology, Professor, Head of the Department “General Psychology”, Penza State University (40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1443-3195; eLibrary SPIN-code: 2616-6051; Web of Science ResearcherID: M-3235-2015; Scopus AuthorID: 8343643600. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Roman V. Osin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Penza State University (40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2240-5450; eLibrary SPIN-code: 8162-6449; Web of Science ResearcherID: AFL-5683-2022; Scopus AuthorID: 58639752300. E-mail: osin@pnzgu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-734-755

EDN: ODYUPR

УДК 159.9.072.59

Исследовательская статья

4-компонентный опросник стилей мышления (4-КОСМ): адаптация и валидизация в России

А.А. Галлямова , Е.Ш. Комягинская , А.Н. Гнездилов ,
А.Е. Голубкова , К.К. Трошина , Д.С. Григорьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ aagallyamova@hse.ru

Аннотация. Способы, которыми люди обрабатывают информацию, или их *стили мышления*, стали одними из ключевых переменных для рассмотрения широкого спектра тем в рамках психологии. Однако, несмотря на рост количества соответствующих исследований, отсутствует единая структура для классификации и измерения этих стилей. Такую единую структуру для оценки стилей мышления предлагает *4-Component Thinking Styles Questionnaire* (4-CTSQ), заменяющий собой сразу множество популярных на сегодняшний день методик. Цель исследования — адаптация и валидизация русскоязычной версии методики 4-CTSQ — «4-компонентного опросника стилей мышления» (4-КОСМ). Проведена адаптация методики 4-КОСМ на русский язык с использованием когнитивных интервью и последующая проверка его валидности посредством онлайн-опроса. Для тестирования факторной структуры методики использовался конфирматорный факторный анализ. В дополнение были проведены анализы валидности, надежности и измерительной эквивалентности. В адаптации методики участвовали 1268 респондентов старше 18 лет ($M = 37,9$; $SD = 11,2$), среди которых 55,8 % — женщины, а 44,2 % — мужчины. Согласно результатам конфирматорного факторного анализа факторная структура русскоязычной версии 4-КОСМ имела удовлетворительные показатели глобального и локального соответствия (например, $CFI = 0,935$, $SRMR = 0,049$), а также удовлетворительные значения факторных нагрузок (в среднем 0,692). Кроме того, 4-КОСМ продемонстрировал измерительную эквивалентность по полу, удовлетворительную надежность (с коэффициентами α -Кронбаха в диапазоне от 0,78 до 0,92) и валидность. Проверка критериальной валидности продемонстрировала связи между переменными 4-КОСМ и определенными убеждениями (например, религиозными, паранормальными, псевдонаучными и конспирологическими), а также с различными когнитивными, личностными и социально-демографическими переменными. Адаптацию и валидизацию русскоязычной версии 4-КОСМ можно считать успешной: факторная структура опросника в сочетании с показателями надежности и валидности подчеркивает, что 4-КОСМ является качественным измерительным инструментом, что дополнительно продемонстрировали и результаты изучения номологической сети взаимосвязей стилей мышления и остальных рассмотренных переменных.

© Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш., Гнездилов А.Н., Голубкова А.Е., Трошина К.К., Григорьев Д.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: 4-компонентный опросник стилей мышления, 4-КОСМ, стили мышления, эпистемически необоснованные убеждения, теория двойного процесса, интуитивное мышление, аналитическое мышление

Финансирование. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Введение

Почему одни люди стремятся к глубокому анализу, а другие, напротив, в большей степени полагаются на интуицию и уже существующие представления о мире? *Стили мышления* влияют на различные сферы человеческого поведения и восприятия, включая принятие решений, систему убеждений и ценностей и даже академическую успеваемость (Newton Feeney, Pennycook, 2024). Однако до сих пор нет консенсуса в вопросе о том, что такое стили мышления. С одной стороны, часть методик нацелены на изучение стремления человека к глубокому анализу и удовольствию от этого процесса, например *Need for Cognition Scale* (Cacioppo, Petty, 1982). С другой стороны, существуют подходы, ориентированные на общую способность человека к рефлексии и познанию, в частности *Actively Open-Minded Thinking Scale* (Stanovich, West, 2007). Однако, несмотря на эти различия, большинство концепций задаются вопросом, как люди формируют свои убеждения и принимают решения.

Большая часть подходов, которые анализируют стили мышления, основывается на *моделях двойного процесса*, в которых предполагается, что процесс человеческого познания может идти по двум отличающимся путям:

1) быстрые решения часто принимаются автоматически или интуитивно, не требуя излишних усилий, что соответствует Системе 1 / Типу 1;

2) выводы, сделанные на основе глубокого анализа или рефлексии, которые чаще формируются гораздо медленнее из-за необходимости больших энергетических затрат, соответствуют Системе 2 / Типу 2 (Evans, Stanovich, 2013).

Ключевое различие в данных моделях обычно формулируют через существенные характеристики классов процессов: для процессов Типа 1 — их относительно принудительный запуск при наличии соответствующих стимульных триггеров и относительная независимость от ресурсов рабочей памяти; для процессов Типа 2 — существенная нагрузка на рабочую память и опора на операции гипотетического рассуждения (т.е. оперирование условными посылками «если... то...» и вывод их следствий), включая когнитивное «разъединение» репрезентаций (*cognitive decoupling*) и ментальную симуляцию альтернатив (*mental simulation*).

Во многих вариантах моделей двойного процесса предполагается так называемая *дефолтно-интервенционистская архитектура*: процессы Типа 1 формируют первичный ответ «по умолчанию», тогда как процессы Типа 2 при определенных условиях (например, при необходимости контроля) могут вмешиваться, осуществляя проверку, подавление или перестройку исходного вывода. При этом методологически важно избегать нормативной редукции, согласно которой процессы Типа 1 априори отождествляются с ошибочностью,

а процессы Типа 2 — с гарантированной истинностью: эвристические процессы могут быть адаптивно точными в соответствующих средах и задачах, а контролируемая переработка не исключает систематических ошибок и ограничений. Таким образом, процесс познания часто разделяют на интуитивное (эмоциональное) и аналитическое мышление (Newton, Feeneey, Pennycook, 2024). Однако не совсем понятно, действительно ли человеческое познание может идти только по этим двум путям или же существуют отличия в рамках аналитического и интуитивного стилей мышления.

Вместе с тем важно отметить, что из-за популярности изучения процессов познания давно назревала необходимость проведения своеобразной инвентаризации и систематизации в этой области. На данный момент существуют как минимум 15 методик, которые анализируют различные показатели того, как люди делают выводы, например, *Need for Closure Scale* (Roets, van Hiel, 2011), *Comprehensive Intellectual Humility Scale* (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016), *Epistemic Curiosity Scale* (Litman, Spielberger, 2003), *Need for Evidence Scale* (Garrett, Weeks, 2017). Однако при попытке их упорядочивания становится очевидно, что простое разделение на интуитивный или аналитический стиль мышления является сильным упрощением, так как познание включает в себя как *способности* человека, так и *стремление* их использовать.

Уникальностью *4-Component Thinking Styles Questionnaire* (4-CTSQ) является как раз усложнение представления о том, какие факторы влияют на то, как люди формируют свои представления о мире (Newton, Feeneey, Pennycook, 2024). Данная методика была разработана на основе 12 существующих методик по стилям мышления. Подход авторов 4-CTSQ предполагает, что простую дихотомию «интуитивный – аналитический» необходимо расширить до четырех независимых друг от друга стилей мышления: *открытое мышление* (ОМ; Open-Minded Thinking), *закрытое мышление* (ЗМ; Close-Minded Thinking), *интуитивное мышление* (ИМ; Preference for Intuitive Thinking), *усердное мышление* (УМ; Preference for Effortful Thinking).

Еще одно преимущество 4-CTSQ заключается в том, что при разработке методики пункты для нее отбирались не столько на основе результатов факторного анализа, а в первую очередь — на основе поведенческих паттернов при помощи *Теста когнитивной рефлексии* (ТКР; Cognitive Reflection Test). ТКР включает в себя решение задач, которые вызывают неправильную интуитивную реакцию, например, классическая задача о различиях стоимости биты и мяча (Frederick, 2005). Если предполагаемые пункты 4-CTSQ не демонстрировали как минимум умеренной корреляции с ТКР, они исключались из списка (Newton, Feeneey, Pennycook, 2024).

Также 4-CTSQ охватывает оба компонента, которые играют важную роль в познавательных процессах — способности человека и его стремление (мотивацию) их использовать. Несмотря на взаимозависимость когнитивных способностей (например, способность считать, вербальный интеллект) и мотивации человека к более глубокому анализу, только при помощи простой активации познавательной Системы 2 нельзя напрямую повлиять на интеллектуальные способности человека (Pennycook, Fugelsang, Koehler, 2015).

Три фактора 4-CTSQ концептуально соответствуют существующим методикам (Newton, Feeneу, Pennуcook, 2024). Аналитический стиль мышления в 4-CTSQ был разделен на ОМ и УМ. ОМ соответствует одноименной методике, которая отражает склонность к рефлексии и открытости новому (Baron, 2019). Данный аспект мыслительного процесса включает в себя способность человека в целом использовать Систему 2 при обработке информации, преодолевая интуитивно сделанные выводы (Pennуcook, Fugelsang, Koehler, 2015). В свою очередь, УМ близко к концептуализации потребности в познании, которая оценивается, насколько человек любит деятельность, требующую глубоких размышлений, а не то, насколько человек хорош в ней (Cacioppo, Petty, 1982). Отличия этих стилей друг от друга демонстрируют их обратные связи с различными переменными. Например, люди с выраженным УМ демонстрируют более высокий уровень субъективного счастья и сопереживания другим, в то время как ОМ отрицательно связано с этими переменными (Newton, Feeneу, Pennуcook, 2024).

ИМ в 4-CTSQ отражает то, насколько человек доверяет своей интуиции при принятии решения, что в большей степени соответствует методике *Faith in Intuition Scale* (Epstein et al., 1996). За основу 3М была взята концепция догматизма, которая предполагает ригидность мышления, нетерпимость к двусмысленности и неопределенности (Rokeach, Fruchter, 1956). Однако в отличие от *Dogmatism Scale* фактор 3М отражает, насколько люди в целом видят мир в черно-белом цвете и не имеет какой-либо идеологической нагруженности. Другими словами, достоинством данной концептуализации закрытого стиля мышления является его универсальность в независимости от политических, исторических или других условий.

Важно отметить, что, несмотря на теоретическую связность ОМ – 3М и ИМ – УМ, — они не представляют собой континуумы, не являются разными полюсами одного психологического измерения. Напротив, конфирмативный факторный анализ стабильно указывает на четырехфакторную структуру 4-CTSQ, хотя все эти стили мышления демонстрируют умеренную корреляцию между собой (Newton, Feeneу, Pennуcook, 2024). При эмпирической апробации 4-CTSQ авторами методики была проведена серия исследований на нескольких независимых выборках в разных странах, включая США и Канаду. Субшкалы 4-CTSQ продемонстрировали ожидаемые связи с внешними критериями и дифференцированную предсказательную валидность. В частности, ОМ было отрицательно связано с восприимчивостью к дезинформации (в том числе к COVID-19-мифам) и положительно — с более точным различением достоверных и недостоверных новостей. Дополнительно было показано, что субшкалы 4-CTSQ осмысленно связаны с различными эпистемически необоснованными убеждениями (например, верой в конспирологию, паранормальное и т.д.), что задает для методики довольно широкую номологическую сеть и раскрывает полезный потенциал применимости.

Изучение стилей мышления представляет собой важную и актуальную задачу психологии, поскольку продвигает понимание того, как люди обрабатывают информацию, формируют и поддерживают свои установки, убеждения

и моральные суждения, следуют социальным нормам и т. д. (Pennycook, Fugelsang, Koehler, 2015). Понимание уникального вклада каждого из стилей мышления, диагностируемых в рамках 4-CTSQ, в дальнейшем может помочь в совершенствовании образовательных стратегий и содействия межгрупповому взаимопониманию и сотрудничеству (Newton, Feeney, Pennycook, 2024). Сказанное выше определило **цель исследования** — провести адаптацию и валидизацию русскоязычной версии методики 4-CTSQ – **4-компонентного опросника стилей мышления (4-КОСМ)**.

Процедура и методы исследования

Участники

В исследовании участвовали 1268 респондентов, среди которых 55,8 % — женщины, 44,2 % — мужчины. Возраст участников варьировался от 18 до 81 лет ($M = 37,9$; $SD = 11,2$), среди них 51 % имели высшее образование (специалитет), 27,8 % — среднее специальное образование, 15,2 % — степень бакалавра, 6,4 — степень магистра, 10,6% — среднее образование и только 0,4 % имели ученую степень. 59 % участников указали в качестве своей религии православие, 36 % — ответили, что не исповедуют никакой религии, а 4 % отметили, что исповедуют другие религии (ислам, буддизм, иудаизм и др.).

Процедура

Данные были собраны в апреле 2023 г. с использованием онлайн-опроса, который провела независимая коммерческая исследовательская организация. Респонденты получали за свое участие финансовое вознаграждение. Исследование проводилось в соответствии с этическими стандартами COPE и APA. Перед заполнением анкеты респондентам предоставлялась инструкция, в которой разъяснялись основные аспекты исследуемой проблемы, условия конфиденциальности, а также контактная информация исследователей.

С целью детальной проверки русскоязычной версии 4-КОСМ онлайн-опрос включал батарею методик для оценки вербального интеллекта, потребности в структуре, личностных черт, а также набор так называемых «эпистемически необоснованных убеждений» (религиозная вера, вера в паранормальное, псевдонаучные убеждения, вера в теории заговора). Эти переменные охватывают широкий спектр когнитивных и поведенческих областей, что позволяет провести всестороннюю проверку 4-КОСМ, формируя четкую номологическую сеть для установления валидности адаптируемой методики.

На первом этапе адаптации методики после дословного авторского перевода 4-КОСМ на русский язык для корректирования формулировок пунктов была проведена серия **когнитивных интервью** с использованием техники «think aloud» (Willis, 2005). В ходе интервью для изначальной версии пункта «Я не очень хорошо разбираюсь в сложных проблемах» респондентами отмечалась «абстрактность» формулировки «разбираюсь в сложных проблемах»: «...*Не очень понятно, что значит разбираться в сложных проблемах. Вроде бы проблемы решают. Как будто слишком общо сформулировано, неясно,*

какой характер у проблемы: теоретический или практический...» (из интервью мужчины, 20 лет). В связи с этим мы заменили первоначальную формулировку на «У меня не очень хорошо получается решать сложные задачи». Помимо этого, в первой версии пункта «Мышление не является для меня приятным занятием» была отмечена неопределенность слова «мышление»: «Как можно определить мышление как приятное или неприятное?» (из интервью женщины, 20 лет). Мы решили заменить формулировку пункта на «Мне не очень нравится долго думать над чем-либо». Также была изменена исходная версия пункта «Я предпочитаю полагаться на свои интуитивные впечатления» на «Я предпочитаю полагаться на свою интуицию и ощущения», так как респонденты отметили непонятность словосочетания «интуитивные впечатления»: «Если честно, я не понимаю, что такое интуитивные впечатления...» (из интервью женщины, 20 лет).

Методики

Стили мышления. Методика 4-КОСМ состоит из 24 пунктов, которые включены в 4 субшкалы (ОМ, ЗМ, ИМ, УМ) (Newton, Feeney, Pennycook, 2024). Для оценки того, насколько респонденты согласны с утверждениями, используется 6-балльная шкала Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 6 — *абсолютно согласен*. Формулировки пунктов, инструкция и ключи доступны в Приложении.

Религиозная вера. Для измерения уровня традиционной религиозной веры использовались 6 пунктов ($\alpha = 0,90$; $M = 3,53$, $SD = 1,68$): 3 пункта были взяты из Шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика (Григорьев, 2015) и 3 пункта о пророчестве, воскрешении из мертвых и судном дне (Комягинская и др., 2025). Пример пункта: «*Дьявол существует*». Согласие с утверждениями респонденты оценивали с использованием 7-балльной шкалы Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 7 — *абсолютно согласен*.

Вера в паранормальное. Для измерения уровня веры в паранормальное использовались 6 пунктов ($\alpha = 0,89$; $M = 2,31$, $SD = 1,01$): 4 пункта были взяты из шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика (Григорьев, 2015) и 2 пункта о полтергейсте и амулетах (Комуагинская et al., 2025). Пример пункта: «*Посредством различных спиритических практик возможно общаться с умершими*». Согласие с утверждениями оценивалось с использованием 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — *абсолютно не согласен* до 5 — *абсолютно согласен*.

Псевдонаучные убеждения. Для измерения уровня веры в псевдонаучные утверждения использовались 6 пунктов ($\alpha = 0,64$; $M = 2,99$, $SD = 0,93$) из соответствующей методики (Комягинская и др., 2025; Комуагинская et al., 2025), которые оценивались с использованием 6-балльной шкалы Ликерта от 1 — *точно неверно* до 6 — *точно верно*. Пример пункта: «*Гомеопатия может быть так же эффективна, как и традиционные медицинские методы лечения при серьезных заболеваниях*».

Вера в теории заговора. Для измерения уровня веры в теории заговора использовались 6 пунктов ($\alpha = 0,73$; $M = 3,00$, $SD = 0,81$), сформулированных

на основе результатов опроса ВЦИОМ¹ о самых распространенных теориях заговора среди россиян. Пример пункта: «В действительности американские астронавты не были на Луне, а все фото и видеоматериалы — это инсценировка». Пункты оценивались с использованием 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — точно неверно до 5 — точно верно.

Вербальный интеллект. Для измерения вербального интеллекта использовался второй субтест «Исключение слова» (найти пятое слово, которое меньше всего связано с остальными) из Теста структуры интеллекта Амтхауэра (Акимова и др., 1993), ориентированный на оценку способностей к абстрагированию, оперированию вербальными понятиями ($M = 101,79$, $SD = 14,16$).

Потребность в структуре. Для измерения потребности в структуре использовались 6 пунктов ($\alpha = 0,72$; $M = 4,34$, $SD = 0,84$) из соответствующей методики (Neuberg, Newsom, 1993), которые оценивались с использованием 6-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 6 — абсолютно согласен. Пример пункта: «Мне нравится иметь четкий и упорядоченный образ жизни».

Черты личности. Для измерения черт личности использовались 15 пунктов сверхкраткой методики «Большой Пятерки» (BFI-2-XS) (Мишкевич и др., 2022), которые оценивались с использованием 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен ($\alpha_O = 0,51$; $M_O = 3,18$, $SD_O = 0,83$; $\alpha_C = 0,64$; $M_C = 3,65$, $SD_C = 0,82$; $\alpha_E = 0,58$; $M_E = 2,76$, $SD_E = 0,81$; $\alpha_A = 0,48$; $M_A = 3,30$, $SD_A = 0,74$; $\alpha_N = 0,64$; $M_N = 3,16$, $SD_N = 0,90$).

Онлайн-опросник также включал блок вопросов для сбора социодемографических данных (возраст, пол, образование, вероисповедание и др.).

Анализ данных

Весь анализ данных был проведен в программной среде R. Для проверки ожидаемой факторной структуры 4-КОСМ использовался подтверждающий факторный анализ с робастным эстиматором MLR. Для оценки глобального соответствия измерительной модели применялся стандартный подход с установленными отсечками $CFI > 0,90$; $RMSEA < 0,08$; $SRMR < 0,08$ (Kline, 2010). В качестве дополнения, для оценки локального соответствия модели мы использовали метод JRule (Sarlis et al., 2009). Дополнительно был выполнен ряд анализов для оценки надежности и различных форм валидности шкал: внутренней согласованности, критериальной, конвергентной и дискриминантной. В частности, использовался коэффициент надежности α -Кронбаха, применялись тесты для оценки конвергентной и дискриминантной валидности, в том числе тест Форнелла – Ларкера (Fornell, Larcker, 1981) и показатели НТМТ (Henseler, Ringle, Sarstedt, 2015). Для проверки измерительной эквивалентности методики по полу был проведен мультигрупповой конформационный факторный анализ и оценка конфигуральной, метрической и скалярной инвариантности по критерию $\Delta CFI \leq 0,01$ для различий между моделями (Cheung, Rensvold, 2002).

¹ ВЦИОМ. Теории заговора — и что люди о них думают? // ВЦИОМ : сайт. 2020. 29 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-cto-lyudi-o-nikh-du-mayut> (дата обращения: 23.09.2023)

Результаты

Предварительный анализ. В данных не было обнаружено пропущенных значений и выбросов. При визуальном осмотре распределений на квантильных графиках мы обнаружили приближенность распределения каждой переменной к нормальному. Асимметрия и эксцесс имели значения в диапазоне от -1 одного до $+1$, также указывая на адекватность использования параметрических статистических методов. Соответствующие статистические показатели для 4-КОСМ приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Дескриптивная статистика, показатели надежности и валидности, корреляции между латентными переменными (N = 1268) / Descriptive statistics, reliability and validity indicators, and correlations between latent variables (N = 1268)

Стиль мышления / Thinking styles	M (SD)	Асимметрия / Эксцесс Skewness / Kurtosis	α	1	2	3	4
1. Открытое мышление / Open-minded thinking	3,63 (1,01)	0,09 / $-0,19$	0,83	0,68	0,477	0,555	0,307
2. Закрытое мышление / Close-minded thinking	3,51 (0,99)	$-0,04$ / $-0,16$	0,78	$-0,47^*$	0,62	0,333	0,221
3. Интуитивное мышление / Intuitive thinking	3,91 (1,08)	$-0,24$ / $-0,24$	0,92	$-0,55^*$	0,32*	0,81	0,140
4. Усердное мышление / Effortful thinking	4,02 (0,99)	$-0,18$ / $-0,31$	0,83	0,36*	$-0,24^*$	$-0,19^*$	0,67

Примечание. Ниже диагонали находятся корреляции между латентными переменными, выше диагонали — показатели дискриминантной валидности НТМТ, а на диагонали — квадратные корни средней извлеченной дисперсии (полужирный шрифт).

Note. Below the diagonal are correlations between latent variables, above the diagonal are the HTMT discriminant validity indicators, and on the diagonal are the square roots of the average variance extracted (in bold).

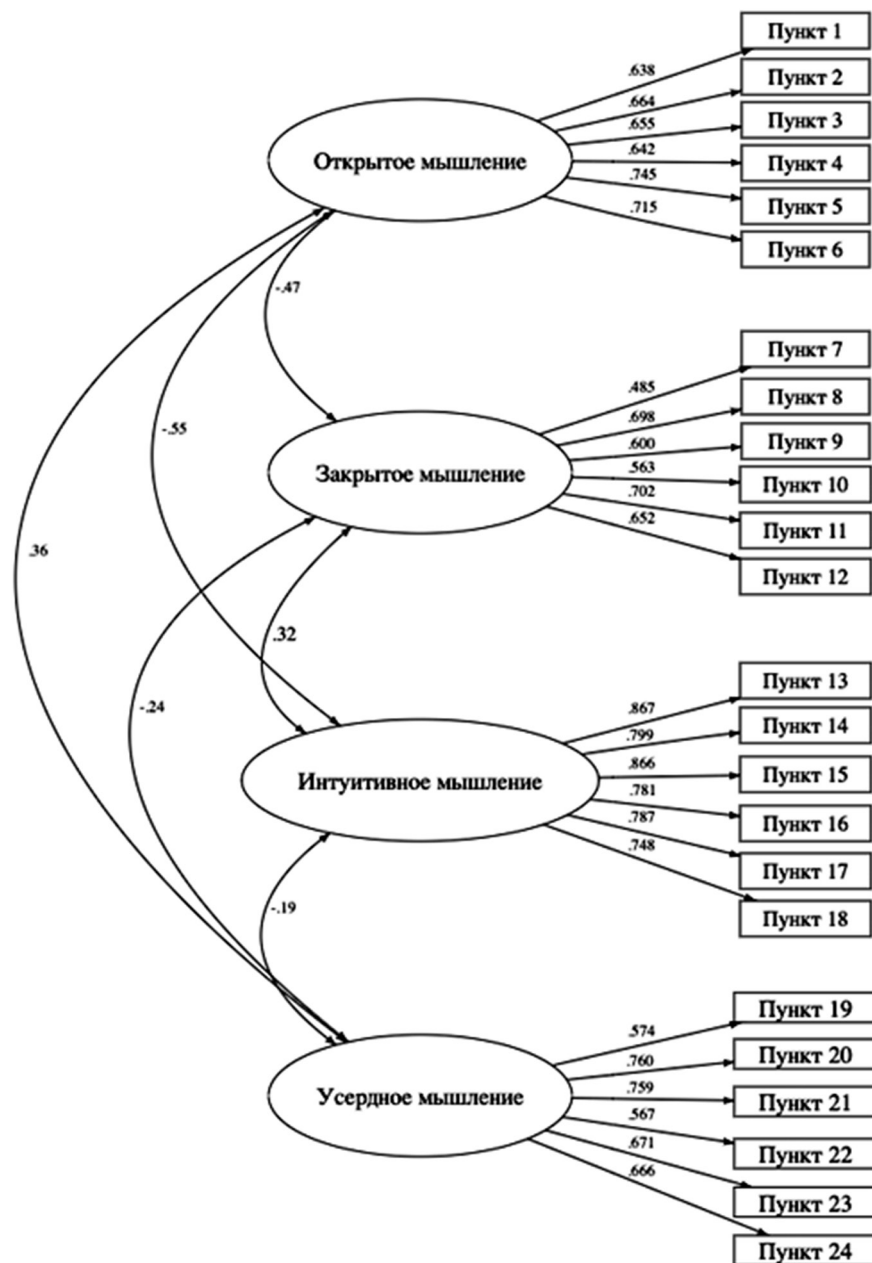
В оригинальной валидации 4-КОСМ средние значения варьировались в зависимости от исследования и страны в следующих интервалах: ОМ – 3,37–4,29; ЗМ – 2,82–3,93; ИМ – 3,59–4,53; УМ – 3,77–4,55. Таким образом, при сопоставлении с данными табл. 1 видно, что средние показатели русскоязычной версии 4-КОСМ лежат внутри диапазона оригинальных оценок, что указывает на вероятный сопоставимый уровень выраженности конструктов при ожидаемых межвыборочных различиях.

Факторная структура. Все факторные нагрузки в оцененной модели 4-КОСМ были статистически значимы с диапазоном между 0,485 и 0,867 и средним значением равным 0,692 (см. рис.). Глобальное соответствие данной модели было удовлетворительным: $\chi^2(df) = 871,0(246)$, $p < 0,001$, CFI = 0,935, SRMR = 0,049, RMSEA [90% CI] = 0,045 [0,042–0,048]. Оценка локального соответствия модели также не выявила значимых проблем.

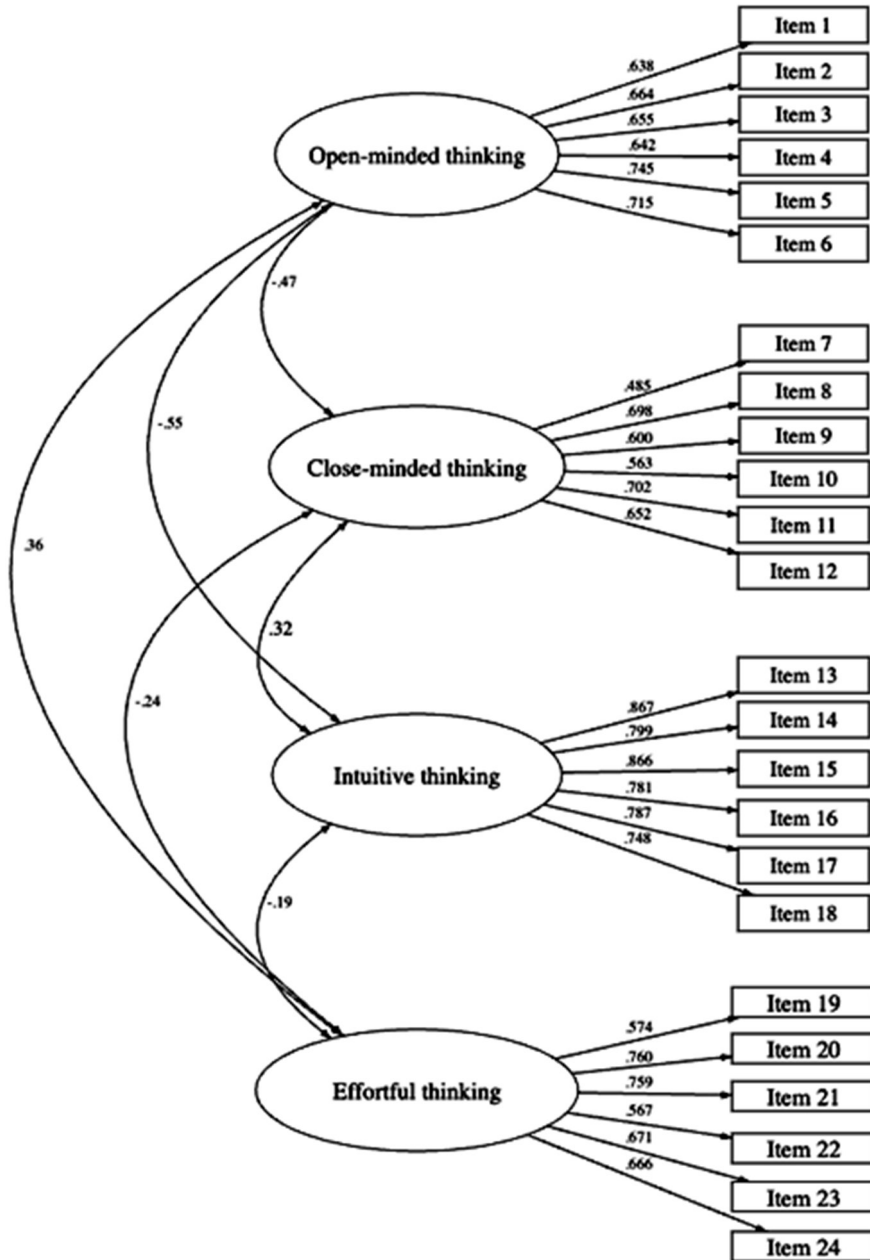
Измерительная эквивалентность по полу. Результаты тестирования конфигуральной метрической, скалярной инвариантности 4-КОСМ свидетельствовали о ее измерительной эквивалентности по полу, все показатели ΔCFI были значительно ниже необходимых максимальных значений.

Надежность / согласованность. Коэффициенты α -Кронбаха для всех субшкал 4-КОСМ были не ниже 0,78 и варьировались в диапазоне от 0,78 до 0,92 (в среднем 0,84).

Валидность. В оцененной измерительной модели 4-КОСМ все латентные переменные были значимо взаимосвязаны между собой в диапазоне от 0,19 до 0,55 (в среднем 0,36). При этом показатели квадратного корня средней извлеченной дисперсии (AVE) превышают данные значения коэффициентов корреляции, что указывает на отсутствие проблем с дискриминантной валидностью 4-КОСМ. Более того, дополнительным свидетельством наличия дискриминантной валидности являются результаты метода НТМТ, максимальные значения которых существенно ниже установленного критического уровня 0,85.

Результаты конфирматорного факторного анализа 4-КОСМ
 Источник: создано А.Н. Гнездиловым при помощи онлайн-сервиса Semdiag
 (<https://semdiag.psychstat.org/>)

Confirmatory factor analysis results for 4-CTSQ

Source: created by Alexander Gnezdilov using online-service Semdiag (<https://semdiag.psychstat.org/>)

При оценке *критериальной валидности* 4-КОСМ наблюдаются логичные и последовательные связи стилей мышления с различными типами убеждений в качестве зависимых переменных (табл. 2). Согласно результатам множественного регрессионного анализа 24 % дисперсии псевдонаучных убеждений, 18 % дисперсии веры в паранормальное, 14 % дисперсии веры в теории заговора и 12 % дисперсии религиозной веры были связаны со стилями мышления.

Таблица 2 / Table 2

Результаты множественного регрессионного анализа, прогнозирующего необоснованные убеждения на основе стилей мышления / Results of multiple regression analysis predicting unfounded beliefs from thinking styles

Стиль мышления / Thinking styles	Убеждения / Beliefs			
	Религиозная вера / Religious beliefs	Вера в пара- нормальное / Paranormal beliefs	Псевдонаучные убеждения / Pseudoscience beliefs	Вера в теории заговора / Conspiracy beliefs
Открытое мышление / Open-minded thinking	-0,09**	-0,16***	-0,23***	-0,16***
Закрытое мышление / Close-minded thinking	0,16***	-0,01	0,07**	0,18***
Интуитивное мышление / Intuitive thinking	0,17***	0,28***	0,25***	0,16***
Усердное мышление / Effortful thinking	-0,05	-0,13***	-0,12***	-0,01
R ²	0,12	0,18	0,24	0,14

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

В частности, ОМ выступило отрицательным предиктором для всех типов эпистемически необоснованных убеждений, в особенности — псевдонаучных убеждений. ЗМ положительно предсказывало веру в теории заговора, религиозную веру и относительно слабо — псевдонаучные убеждения. ИМ было положительным предиктором для всех типов данных убеждений, но в наибольшей степени — веры в паранормальное. Наконец, УМ показало наименьшую прогностическую силу, демонстрируя значимую отрицательную связь только с верой в паранормальное и псевдонаучными убеждениями.

Расширяя оценку номологической сети 4-КОСМ, в последующем множественном регрессионном анализе стили мышления выступали уже в качестве зависимых переменных, а когнитивные, личностные и социодемографические переменные в качестве предикторов (табл. 3). Согласно результатам 25 % дисперсии УМ, 13 % дисперсии ИМ, 11 % дисперсии ЗМ и 9 % дисперсии ОМ были связаны с рассмотренными предикторами.

В частности, вербальный интеллект положительно предсказывал УМ и ОС и отрицательно — ЗМ и ИМ, тогда как потребность в структуре положительно предсказывала ЗМ и ИМ и отрицательно — ОМ и УМ, а уровень образования положительно — УМ и отрицательно — ИМ. Также для мужчин было более характерно ОМ, УМ и ЗМ, но менее — ИМ, в то время как для более старших участников было более характерно ЗМ и менее характерно УМ и ОМ. Наконец, ОМ было отрицательно предсказано экстраверсией и нейротизмом, а ИМ положительно — экстраверсией, добросовестностью и нейротизмом. УМ было положительно предсказано добросовестностью, открытостью опыту и отрицательно — нейротизмом. ЗМ было положительно предсказано экстраверсией и отрицательно — открытостью опыту.

Таблица 3 / Table 3

Результаты множественного регрессионного анализа, прогнозирующего стили мышления на основе социодемографических и личностных факторов / Results of multiple regression analysis predicting thinking styles from sociodemographic and personality variables

Переменные / Variables	Стиль мышления / Thinking style			
	Открытое мышление / Open-minded thinking	Закрытое мышление / Close-minded thinking	Интуитивное мышление / Intuitive thinking	Усердное мышление / Effortful thinking
Возраст / Age	-0,06*	0,10***	0,05	-0,07*
Пол (0 = женщины) / Sex (0 = female)	0,12***	0,07*	-0,18***	0,12***
Образование / Education	0,02	-0,03	-0,10***	0,07*
Вербальный интеллект / Verbal intelligence	0,10***	-0,15***	-0,08**	0,13***
Потребность в структуре / Need for structure	-0,17***	0,20***	0,12***	-0,12***
Открытость опыту / Openness to experience	0,04	-0,09**	0,03	0,27***
Добросовестность / Conscientiousness	0,01	0,04	0,13***	0,29***
Экстраверсия / Extraversion	-0,16***	0,11***	0,15***	-0,03
Доброжелательность / Agreeableness	-0,01	0,01	0,01	-0,06*
Нейротизм / Neuroticism	-0,08*	0,03	0,11***	-0,12***
R ²	0,09	0,11	0,13	0,25

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.**Обсуждение результатов**

Целью исследования была адаптация и валидизация русскоязычной версии 4-КОСМ. Психометрические характеристики русскоязычной версии 4-КОСМ при сравнении с оригиналом (Newton et al., 2024) демонстрируют практически идентичные удовлетворительные показатели глобального соответствия: так, оригинальная методика имела показатели — CFI = 0,923, SRMR = 0,059, в то время как русскоязычная версия — CFI = 0,935, SRMR = 0,049. Показатели надежности всех шкал стилей мышления русскоязычной версии 4-КОСМ также были удовлетворительными.

Сравнивая результаты взаимосвязи эпистемически необоснованных утверждений и стилей мышления для русскоязычной версии 4-КОСМ и оригинальной, англоязычной версии 4-CTSQ, можно отметить, что они не являются полностью идентичными. Хотя на уровне корреляций результаты точно воспроизводят оригинальные, на уровне регрессионного анализа наблюдаются некоторые отличия (за исключением ОМ). Это несоответствие может быть связано с кросс-культурными различиями и/или с разницей в используемом для диагностики зависимых переменных инструментарии.

Аналогично оригиналу, несмотря на более слабую связь, ОМ последовательно выступало отрицательным предиктором рассмотренных эпистемически необоснованных утверждений, что подчеркивает роль ОМ как когнитив-

ного фильтра, снижающего склонность к подобным убеждениям (Pennycook et al., 2012). ИМ же оказалась наиболее сильным положительным предиктором веры в паранормальное, что согласуется с предыдущими результатами.

В то же время в русскоязычной версии 4-КОСМ вместо ОМ, и помимо ЗМ основным положительным предиктором религиозной веры также было ИМ, которое не было значимым предиктором религиозной веры в оригинальной работе. Кроме того, ЗМ было положительным предиктором для веры в теории заговора, а также ЗМ не предсказывало веру в паранормальное.

На наш взгляд, связи, обнаруженные в данном исследовании, выглядят даже более логично. Например, поддержка различных конспирологических убеждений связана с потребностью в предсказуемости и с избеганием неопределенности, так как теории заговора позволяют объяснить процессы или события, которые находятся вне зоны контроля (Grigoryev, Gallyamova, 2023). ЗМ как раз отражает склонность человека видеть мир в черно-белом цвете. Таким образом, человек, поддерживая теории заговора, может примириться с существующей реальностью, которая в действительности редко бывает однозначной.

Наконец, в оригинальной работе УМ никак не показало себя в предсказании эпистемически необоснованных убеждений. В данном исследовании УМ выступило отрицательным предиктором веры в паранормальное и псевдонаучных убеждений. Это больше соответствует другим результатам, демонстрирующим, что потребность в познании, которая наиболее близка к УМ, также имеет отрицательную связь с данными убеждениями (Fasce, Picó, 2019).

В данном исследовании шкалы 4-КОСМ показали логичные связи с когнитивными переменными. Вербальный интеллект выступил значимым предиктором всех стилей мышления, в то время как образование предсказывало только те, которые демонстрируют стремления человека (ИМ, УМ). Такое положение дел показывает, что наличие способностей к рефлексии, очевидно, более важно, чем простое предпочтение глубокого анализа, которое можно развить в рамках образовательного процесса. Более того, это согласуется с результатами метаанализа, в котором была продемонстрирована связь интеллекта со способностями к глубокому анализу в форме рефлексивного мышления (Alaybek et al., 2021).

Потребность в структуре также выступила значимым предиктором всех стилей мышления. Людям с высокой потребностью в структуре не нравится двусмысленность, что и отражает их склонность к догматическому мышлению (Neuberg, Newsom, 1993), а значит, и к ЗМ. Кроме того, им сложно находиться в ситуации неопределенности, что является мотивацией для поиска быстрых ответов на вопросы и проблемные ситуации, что соответствует стремлению к ИМ и противоречит УМ и ОМ.

Что касается связи 4-КОСМ с чертами личности, то здесь были обнаружены интересные паттерны. Открытость опыту не предсказывала ОМ, но являлась положительным предиктором УМ. Это может указывать на то, что люди, которые более открыты новому опыту, по крайней мере, стремятся к более глубокому анализу. Это хорошо согласуется с сильной связью между от-

крытостью опыту и потребностью в познании (Щебетенко, 2011), которая очень близка к концептуализации УМ. Более того, ИМ и в особенности УМ положительно предсказывались добросовестностью, что может указывать на роль этих стилей мышления как факторов, способствующих регуляции поведения и достижения целей. Аналогичные результаты для УМ, которые показали, что склонность к мышлению, требующему усилий, связана с эффективным принятием решений (например, с правильными ответами в рамках ТКР) были получены и в оригинальном исследовании (Newton et al., 2024). Наконец, нейротизм положительно предсказывал ИМ, и отрицательно — УМ и ОМ, следовательно, люди с высоким уровнем негативной и переменчивой эмоциональности скорее больше полагаются на эвристические и интуитивные суждения, не стремясь глубоко проанализировать ситуацию (Witteman et al., 2009).

Данное исследование также показало, что мужчины менее склонны к ИМ, но более склонны к ОМ, УМ и ЗМ, что указывает на гендерные различия в когнитивных процессах и согласуется с рядом предыдущих исследований (Epstein, 2003; Sladek et al., 2010). При этом возраст выступил наиболее сильным предиктором ЗМ, вероятно указывая, что со старением люди становятся менее открытыми к новым идеям и более осторожными в своих суждениях (Wilderom, Cryns, 1985).

Выводы

Новый подход в психологической оценке стилей мышления, основанный на результатах поведенческих паттернов в рамках ТКР и предложенный в 4-CTSQ, имеет два важных преимущества. Во-первых, в отличие от других методик, 4-CTSQ охватывает оба компонента процесса мышления, существенно влияющих на различия в познавательных процессах людей: способности человека и его стремление их использовать. Во-вторых, 4-CTSQ расширяет простую дихотомию «интуитивный – аналитический» до четырех независимых друг от друга стилей мышления в рамках единого унифицированного измерительного инструмента, что позволяет заменить собой как минимум 15 популярных методик (например, *Шкалу потребности в познании* (Cacioppo, Petty, 1982) или *Шкалу потребности в завершенности* (Roets, van Hiel, 2011)).

Русскоязычная версия 4-КОСМ, адаптированная в ходе серии когнитивных интервью, продемонстрировала удовлетворительные психометрические свойства, включая надежность и валидность, поэтому может рекомендоваться в качестве измерительного инструмента для оценки стилей мышления как в российском контексте, так и в кросс-культурной перспективе. Данная методика может иметь многообещающие перспективы для изучения широкого спектра проблем. Так, в данном исследовании были продемонстрированы связи между 4-КОСМ и определенными убеждениями (например, религиозными, паранормальными, псевдонаучными и конспирологическими), а также то, как стили мышления коррелируют с различными когнитивными, личностными и социально-демографическими переменными.

Наконец, следует отметить, что как в оригинальной публикации о 4-CTSQ, так и в настоящей работе представлены правила подсчета и дескриптивные показатели субшкал, однако нормативные данные (например, перцентильные таблицы на репрезентативной выборке) не разрабатывались. Поэтому для заинтересованных практикующих специалистов и прикладных психодиагностических задач в дальнейшем потребуется отдельный этап нормирования на репрезентативной русскоязычной выборке.

Список литературы

- Акимова М.К., Борисова Е.М., Козлова В.Т., Логинова Г.П., Гуревич К.М. Руководство к применению Теста структуры интеллекта Рудольфа Амтхауера. Обнинск : Обнинский городской психолого-физиологический центр «Детство», 1993. 20 с. EDN: YQGOCD
- Григорьев Д.С. Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 132–145. EDN: TYRPNB
- Комягинская Е.Ш., Галлямова А.А., Очерет А.Ю., Григорьев Д.С. Русскоязычные версии методик для оценки путаницы в базовых знаниях и восприимчивости к чужим: адаптация и валидизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 2. С. 268–288. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-2-268-288> EDN: VLBPOO
- Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю., Сото К.Дж., Джонс О.П. Адаптация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4> EDN: XVJIEK
- Щебетенко С.А. Психометрика русской версии Шкалы потребности в познании // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 2 (6). С. 87–100. EDN: NVVWWF
- Alaybek B., Wang Y., Dalal R.S., Dubrow S., Boemerman L.S.G. Meta-analytic relations between thinking styles and intelligence // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168. Article no. 110322. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110322>
- Baron J. Actively open-minded thinking in politics // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 8–18. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.10.004>
- Cacioppo J.T., Petty R.E. The need for cognition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 42. No. 1. P. 116–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.116>
- Cheung G.W., Rensvold R.B. Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 2002. Vol. 9. No. 2. P. 233–255. https://doi.org/10.1207/s15328007sem0902_5
- Epstein S. Cognitive-experiential self-theory of personality // *Comprehensive handbook of psychology*. 2003. No. 5. P. 159–184. <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0507>
- Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H. Individual differences in intuitive-experiential and analytical-rational thinking styles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. No. 2. P. 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390> EDN: HITIEN
- Evans St.J.B.T., Stanovich K.E. Dual-process theories of higher cognition: Advancing the debate // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8. No. 3. P. 223–241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>
- Fasce A., Picó A. Conceptual foundations and validation of the Pseudoscientific Belief Scale // *Applied Cognitive Psychology*. 2019. Vol. 33. No 4. P. 617–628. <https://doi.org/10.1002/acp.3501>

- Fornell C., Larcker D.F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error // *Journal of Marketing Research*. 1981. Vol. 18. No. 1. P. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Frederick S. Cognitive reflection and decision making // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. No. 4. P. 25–42. <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>
- Garrett R.K., Weeks B.E. Epistemic beliefs' role in promoting misperceptions and conspiracist ideation // *PloS One*. 2017. Vol. 12. No. 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0184733>
- Grigoryev D., Gallyamova A. Social worldviews predict the general factor of paranormal and generic conspiracist beliefs // *The Spanish Journal of Psychology*. 2023. Vol. 26. Article no. e19. <https://doi.org/10.1017/SJP.2023.18> EDN: YAVTME
- Henseler J., Ringle C.M., Sarstedt M. A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. Vol. 43. № 1. P. 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8>
- Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling (4th ed.). New York: Guilford Press, 2010.
- Komyaginskaya E., Gallyamova A., Golubkova A., Gnezdilov A., Ocheret A., Grigoryev D. Ontological confusion reconsidered: Introducing the new Ontological Confusion Scale // *Applied Cognitive Psychology*. 2025. Vol. 39. No. 6. Article no. e70150. <https://doi.org/10.1002/acp.70150> EDN: UZZXTI
- Krumrei-Mancuso E.J., Rouse S.V. The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale // *Journal of Personality Assessment*. 2016. Vol. 98. No. 2. P. 209–221. <https://doi.org/10.1080/00223891.2015.1068174>
- Litman J.A., Spielberge C.D. Measuring epistemic curiosity and its diversive and specific components // *Journal of Personality Assessment*. 2003. Vol. 80. No. 1. P. 75–86. https://doi.org/10.1207/S15327752JPA8001_16
- Neuberg S.L., Newsom J.T. Personal need for structure: Individual differences in the desire for simpler structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65. No. 1. P. 113–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.113> EDN: HITXQB
- Newton C., Feeney J., Pennycook G. On the disposition to think analytically: Four distinct intuitive-analytic thinking styles // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2024. Vol. 50. No 6. P. 906–923. <https://doi.org/10.1177/01461672231154886> EDN: DSSLTW
- Pennycook G., Cheyne J.A., Seli P., Koehler D.J., Fugelsang J.A. Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief // *Cognition*. 2012. Vol. 123. No. 3. P. 335–346. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>
- Pennycook G., Fugelsang J.A., Koehler D.J. Everyday consequences of analytic thinking // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. No. 6. P. 425–432. <https://doi.org/10.1177/0963721415604610>
- Rokeach M., Fruchter B. A factorial study of dogmatism and related concepts // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1956. Vol. 53. No. 3. P. 356–360. <https://doi.org/10.1037/h0042069>
- Roets A., Van Hiel, A. Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 90–94. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.09.004>
- Saris W.E., Satorra A., van der Veld W.M. Testing structural equation models or detection of misspecifications? // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 2009. Vol. 16. No. 4. P. 561–582. <https://doi.org/10.1080/10705510903203433>
- Sladek R.M., Bond M.J., Phillips P.A. Age and gender differences in preferences for rational and experiential thinking // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. No. 8. P. 907–911. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.07.028>
- Stanovich K.E., West R.F. Natural myside bias is independent of cognitive ability // *Thinking & Reasoning*. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 225–247. <https://doi.org/10.1080/13546780600780796>

- Wilderom C.P., Cryns A.G.* Authoritarianism/dogmatism as a function of age: A relevant yet forgotten area of research // *The High School Journal*. 1985. Vol. 68. No. 4. P. 424–428.
- Willis G.B.* Cognitive interviewing: A tool for improving questionnaire design. Thousand Oaks: Sage Publ, 2005. 335 p.
- Witteman C., Van Den Bercken J., Claes L., Godoy A.* Assessing Rational and Intuitive Thinking Styles // *European Journal of Psychological Assessment*. 2009. Vol. 25. No. 1. P. 39–47. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.25.1.39>

ПРИЛОЖЕНИЕ

4-компонентный опросник стилей мышления (4-КОСМ)

Инструкция. Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны со следующими утверждениями, используя 6-балльную шкалу от 1 — абсолютно НЕ согласен до 6 — абсолютно согласен, где: 1 — абсолютно НЕ согласен; 2 — НЕ согласен; 3 — скорее НЕ согласен; 4 — скорее согласен; 5 — согласен; 6 — абсолютно согласен.

1. Важно сохранять верность своим убеждениям, когда против них выдвигаются доказательства.
2. Если ты твердо убежден, что что-то есть правда, то доказательства НЕ нужны.
3. Если какие-либо доказательства противоречат моим убеждениям, это НЕ указывает на то, что я ошибаюсь.
4. Если существуют свидетельства, которые противоречат моим убеждениям, это НЕ означает, что я обязательно должен изменить свое мнение.
5. Даже если есть конкретные факты, опровергающие то, что я считаю истиной, я от этого все равно НЕ откажусь.
6. Независимо от темы, то, что я считаю правдой, важнее, чем аргументы против этого.
7. Мне кажется, для каждой ситуации существует лишь один верный способ решения.
8. По моему опыту, истина часто однозначна.
9. Правда никогда НЕ бывает относительной.
10. Истина неизменна.
11. Что-то либо истинно, либо ложно; нет ничего промежуточного.
12. Между правдой и ложью нет середины.
13. Я предпочитаю полагаться на свою интуицию и ощущения.
14. Я доверяю своему предчувствию.
15. При принятии решений я склонен полагаться на свою интуицию.
16. Мое чутье обычно помогает мне в решении повседневных проблем.
17. Интуиция — лучший помощник в принятии решений.
18. Я часто слушаю свое нутро, когда выбираю, как поступить.
19. У меня НЕ очень хорошо получается решать сложные задачи.
20. Мне НЕ очень нравится долго думать над чем-либо.
21. Я стараюсь избегать ситуаций, требующих долгих размышлений о чем-то.
22. Я бы НЕ сказал, что у меня аналитический склад ума.
23. Рассуждать тщательно не является одной из моих сильных сторон.
24. Детальные длительные размышления о чем-то приносят мне мало удовольствия.

Ключ. *Открытое мышление* : пункты 1–6 (все пункты обратные); *Закрытое мышление*: 7–12 (все пункты прямые); *Интуитивное мышление*: 13–18 (все пункты прямые); *Усердное мышление*: 19–24 (все пункты обратные).

Обработка результатов. Подсчитываются средние значения по каждой субшкале.

История статьи:

Поступила в редакцию: 11 февраля 2025 г.

Доработана после рецензирования 20 апреля 2025 г.

Принята к печати 23 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш., Гнездилов А.Н., Голубкова А.Е., Трошина К.К., Григорьев Д.С. 4-компонентный опросник стилей мышления (4-КОСМ): адаптация и валидизация в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 734–755. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-734-755> EDN: ODYUPR

Вклад авторов:

А.А. Галлямова — администрирование проекта, статистический анализ, написание начального текста, редактирование текста. Е.Ш. Комягинская — проверка результатов, сбор и обработка данных, написание и редактирование текста. А.Н. Гнездилов — визуализация, сбор и обработка данных, написание и редактирование текста. А.Е. Голубкова — сбор и обработка данных, написание и редактирование текста. К.К. Трошина — сбор и обработка данных, написание и редактирование текста. Д.С. Григорьев — концепция и дизайн исследования, статистический анализ, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Галлямова Альбина Аликовна, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-8775-7289; ResearcherID: GLV-6876-2022; ScopusID: 58182813400; eLibrary SPIN-код: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Комягинская Елизавета Шамилевна, младший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-8841-1722; ResearcherID: НИИ-5216-2022; ScopusID: 59204492200; eLibrary SPIN-код: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru

Гнездилов Александр Николаевич, стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5396-9177>. E-mail: angnezdilov@edu.hse.ru

Голубкова Ангелина Евгеньевна, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0009-0009-7705-7906. E-mail: aegolubkova@edu.hse.ru

Трошина Ксения Константиновна, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0009-0008-5732-9962. E-mail: xenitimy@gmail.com

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0003-4511-7942; ResearcherID: K-3338-2015; ScopusID: 57191706675; eLibrary SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-734-755

EDN: ODYUPR

UDC 159.9.072.59

Research article

4-Component Thinking Styles Questionnaire (4-CTSQ): Adaptation and Validation in Russia

Albina Gallyamova ✉, Elizaveta Komyaginskaya , Alexander Gnezdilov ,
Angelina Golubkova , Xenia Troshina , Dmitry Grigoryev

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉aagallyamova@hse.ru

Abstract. The ways in which people process information, or their thinking styles, have become one of the key variables to address a wide range of topics within psychology. Despite the growing body of relevant research, there is a clear gap: the lack of a unified framework for categorizing and measuring these styles. 4-CTSQ suggests such a unified framework for thinking styles, replacing a variety of currently used measures. The purpose of the study is to adapt and validate the Russian version of *4-Component Thinking Styles Questionnaire* (4-CTSQ). This study involved the adaptation of 4-CTSQ into Russian, using cognitive interviews and subsequent validity testing through an online survey. To test the factor structure of this measure, confirmatory factor analysis was employed. In addition, validity, reliability, and measurement equivalence analyses were conducted. The adaptation of this measure involved 1,268 participants, of whom 55.8% were women and 44.2% were men, all over 18 years of age ($M = 37.9$; $SD = 11.2$). According to the results of the confirmatory factor analysis, the factor structure of the Russian language version of 4-CTSQ had satisfactory global and local fit values (e.g., $CFI = 0.935$, $SRMR = 0.049$) and satisfactory factor loadings (average value of 0.692). In addition, 4-CTSQ demonstrated measurement equivalence across gender, satisfactory reliability (with Cronbach's α ranging from 0.78 to 0.92), and validity. When examining the relationship between 4-CTSQ variables with the different types of unfounded beliefs, the thinking styles were associated with 12–24% of the variance in religious belief and pseudoscientific beliefs, respectively. Finally, several predictors, including some cognitive, personality, and sociodemographic variables, were associated with varying degrees of differences in the thinking styles. This adaptation and validation of the Russian version of 4-CTSQ can be considered successful. The factor structure, combined with indicators of reliability and validity, emphasizes that 4-CTSQ is a qualitative measurement tool. This was further supported by the results of exploring the nomological network of relationships between the thinking styles and the other focal variables.

Key words: 4-Component Thinking Styles Questionnaire, 4-CTSQ, thinking styles, epistemically unfounded beliefs, dual process theory, intuitive thinking, analytical thinking

Funding. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

References

Akimova, M.K., Borisova, E.M., Kozlova, V.T., Loginova, G.P., & Gurevich, K.M. (1993). *Guide to using the R. Amthauer Intelligenz-Struktur-Test*. Obninsk: Obninsk Psychological and Physiological Center “Detstvo”. (In Russ.).

- Alaybek, B., Wang, Y., Dalal, R.S., Dubrow, S., & Boemerman, L.S.G. (2021). Meta-analytic relations between thinking styles and intelligence. *Personality and Individual Differences, 168*, 110322. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110322>
- Baron, J. (2019). Actively open-minded thinking in politics. *Cognition, 188*, 8–18. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.10.004>
- Cacioppo, J.T., & Petty, R.E. (1982). The need for cognition. *Journal of Personality and Social Psychology, 42*(1), 116–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.116>
- Cheung, G.W., & Rensvold, R.B. (2002). Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal, 9*(2), 233–255. https://doi.org/10.1207/s15328007sem0902_5
- Epstein, S. (2003). Cognitive-experiential self-theory of personality. In T. Millon & M. J. Lerner (Eds.), *Comprehensive handbook of psychology* (Vol. 5, pp. 159–184). John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/0471264385.wei0507>
- Epstein, S., Pacini, R., Denes-Raj, V., & Heier, H. (1996). Individual differences in intuitive-experiential and analytical-rational thinking styles. *Journal of Personality and Social Psychology, 71*(2), 390–405. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.390>
- Evans, J.St.B.T., & Stanovich, K.E. (2013). Dual-process theories of higher cognition: Advancing the debate. *Perspectives on Psychological Science, 8*(3), 223–241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>
- Fasce, A., & Picó, A. (2019). Conceptual foundations and validation of the Pseudoscientific Belief Scale. *Applied Cognitive Psychology, 33*(4), 617–628. <https://doi.org/10.1002/acp.3501>
- Fornell, C., & Larcker, D.F. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research, 18*(1), 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Frederick, S. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives, 19*(4), 25–42. <https://doi.org/10.1257/089533005775196732>
- Garrett, R.K., & Weeks, B.E. (2017). Epistemic beliefs' role in promoting misperceptions and conspiracist ideation. *PloS One, 12*(9), 1–17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0184733>
- Grigoryev, D.S. (2015). Russian adaptation and validation of Tobacyk's revised Paranormal Belief Scale. *Social Psychology and Society, 6*(2), 132–145. (In Russ.).
- Grigoryev, D., & Gallyamova, A. (2023). Social worldviews predict the general factor of paranormal and generic conspiracist beliefs. *The Spanish Journal of Psychology, 26*, e19. <https://doi.org/10.1017/SJP.2023.18>
- Henseler, J., Ringle, C.M., & Sarstedt, M. (2015). A new criterion for assessing discriminant validity in variance-based structural equation modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science, 43*(1), 115–135. <https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8>
- Kline, R.B. (2010). *Principles and practice of structural equation modeling* (4th ed.). New York: Guilford Press.
- Komyaginskaya, E., Gallyamova, A., Golubkova, A., Gnezdilov, A., Ocheret, A., & Grigoryev, D. (2025). Ontological confusion reconsidered: Introducing the new Ontological Confusion Scale. *Applied Cognitive Psychology, 39*(6), e70150. <https://doi.org/10.1002/acp.70150>
- Komyaginskaya, E.Sh., Gallyamova, A.A., Ocheret, A.Y., & Grigoryev, D.S. (2025). Russian versions of measures for assessing core knowledge confusions and bullshit receptivity: Adaptation and validation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 22*(2), 268–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-2-268-288>
- Krumrei-Mancuso, E.J., & Rouse, S.V. (2016). The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale. *Journal of Personality Assessment, 98*(2), 209–221. <https://doi.org/10.1080/00223891.2015.1068174>

- Litman, J.A., & Spielberger, C.D. (2003). Measuring epistemic curiosity and its diversive and specific components. *Journal of Personality Assessment*, 80(1), 75–86. https://doi.org/10.1207/S15327752JPA8001_16
- Mishkevich, A., Shchebetenko, S., Kalugin, A., Soto, C.J., & John, O.P. (2022). The short and extrashort forms of the Russian version of the Big Five Inventory-2: BFI-2-S and BFI-2-XS. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 43(1), 95–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920017744-4>
- Neuberg, S.L., & Newsom, J.T. (1993). Personal need for structure: Individual differences in the desire for simpler structure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(1), 113–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.113>
- Newton, C., Feeney, J., & Pennycook, G. (2024). On the disposition to think analytically: Four distinct intuitive-analytic thinking styles. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 50(6), 906–923. <https://doi.org/10.1177/01461672231154886>
- Pennycook, G., Cheyne, J.A., Seli, P., Koehler, D.J., & Fugelsang, J.A. (2012). Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief. *Cognition*, 123(3), 335–346. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.03.003>
- Pennycook, G., Fugelsang, J.A., & Koehler, D.J. (2015). Everyday consequences of analytic thinking. *Current Directions in Psychological Science*, 24(6), 425–432. <https://doi.org/10.1177/0963721415604610>
- Rokeach, M., & Fruchter, B. (1956). A factorial study of dogmatism and related concepts. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 53(3), 356–360. <https://doi.org/10.1037/h0042069>
- Roets, A., & Van Hiel, A. (2011). Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale. *Personality and Individual Differences*, 50(1), 90–94. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.09.004>
- Saris, W.E., Satorra, A., & van der Veld, W.M. (2009). Testing structural equation models or detection of misspecifications? *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 16(4), 561–582. <https://doi.org/10.1080/10705510903203433>
- Shchebetenko, S.A. (2011). Russian version of 18-ITEM Need for Cognition Scale. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 6, 87–100. (In Russ.)
- Sladek, R.M., Bond, M.J., & Phillips, P.A. (2010). Age and gender differences in preferences for rational and experiential thinking. *Personality and Individual Differences*, 49(8), 907–911. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.07.028>
- Stanovich, K.E., & West, R.F. (2007). Natural myside bias is independent of cognitive ability. *Thinking & Reasoning*, 13(3), 225–247. <https://doi.org/10.1080/13546780600780796>
- Wilderom, C.P., & Cryns, A.G. (1985). Authoritarianism/dogmatism as a function of age: A relevant yet forgotten area of research. *The High School Journal*, 68(4), 424–428.
- Willis, G.B. (2005). *Cognitive interviewing: A tool for improving questionnaire design*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781412983655>
- Witteman, C., van den Bercken, J., Claes, L., & Godoy, A. (2009). Assessing rational and intuitive thinking styles. *European Journal of Psychological Assessment*, 25(1), 39–47. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.25.1.39>

Article history:

Received 11 February, 2025

Revised 20 April, 2025

Accepted 23 April, 2025

For citation:

Gallyamova, A.A., Komyaginskaya, E.Sh., Gnezdilov, A.N., Golubkova, A.E., Troshina, X.K., & Grigoryev, D.S. (2025). 4-Component Thinking Styles Questionnaire (4-CTSQ): Adaptation and validation in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 734–755. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-734-755> EDN: ODYUPR

Authors' contribution:

Albina Gallyamova — project administration, statistical analysis, initial text writing, text editing. *Elizaveta Komyaginskaya* — check of results, data collection and processing, text writing and editing. *Alexander Gnezdilov* — visualization, data collection and processing, text writing and editing. *Angelina Golubkova* — data collection and processing, text writing and editing. *Xenia Troshina* — data collection and processing, text writing and editing. *Dmitry Grigoryev* — study concept and design, statistical analysis, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Albina Gallyamova, Junior Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8775-7289; ResearcherID: GLV-6876-2022; ScopusID: 58182813400; eLibrary SPIN-code: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Elizaveta Komyaginskaya, Junior Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8841-1722; ResearcherID: HII-5216-2022; ScopusID: 59204492200; eLibrary SPIN-code: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru

Alexander Gnezdilov, student, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0009-0009-5396-9177. E-mail: angnezdilov@edu.hse.ru

Angelina Golubkova, Research Intern, Politics & Psychology Research Laboratory, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0009-0009-7705-7906. E-mail: aegolubkova@edu.hse.ru

Xenia Troshina, student, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0009-0008-5732-9962. E-mail: xenitimy@gmail.com

Dmitry Grigoryev, PhD, Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4511-7942; ResearcherID: K-3338-2015; ScopusID: 57191706675; eLibrary SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-756-780

EDN: OEOGRA

УДК 378.046.4:371.13

Исследовательская статья

Проблемы подготовки и адаптации выпускников непедагогических вузов к педагогической деятельности в Российской Федерации

Л.А. Паршутина¹, И.М. Слободчиков^{2,3}✉

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

³ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ il_grant@mail.ru

Аннотация. Проблема привлечения выпускников непедагогических высших учебных заведений к педагогической деятельности приобретает возрастающую актуальность в контексте кадрового дефицита в российской системе образования, достигающего свыше 18 000 вакансий на начало 2023–2024 учебного года. Недостаточная изученность специфических трудностей адаптации специалистов различных отраслей при переходе в сферу образования и отсутствие научно обоснованной модели их профессиональной интеграции определяют необходимость комплексного исследования данной проблемы. Цель исследования — выявление основных трудностей адаптационного процесса и определение факторов успешной интеграции специалистов других отраслей в педагогическую деятельность. Было проведено анкетирование 34 выпускников непедагогических вузов (67,6 % — женщины), прошедших переподготовку и работающих учителями в течение 2023–2024 учебного года, а также полуструктурированные экспертные интервью с руководителями программ переподготовки ($n = 7$), директорами образовательных организаций ($n = 5$) и опытными учителями-наставниками ($n = 8$). Методы исследования включали стандартизированное анкетирование слушателей программ профессиональной переподготовки, полуструктурированные экспертные интервью и анализ документов об образовании участников. Выявлено, что основными трудностями адаптационного процесса к педагогической деятельности являются недостаток психолого-педагогических знаний, слабое владение методиками преподавания, высокая эмоциональная нагрузка. Наилучшие результаты адаптации показывают выпускники естественнонаучных специальностей, наименьшие — выпускники экономических специальностей. Установлены положительные корреляции успешности адаптации с общей продолжительностью программы переподготовки и объемом практической подготовки в рамках программы. В результате исследования были научно обоснованы рекомендации по совершенствованию программ переподготовки педагогических кадров: увеличение доли практико-ориентированных компонентов до 60–70 %, расширение объема программ до 500–750 часов,

© Паршутина Л.А., Слободчиков И.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

обязательное включение индивидуального наставничества. Высокий уровень профессиональной приверженности участников (88,2 % планируют остаться в сфере образования) при реализации усовершенствованных программ переподготовки свидетельствует о перспективности данного направления для устойчивого решения кадровых проблем российского образования и обосновывает целесообразность создания национальной системы альтернативной педагогической сертификации.

Ключевые слова: педагогическая адаптация, профессиональная переподготовка, дефицит учителей, непдагогические вузы, кадровое обеспечение образования, адаптационные трудности, методическая подготовка

Введение

Проблема привлечения выпускников непдагогических высших учебных заведений к педагогической деятельности приобретает возрастающую актуальность в контексте глобальной трансформации систем образования и представляет собой многоаспектный феномен, требующий комплексного междисциплинарного анализа. Острота кадрового дефицита в российском образовании, достигающего по различным оценкам от 1 до 4 % от общей численности педагогических работников¹, что составляет свыше 18 000 вакансий на начало 2023–2024 учебного года, детерминирует необходимость поиска альтернативных механизмов обеспечения образовательных организаций квалифицированными специалистами. Данная проблема усугубляется неравномерностью географического распределения дефицита по регионам и предметным областям²: в 20 регионах Российской Федерации официально констатируется критическая нехватка учителей по базовым предметам³, что формирует риски для реализации конституционного права граждан на качественное образование и соответствия требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС)⁴.

Демографические трансформации российского общества создают дополнительные вызовы для системы педагогического образования. Возрастная структура педагогического корпуса характеризуется прогрессирующим ста-

¹ Самое важное о проблемах образования. Данные статистики // Профсоюз «Учитель». 2024. 2 августа. URL: <https://pedagog-prof.org/oplata-truda/samoe-vazhnoe-o-problemah-obrazovaniya-danye-statistiki/> (дата обращения: 5.09.2025); Дефицит школьных учителей в регионах России составил в среднем менее 4% // ТАСС : официальный сайт. 2023. 18 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19056015> (дата обращения: 5.09.2025).

² Поучите и распишитесь: почему школам в регионах не хватает педагогов // Известия : официальный сайт. 2024. 8 января. URL: <https://iz.ru/1627747/elena-balaian/pouchite-i-raspishites-pochemu-shkolam-v-regionakh-ne-khvataet-pedagogov> (дата обращения: 5.09.2025); Разгуляева М. Учебная тревога. Почему не хватает учителей и сколько они получают? // АиФ : официальный сайт. 2024. 13 сентября. URL: <https://aif.ru/society/education/uchebnaya-trevoga-pochemu-ne-khvataet-uchiteley-i-skolko-oni-poluchayut> (дата обращения: 5.09.2025).

³ Шейкина А. В 20 регионах России заявили о дефиците школьных учителей по базовым предметам // Лента.ру : официальный сайт. 2024. 9 января. URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/09/v-20-regionah-rossii-zayavili-o-defitsite-shkolnyh-uchiteley-po-bazovym-predmetam/> (дата обращения: 5.09.2025).

⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.09.2025).

рением: доля молодых педагогов в возрасте до 35 лет составляет менее четверти от общего числа учителей⁵, в то время как педагоги предпенсионного и пенсионного возраста формируют значительную часть профессионального сообщества. Средний возраст российского учителя составляет 46 лет⁶, что создает перспективу массового выхода на пенсию значительного числа педагогических работников в ближайшее десятилетие. Параллельно наблюдается рост численности обучающихся, обусловленный демографическим подъемом 2010-х гг., что формирует дополнительную потребность в педагогических кадрах и усиливает диспропорцию между спросом и предложением на рынке педагогического труда. Недостаточный приток молодых специалистов в сферу образования⁷ в условиях кадрового кризиса актуализирует проблему привлечения в систему образования выпускников непедагогических высших учебных заведений через механизмы профессиональной переподготовки в соответствии с приказом Минобрнауки России от 1 июля 2013 г. № 499⁸ и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ⁹.

Международный опыт свидетельствует о перспективности альтернативных путей вхождения в педагогическую профессию как эффективного механизма решения кадровых проблем в образовании. В Соединенных Штатах Америки программа «Teach for America» (TFA), основанная в 1990 г., ежегодно привлекает тысячи выпускников престижных университетов различных специальностей для работы учителями в школах, обслуживающих социально неблагополучные сообщества (Lovison, 2024; Master et al., 2023; Turner et al., 2018). Программа предусматривает интенсивную пятидневную летнюю подготовку перед началом преподавательской деятельности с последующей непрерывной методической поддержкой в течение двух лет работы (Backes, Hansen, 2024). Оценки эффективности программы демонстрируют, что выпускники непедагогических специальностей показывают сопостави-

⁵ Майер А. Молодые педагоги составляют малую часть учительского состава в школах // Ведомости : официальный сайт. 2023. 25 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/09/25/996850-molodie-pedagogi-sostavlyayut-maluyu-chast-uchitelskogo-sostava> (дата обращения: 05.09.2025).

⁶ Парфенова К. Учитель современной российской школы — какой он // Т&P: 2025. 13 ноября. URL: <https://t-j.ru/school-teacher-stat/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁷ Майер А. Молодые педагоги составляют малую часть учительского состава в школах // Ведомости : официальный сайт. 2023. 25 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/09/25/996850-molodie-pedagogi-sostavlyayut-maluyu-chast-uchitelskogo-sostava> (дата обращения: 05.09.2025); Парфенова К. Учитель современной российской школы — какой он // Т&P: 2025. 13 ноября. URL: <https://t-j.ru/school-teacher-stat/> (дата обращения: 15.11.2025).

⁸ Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 N 499 (ред. от 15.11.2013) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.08.2013 № 29444). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151143/978fb1c05af89b117dffebd3d02c5377b-f89adc7/ (дата обращения: 5.09.2025).

⁹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.09.2025).

мые с традиционно подготовленными учителями результаты в первый год работы и превосходят их по ряду показателей на второй год преподавания (Clark et al., 2013; Dori et al., 2023; Penner, 2016).

Великобритания реализует программу «Teach First» с 2002 г., предоставляющую выпускникам ведущих университетов любых специальностей возможность пройти двухлетнюю интенсивную подготовку с одновременной работой в образовательных организациях, испытывающих трудности (Negrea, 2024). Программа сочетает теоретическое обучение с практической деятельностью под руководством опытных наставников и завершается получением квалифицированного статуса учителя. Отличительными особенностями британской модели являются высокая селективность отбора кандидатов, конкурентоспособная стипендия в период обучения и систематическая оценка прогресса участников через множественные формы аттестации.

Германия развивает систему *Quereinsteiger* (специалистов, меняющих карьеру) для привлечения профессионалов из других сфер в педагогическую деятельность, особенно по дефицитным специальностям естественнонаучного и технического профиля (Beck, 2025; Gehrman, 2025; Porsch, Reintjes, 2023). Немецкая модель предполагает дифференцированные траектории подготовки в зависимости от базового образования, объема необходимой переподготовки и специфики будущей преподавательской деятельности. Продолжительность программ варьируется от 18 до 24 месяцев с существенной практической компонентой и обязательным сопровождением наставником в течение первого года самостоятельной работы (Gehrman, 2025).

Эффективность индукционных программ и систем наставничества для начинающих учителей подтверждается многочисленными исследованиями. Критический обзор 15 эмпирических исследований, проведенных начиная с середины 1980-х гг., показывает статистически значимое положительное влияние программ наставничества на удержание начинающих учителей, их удовлетворенность профессией и результаты обучения учащихся (Ingersoll, Strong, 2011). Особую значимость приобретает качество педагогической практики в программах подготовки учителей: исследования демонстрируют, что продолжительные и хорошо организованные практические компоненты с систематическим наставничеством существенно повышают эффективность преподавания и профессиональную устойчивость начинающих педагогов (Ronfeldt, Reiningger, 2012). Специфика подготовки учителей, меняющих карьеру (*career-change teachers*), требует дифференцированного подхода, учитывающего их предыдущий профессиональный опыт, возрастные особенности и мотивационную структуру (Tigchelaar, Brouwer, Korthagen, 2008). Международные исследования показывают, что специалисты, переходящие в образование из других сфер, обладают сильной внутренней мотивацией, развитыми коммуникативными навыками и стремлением к самостоятельному обучению, что требует адаптации традиционных программ педагогической подготовки (Dori et al., 2023; Tigchelaar, Brouwer, Korthagen, 2008). Исследо-

вание мотивации показывает, что учителя второй карьеры руководствуются как внутренними факторами (желание внести вклад в общество, самореализация), так и внешними (стабильность работы, совместимость с семейной жизнью) (Augustinienė, Stanišauskienė, 2025; Hunter-Johnson, 2015; Williams, Forgasz, 2009).

Проведенный авторами сравнительный анализ зарубежного и российского опыта выявляет существенные различия в институциональных механизмах привлечения и подготовки выпускников непедagogических специальностей. Западные модели характеризуются системностью подхода, наличием национальных или крупных региональных программ с устойчивым финансированием, высокой степенью селективности отбора участников, интенсивностью подготовки с существенной практической компонентой, обязательным наставничеством. Российская практика, напротив, характеризуется фрагментарностью, доминированием коротких программ профессиональной переподготовки объемом 250–500 ч, преобладанием теоретических компонентов над практическими, недостаточной системностью наставнической поддержки, отсутствием единых стандартов качества переподготовки.

Стратегическая важность решения кадровых проблем в образовании подтверждается на высшем государственном уровне. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁰ определяет вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования как приоритетную задачу. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 годы¹¹ предусматривает комплекс мер по обеспечению системы образования квалифицированными педагогическими кадрами.

Анализ научной литературы показывает недостаточную изученность проблемы адаптации выпускников непедagogических вузов к педагогической деятельности в российском контексте (Бермус, Сериков, Алтыникова, 2021; Григораш, 2016). Большинство исследований сосредоточено на адаптации выпускников педагогических вузов или общих вопросах профессиональной переподготовки педагогов. Остаются малоизученными специфические трудности, с которыми сталкиваются специалисты различных отраслей при переходе в сферу образования. Недостаточно исследованы факторы, влияющие на успешность адаптационного процесса, и механизмы их оптимизации (Бермус, Сериков, Алтыникова, 2021).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в редакции указов Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № 444, от 21.07.2020 № 474). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 05.09.2025).

¹¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/> (дата обращения: 05.09.2025).

Актуальность исследования определяется необходимостью научного обоснования путей решения кадровых проблем в российском образовании за счет привлечения выпускников непедагогических вузов. Растущий дефицит учителей математики, физики, химии, информатики требует поиска новых источников пополнения педагогического корпуса¹². Изменения в структуре экономики и рынке труда создают предпосылки для профессиональной переориентации специалистов различных отраслей¹³. Цифровизация образования и внедрение новых технологий обучения актуализируют потребность в педагогах с техническим и естественнонаучным образованием (Варламова и др., 2023, 2024). Современные демографические тенденции и возрастная структура педагогического корпуса усиливают необходимость привлечения кадров из других сфер деятельности¹⁴.

Цель исследования — выявление основных трудностей адаптационного процесса и определение факторов успешной интеграции выпускников непедагогических вузов в педагогическую деятельность для научного обоснования путей совершенствования системы профессиональной переподготовки педагогических кадров в России.

Задачи исследования:

- проанализировать социально-демографические характеристики и образовательные профили выпускников непедагогических вузов, переходящих в педагогическую деятельность;
- выявить и систематизировать основные трудности адаптационного процесса выпускников непедагогических специальностей к педагогической деятельности;
- определить структурные и содержательные характеристики программ профессиональной переподготовки и оценить их влияние на успешность адаптации;

¹² Дефицит школьных учителей в регионах России составил в среднем менее 4% // ТАСС : официальный сайт. 2023. 18 октября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19056015> (дата обращения: 05.09.2025); Шейкина А. В 20 регионах России заявили о дефиците школьных учителей по базовым предметам // Лента.ру : официальный сайт. 2024. 9 января. URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/09/v-20-regionah-rossii-zayavili-o-defitsite-shkolnyh-uchiteley-po-bazovym-predmetam/> (дата обращения: 05.09.2025); Разгуляева М. Учебная тревога. Почему не хватает учителей и сколько они получают? // АиФ : официальный сайт. 2024. 13 сентября. URL: <https://aif.ru/society/education/uchebnaya-trevoga-pochemu-ne-hvataet-uchiteley-i-skolko-oni-poluchayut> (дата обращения: 05.09.2025).

¹³ Мониторинг качества приема в вузы — 2025 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : 2025. 6 августа. URL: <https://ege.hse.ru/news/99053459.html/> (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁴ Майер А. Молодые педагоги составляют малую часть учительского состава в школах // Ведомости : официальный сайт. 2023. 25 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/09/25/996850-molodie-pedagogi-sostavlyayut-maluyu-chast-uchitelskogo-sostava> (дата обращения: 05.09.2025); Парфенова К. Учитель современной российской школы — какой он // Т&P: 2025. 13 ноября. URL: <https://t-j.ru/school-teacher-stat/> (дата обращения: 15.11.2025); Цикулина С. Учителя ожидают серьезных проблем от Года педагога и наставника // Октагон. 2023. 27 января. URL: https://octagon.media/istorii/uchitelya_ozhidayut_sereznyx_problemy_ot_goda_pedagoga_i_nastavnika.html (дата обращения: 05.09.2025).

– установить корреляционные связи между факторами подготовки (объем программы, объем практической подготовки, наличие наставничества) и успешностью адаптации;

– провести сравнительный анализ динамики адаптации выпускников различных направлений базового образования (естественнонаучные, технические, гуманитарные, экономические специальности);

– оценить эффективность различных компонентов программ профессиональной переподготовки и определить наиболее значимые для успешной адаптации;

– изучить долгосрочные профессиональные планы участников исследования и уровень их приверженности педагогической деятельности.

Процедура и методы исследования

Участники

Выборка для **анкетирования** формировалась методом целенаправленного отбора из числа слушателей и выпускников программ профессиональной переподготовки педагогических кадров. Критериями включения в выборку являлись наличие высшего образования по непедагогической специальности, завершение программы профессиональной переподготовки объемом не менее 250 академических часов в соответствии с приказом Министерства образования и науки РФ № 499, опыт педагогической деятельности от 6 месяцев до 2 лет на момент проведения исследования, возраст от 22 до 50 лет. Итоговая выборка включила 34 человек (67,6 % — женщины) из 7 субъектов Российской Федерации: Московская область, Санкт-Петербург, Новосибирская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская область, Калужская область.

Полуструктурированные интервью были проведены с тремя категориями **экспертов**:

– *руководители программ профессиональной переподготовки* ($N = 7$, 71,4 % — женщины): заведующие кафедрами/отделами дополнительного профессионального образования с опытом работы не менее 5 лет в вузах и институтах развития образования (Москва — 2, Санкт-Петербург — 1, Новосибирск — 1, Казань — 1, Екатеринбург — 1, Краснодар — 1);

– *директора образовательных организаций* ($N = 5$, 60,0 % — женщины): руководители общеобразовательных школ, принимающие на работу выпускников непедагогических вузов со стажем административной работы не менее 7 лет;

– *опытные учителя-наставники* ($N = 8$, 62,5 % — женщины): педагоги со стажем не менее 15 лет, имеющие опыт наставничества выпускников непедагогических вузов не менее 2 лет, представляющие различные предметные области (математика — 2, физика — 2, информатика — 2, химия — 1, биология — 1).

Исследование проводилось с января 2023 по декабрь 2024 г.

Инструменты

Основным инструментом исследования являлась авторская анкета *«Профессиональная адаптация выпускников непедагогических вузов к педагогической деятельности»*, разработанная на основе теоретического анализа проблемы и включающая 6 блоков (общим объемом 45 вопросов).

Блок 1. Социально-демографические характеристики (7 вопросов): пол, возраст, регион проживания, направление базового образования, средний балл диплома, стаж работы в предыдущей профессии, семейное положение.

Блок 2. Мотивация перехода в педагогическую деятельность (8 вопросов): причины выбора педагогической профессии (множественный выбор из 12 предложенных вариантов с возможностью добавления собственных), степень осознанности выбора (оценка по 10-балльной шкале Ликерта), влияние внешних обстоятельств, ожидания от профессии (открытый вопрос).

Блок 3. Характеристика программы переподготовки (9 вопросов): наименование образовательной организации, объем программы в часах, форма обучения, стоимость, соотношение теории и практики, продолжительность педагогической практики, наличие/отсутствие наставника, оценка качества подготовки по отдельным дисциплинам (оценка по 10-балльной шкале Ликерта).

Блок 4. Трудности адаптационного процесса (8 вопросов): основные проблемы первого года работы (множественный выбор из 15 предложенных категорий трудностей до 5 вариантов), степень выраженности каждой трудности (оценка по 10-балльной шкале Ликерта), способы преодоления трудностей (открытый вопрос), источники помощи и поддержки (множественный выбор).

Блок 5. Факторы успешной адаптации (8 вопросов): факторы, способствовавшие успешной адаптации (множественный выбор); оценка эффективности различных компонентов программы переподготовки (оценка по 10-балльной шкале Ликерта), предметная область преподавания, самооценка готовности к преподаванию (оценка по 10-балльной шкале Ликерта); самооценка уровня адаптации по шести параметрам (предметные знания, методическая подготовка, взаимодействие с учащимися, эмоциональная устойчивость, интеграция в коллектив, общая удовлетворенность) по 10-балльной шкале Ликерта. По перечисленным параметрам самооценки уровня адаптации рассчитывался **интегральный показатель успешности адаптации** как среднее арифметическое самооценок по шести компонентам. Уровни адаптации классифицировались следующим образом: высокий уровень — 7,5–10 баллов, средний уровень — 5,0–7,4 балла, низкий уровень — менее 5,0 баллов.

Блок 6. Перспективы профессионального развития (5 вопросов): профессиональные планы на ближайшие 3-5 лет (закрытый вопрос с вариантами выбора), степень удовлетворенности выбором педагогической профессии (оценка по 10-балльной шкале Ликерта), готовность рекомендовать педагогическую профессию другим (оценка по 10-балльной шкале Ликерта), планы

повышения квалификации, открытый вопрос о пожеланиях по совершенствованию системы переподготовки.

Валидность инструмента обеспечивалась экспертной оценкой 5 специалистов в области педагогики и психологии образования (3 доктора наук, 2 кандидата наук), пилотным исследованием на выборке из 8 человек с последующей корректировкой формулировок вопросов на основе полученной обратной связи. Надежность анкеты проверялась методом тест-ретест на подвыборке из 12 респондентов (интервал 2 недели), коэффициент корреляции составил $r = 0,89$, что свидетельствует о высокой надежности инструмента.

Дополнительно проводились *полуструктурированные интервью* (продолжительность 45-60 минут) с экспертами. *Гайд экспертного интервью* включал следующие тематические блоки:

- опыт работы с выпускниками непедагогических вузов: количество человек, направления базового образования, предметные области преподавания;
- специфические особенности данной категории начинающих педагогов: сильные стороны (предметные знания, мотивация, жизненный опыт) и дефициты (психолого-педагогические знания, методическая подготовка);
- наблюдаемые трудности адаптации: наиболее типичные проблемы, критические инциденты, продолжительность адаптационного периода;
- эффективные методы поддержки: формы наставничества, методическое сопровождение, административная поддержка, примеры успешных практик;
- критерии успешной адаптации: индикаторы профессионального становления, временные рамки достижения профессиональной компетентности;
- рекомендации по совершенствованию программ переподготовки: оптимальный объем и структура программ, необходимые компоненты, соотношение теории и практики.

Интервью записывались с согласия участников, транскрибировались и обрабатывались методом качественного контент-анализа.

Анализ данных

Статистическая обработка количественных данных осуществлялась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 26.0. Применялись методы описательной статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение, частотный анализ), корреляционный анализ Пирсона, критерий хи-квадрат (χ^2), t -критерий Стьюдента. Для обработки открытых вопросов анкеты и текстов экспертных интервью использовался контент-анализ.

Результаты исследования

В табл. 1–2 представлены социально-демографические характеристики и образовательные профили участников исследования. Данные получены на основе анкетирования участников и анализа документов об образовании. Классификация специальностей в табл. 1 приведена в соответствии с Общероссийским классификатором специальностей по образованию (ОКСО). Все участники имеют высшее образование уровня бакалавриата или специалитета

по непедагогическим направлениям подготовки. В табл. 2 объем программ указан в соответствии с учебными планами образовательных организаций; стоимость обучения указана на момент прохождения программы участниками (2022–2024 гг.).

Таблица 1 / Table 1

**Социально-демографические характеристики участников исследования, N = 34 /
Socio-Demographic Characteristics of Research Participants, N = 34**

Характеристика / Characteristic	Значение / Value	Процент / Percentage	Примечание / Note
Общее количество участников / Total number of the participants	34	100 %	Выборка сформирована методом целенаправленного отбора / Sample formed by purposive selection
Гендерное распределение / Gender distribution			
Мужчины / Men	11	32,4 %	Соответствует общему гендерному распределению в системе образования / Corresponds to the general gender distri- bution in the education system
Женщины / Women	23	67,6 %	
Возрастные группы / Age groups			
22–30 лет / 22–30 years	18	52,9 %	Средний возраст: 31,2 года / Average age: 31.2 years
31–40 лет / 31–40 years	13	38,2 %	
41–50 лет / 41–50 years	3	8,8 %	
Базовое образование / Basic education			
Технические специальности / Technical specialties	14	41,2 %	Включает инженерные, IT, строитель- ные специальности / Includes engineering, IT, construction specialties
Естественнонаучные / Natural sciences	8	23,5 %	Биология, химия, физика, математика / Biology, chemistry, physics, mathematics
Гуманитарные / Humanities	7	20,6 %	История, филология, культурология / History, philology, cultural studies
Экономические / Economics	5	14,7 %	Экономика, менеджмент, финансы / Economics, management, finance

Анализ социально-демографических характеристик участников исследования (табл. 1) показывает преобладание молодых специалистов в возрасте до 30 лет (52,9 %), что соответствует общероссийским тенденциям привлечения в педагогическую деятельность выпускников других сфер. Гендерное распределение с преобладанием женщин (67,6 %) отражает феминизацию педагогической профессии в российской системе образования. Наибольшую долю составляют выпускники технических специальностей (41,2 %), что объясняется высокой потребностью системы образования в учителях математики, физики, информатики и технологии.

Анализ программ профессиональной переподготовки (табл. 2) выявляет доминирование очно-заочной формы обучения (61,8 %), что обеспечивает сочетание теоретической подготовки и практической деятельности. Наиболее распространен объем программ 301–500 часов (44,1 %), превышающий минимальные требования законодательства. Средняя стоимость обучения составляет 34 200 рублей, что создает определенные барьеры для широкого привлечения специалистов в педагогическую деятельность.

Таблица 2 / Table 2

**Характеристики программ профессиональной переподготовки участников, N = 34 /
Characteristics of the Professional Retraining Programs of the Study Participants, N = 34**

Показатель / Indicator	Количество участников / Number of participants	Процент / Percentage	Примечание / Note
Объем программы (академические часы) / Program volume (academic hours)			
250–300 ч / 250–300 hours	8	23,5	Минимальный объем согласно приказу № 499 / Minimum volume according to order No. 499
301–500 ч / 301–500 hours	15	44,1	Наиболее распространенный формат / Most common format
501–750 ч 501–750 hours	9	26,5	Расширенные программы / Extended programs
Свыше 750 ч Over 750 hours	2	5,9	Включая программу «Учитель для России» (756 ч) / Including “Teacher for Russia” program (756 h)
Форма обучения / Form of education			
Очная Full-time	6	17,6	Интенсивные программы / Intensive programs
Очно-заочная Part-time	21	61,8	Наиболее востребованный формат / Most popular format
Заочная с применением ДОТ / Distance learning with e-learning technologies	7	20,6	Дистанционные образовательные технологии / Distance educational technologies
Стоимость обучения / Cost of education			
Бесплатно / Free	3	8,8	Программа «Учитель для России», региональные гранты / “Teacher for Russia” program, regional grants
До 30 000 рублей / Up to 30,000 rubles	12	35,3	Средняя стоимость: 34,2 тыс. руб. / Average cost: 34.2 thousand rubles
30001–50 000 рублей / 30,001–50,000 rubles	14	41,2	
Свыше 50 000 рублей Over 50,000 rubles	5	14,7	

Примечание. ДОТ — дистанционные образовательные технологии в соответствии с приказом Минобрнауки России № 816.

Note. ДОТ — distance learning technologies in accordance with Order No. 816 of the Ministry of Education and Science of Russia.

В табл. 3 представлены результаты ответов на вопрос «Какие основные трудности Вы испытывали в первый год педагогической деятельности?» (множественный выбор до 5 вариантов).

Результаты анализа трудностей адаптационного процесса (табл. 3) показывают, что наиболее критичными проблемами являются недостаток психолого-педагогических знаний (82,4 % участников) и слабое владение методиками преподавания (76,5 %). Высокая эмоциональная нагрузка отмечается более чем двумя третями респондентов (70,6 %), что свидетельствует о недостаточной подготовке к психологическим аспектам педагогической деятельности. Относительно низкий процент технических трудностей (20,6 %) объясняется хорошей базовой подготовкой выпускников непедагогических вузов в области информационно-коммуникационных технологий.

Таблица 3 / Table 3

**Трудности адаптационного процесса в первый год педагогической деятельности, N = 34 /
Difficulties of the Adaptation Process in the First Year of Teaching, N = 34**

Категория трудностей / Category of difficulties	Количество упоминаний / Number of mentions	Процент участников / Percentage of participants	Ранг / Rank
Недостаток психолого-педагогических знаний / Insufficient of psychological and pedagogical knowledge	28	82,4	1
Слабое владение методиками преподавания / Poor mastery of teaching methods	26	76,5	2
Высокая эмоциональная нагрузка / High emotional stress	24	70,6	3
Трудности взаимодействия с обучающимися / Difficulties in interacting with students	22	64,7	4
Проблемы с документооборотом и отчетностью / Problems with document management and reporting	20	58,8	5
Непонимание школьной организационной культуры / Lack of understanding of school organizational culture	18	52,9	6
Неуверенность в предметных знаниях / Lack of confidence in subject knowledge	15	44,1	7
Сложности во взаимодействии с родителями / Difficulties in interacting with students' parents	14	41,2	8
Проблемы с коллегами в педагогическом коллективе / Problems with colleagues in the teaching staff	9	26,5	9
Технические трудности (ИКТ-компетенции) / Technical difficulties (ICT competencies)	7	20,6	10

В табл. 4 содержатся данные об уровнях адаптации участников исследования к условиям педагогической деятельности, которые определялись по комплексной методике, включающей самооценку участников по 10-балльной шкале в 6 областях (предметные знания, методическая подготовка, взаимодействие с учащимися, эмоциональная устойчивость, интеграция в коллектив, общая удовлетворенность). Коэффициент успешности адаптации рассчитывался как отношение суммы участников с высоким и средним уровнем к общему числу участников группы.

Таблица 4 / Table 4

Уровни адаптации участников исследования к условиям педагогической деятельности по специальностям базового образования, N = 34 / Levels of Adaptation of the Study Participants to the Conditions of Teaching Activity in the Basic Education Specialties, N = 34

Направление подготовки / Field of study	Кол-во участников / Number of the participants	Уровень адаптации / Adaptation Levels			Коэффициент успешности / Success ratio
		Высокий уровень адаптации / High level of adaptation	Средний уровень / Medium level	Низкий уровень / Low level	
Естественнонаучные / Natural sciences	8	5 (62,5 %)	2 (25,0 %)	1 (12,5 %)	0,824
Технические / Technical	14	7 (50,0 %)	4 (28,6 %)	3 (21,4 %)	0,643
Гуманитарные / Humanities	7	4 (57,1 %)	2 (28,6 %)	1 (14,3 %)	0,714
Экономические / Economics	5	1 (20,0 %)	3 (60,0 %)	1 (20,0 %)	0,500
Общие показатели / Overall indicators	34	17 (50,0 %)	11 (32,4 %)	6 (17,6 %)	0,662

Анализ уровней адаптации по направлениям базового образования (табл. 4) демонстрирует наилучшие результаты у выпускников естественнонаучных специальностей с коэффициентом успешности 0,824. Это объясняется близостью методологических подходов научного познания и педагогической деятельности, а также высокой востребованностью их знаний в школьной практике. Выпускники экономических специальностей показывают наименьшую успешность адаптации (0,500), что связано с ограниченными возможностями применения их базовых знаний в общеобразовательной школе.

В табл. 5 представлены результаты корреляционного анализа интегрального показателя успешности адаптации к педагогической профессии с различными факторами.

Таблица 5 / Table 5

Результаты корреляционного анализа интегрального показателя успешности адаптации и изучаемых факторов, $N = 34$ / Results of the Correlation Analysis of the Integral Indicator of Adaptation Success and the Studied Factors, $N = 34$

Фактор / Factor	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson correlation coefficient	Уровень значимости / p -level	Интерпретация / Interpretation
Объем программы переподготовки, ч / Retraining program volume, hours	0,687	$p < 0,01$	Сильная положительная связь / Strong positive correlation
Объем практической подготовки, ч / Practical training volume, hours	0,594	$p < 0,01$	Умеренная положительная связь / Moderate positive correlation
Наличие наставника, 0/1 / Mentor availability, 0/1	0,523	$p < 0,01$	Умеренная положительная связь / Moderate positive correlation
Мотивация к педагогической деятельности, баллы / Motivation for teaching activities, points	0,478	$p < 0,05$	Умеренная положительная связь / Moderate positive correlation
Качество базового образования, средний балл диплома / Quality of basic education, diploma GPA	0,412	$p < 0,05$	Умеренная положительная связь / Moderate positive correlation
Возраст участника, годы / Participant's age, years	-0,298	$p > 0,05$	Статистически незначимая отрицательная связь / Statistically nonsignificant negative correlation
Стаж в предыдущей профессии, годы / Experience in previous profession, years	0,267	$p > 0,05$	Статистически незначимая положительная связь / Statistically nonsignificant positive correlation
Стоимость программы обучения, rubles / Training program cost, rubles	0,198	$p > 0,05$	Статистически незначимая положительная связь / Statistically nonsignificant positive correlation

Корреляционный анализ (табл. 5) выявил наиболее сильную статистически значимую связь между интегральным показателем успешности адаптации и объемом программы переподготовки ($r = 0,687$, $p < 0,01$), что подтверждает важность достаточной продолжительности обучения для формирования педагогических компетенций. Умеренная корреляция с объемом практической

подготовки ($r = 0,594, p < 0,01$) подчеркивает приоритет практико-ориентированного подхода в переподготовке выпускников непедагогических вузов.

В табл. 6 представлены результаты ответов на вопрос «Оцените эффективность различных компонентов программы переподготовки для Вашей подготовки к педагогической деятельности» по 10-балльной шкале. Не все участники имели опыт всех форм обучения, поэтому количество оценивших различается.

Таблица 6 / Table 6

**Оценки эффективности различных компонентов программ переподготовки /
Evaluation of the Effectiveness of Various Components of the Retraining Programs**

Компонент программы / Program component	Оценка эффективности / Evaluation of effectiveness		Количество оценивших / Number of the respondents
	<i>M</i>	<i>SD</i>	
Педагогическая практика в школе / Teaching practice at school	8,7	1,2	34
Индивидуальное наставничество / Individual mentoring	8,3	1,4	22
Практические семинары по методике / Practical seminars on teaching methods	7,8	1,6	34
Психолого-педагогические дисциплины / Psychological and pedagogical disciplines	7,2	1,8	34
Мастер-классы опытных учителей / Master classes of experienced teachers	7,1	1,7	28
Онлайн-модули и вебинары / Online mod- ules and webinars	6,4	2,1	31
Теоретические лекции / Theoretical lectures	5,9	2,0	34
Самостоятельная работа / Independent work	5,2	2,3	34

Результаты оценки эффективности компонентов программ переподготовки (табл. 6) подтверждают приоритет практико-ориентированных форм обучения. Педагогическая практика получила наивысшие оценки ($8,7 \pm 1,2$ балла), что свидетельствует о важности реального опыта работы в образовательной среде для успешной адаптации. Высокие оценки наставничества ($8,3 \pm 1,4$ балла) указывают на необходимость персонализированной поддержки в процессе профессионального становления, тогда как теоретические лекции оцениваются лишь в $5,9 \pm 2,0$ балла.

В табл. 7 представлены результаты самооценки уровня готовности к преподаванию у участников исследования и оценки потребности в дополнительной подготовке (по оценкам участников и экспертов). Данные о предметных областях были получены на основе анализа трудовых договоров и учебной нагрузки участников исследования.

Анализ предметных областей (табл. 7) показывает оптимальное распределение выпускников непедагогических вузов по дефицитным специальностям. Наибольшую готовность демонстрируют учителя информатики ($8,6$ балла), что соответствует их базовой подготовке и потребностям современной школы в цифровизации образовательного процесса.

Таблица 7 / Table 7

Готовность к преподаванию и потребность в дополнительной подготовке по предметным областям / Readiness to Teach and Need for Additional Training in Various Subject Areas

Предметная область / Subject area	Количество преподающих / Number of teachers	Готовность к преподаванию, средний балл / Readiness to teach, mean	Потребность в доподготовке / Need for additional training
Математика / Mathematics	12	8,1	Низкая / Low
Информатика и ИКТ / Computer Science and ICT	9	8,6	Очень низкая / Very low
Физика / Physics	6	7,4	Умеренная / Moderate
Технология / Technology	4	8,3	Низкая / Low
Биология / Biology	3	7,9	Низкая / Low
Химия / Chemistry	2	7,2	Умеренная / Moderate
География / Geography	2	6,8	Высокая / High

В табл. 8 представлен анализ долгосрочных профессиональных планов участников. Данные получены в результате анализа ответа на вопрос «Каковы Ваши профессиональные планы на ближайшие 3–5 лет?». Мотивы выявлены через открытые вопросы анкеты и подтверждены в ходе экспертных интервью. Карьерный рост подразумевает планы работы в качестве заместителя директора, методиста, работника органов управления образованием.

Таблица 8 / Table 8

Долгосрочные профессиональные планы участников / Long-term Professional Plans of the Participants

Профессиональные планы / Professional plans	Количество / Number	%	Основные мотивы / Main motives
Продолжение работы учителем / Continuing to work as a teacher	25	73,5	Удовлетворенность профессией, социальная значимость / Job satisfaction, social significance
Карьерный рост в образовании / Career growth in education	5	14,7	Стремление к управленческим позициям / Desire for management positions
Совмещение с прежней профессией / Combining with previous profession	3	8,8	Финансовые соображения / Financial considerations
Возврат к прежней деятельности / Return to previous activity	1	2,9	Неудовлетворенность условиями труда / Dissatisfaction with working conditions
Итого / Total	34	100	–

Анализ долгосрочных профессиональных планов (табл. 8) свидетельствует о высокой степени профессиональной приверженности участников исследования педагогической деятельности. Подавляющее большинство (88,2 %) планируют остаться в сфере образования, что превышает средние показатели удержания молодых педагогов в российской системе образования и подтверждает успешность процессов адаптации.

Обсуждение результатов

Результаты исследования существенно расширяют понимание процессов профессиональной адаптации выпускников непедагогических вузов к педагогической деятельности и имеют важное значение для развития системы подготовки педагогических кадров в Российской Федерации. Выявленная высокая успешность адаптации выпускников естественнонаучных специальностей подтверждает гипотезу о близости методологических подходов научного познания и педагогической деятельности, что согласуется с международными исследованиями альтернативных путей вхождения в педагогическую профессию (Dori et al., 2023; Hogg, Elvira, Yates, 2023).

Установленная сильная положительная корреляция между объемом программы переподготовки и успешностью адаптации обосновывает необходимость увеличения минимальной продолжительности программ профессиональной переподготовки педагогических кадров сверх установленных 250 академических часов.

Результаты исследования согласуются с международными данными о роли практико-ориентированной подготовки в формировании педагогических компетенций (LoCasale-Crouch et al., 2012; Ronfeldt, Reininger, 2012). Анализ программ типа «Teach for America» показывает, что интенсивная практическая подготовка в сочетании с систематическим наставничеством обеспечивает эффективность преподавания, сопоставимую с традиционно подготовленными учителями, особенно в области математики и естественных наук (Clark et al., 2013; Penner, 2016). Установленная в нашем исследовании высокая успешность адаптации выпускников естественнонаучных специальностей корреспондирует с результатами систематического обзора американских программ альтернативной сертификации (Turner et al., 2018).

Выявленная значимость наставничества подтверждает выводы крупномасштабных исследований о критической роли менторской поддержки в профессиональном становлении начинающих педагогов (Glazerman et al., 2008; Ingersoll, Strong, 2011, 2012; Smith, Ingersoll, 2004). Специфика адаптации учителей, меняющих карьеру, заключается в необходимости интеграции их предыдущего профессионального опыта в новую педагогическую деятельность: исследования показывают, что эффективные программы переподготовки должны не игнорировать, а активно использовать предшествующие компетенции участников, создавая мосты между прежней и новой профессиональной идентичностью (Coppe et al., 2022; Mayotte, 2003; Bar-Tal et al., 2020; Williams, Forgasz, 2009).

Ограничения исследования. Результаты исследования следует интерпретировать с учетом ряда ограничений. Относительно небольшой объем выборки и ее формирование методом целенаправленного отбора ограничивают возможности генерализации выводов на всю совокупность выпускников непедагогических вузов, работающих учителями в Российской Федерации. Географическое распределение участников, преимущественно представляющих крупные города и развитые регионы, не в полной мере отражает специфику адаптации в сельских школах и малых городах. Краткосрочный характер на-

блюдения не позволяет оценить долгосрочные эффекты различных моделей подготовки и адаптации. Использование самооценки как основного метода измерения успешности адаптации может содержать элемент субъективности, хотя данный подход согласуется с международной практикой исследований профессионального становления учителей. Отсутствие контрольной группы выпускников педагогических вузов ограничивает возможности сравнительного анализа эффективности различных траекторий вхождения в профессию.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что привлечение выпускников непедагогических вузов представляет собой перспективное направление решения кадровых проблем российского образования при условии научно обоснованной организации их профессиональной переподготовки и адаптации. Выявленные системные закономерности свидетельствуют о высоком потенциале успешной интеграции специалистов различных отраслей в педагогическую деятельность, особенно выпускников естественнонаучных и технических направлений, что коррелирует с актуальными потребностями системы образования в учителях дефицитных предметов.

Авторская позиция заключается в том, что привлечение выпускников непедагогических вузов в систему образования должно рассматриваться как стратегическое направление кадровой политики в сфере образования, а не временная мера решения дефицита педагогических кадров. Результаты исследования подтверждают целесообразность создания национальной системы альтернативной педагогической сертификации, обеспечивающей качественную подготовку и эффективную интеграцию специалистов различных профилей в образовательную деятельность. Высокий уровень профессиональной приверженности участников исследования (88,2 % планируют остаться в сфере образования) свидетельствует о потенциале данного направления для устойчивого решения кадровых проблем российского образования.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке комплексной модели анализа адаптационных процессов, учитывающей специфику различных направлений базового образования участников. Предложенная система критериев оценки успешности адаптации, включающая шесть компонентов, может служить основой для создания стандартизированных инструментов мониторинга эффективности программ переподготовки.

Установлена решающая роль структурно-содержательных характеристик программ профессиональной переподготовки в обеспечении успешной адаптации: продолжительность программы, объем практической подготовки и наличие систематического наставничества демонстрируют статистически значимые связи с успешностью профессионального становления. Критическими дефицитами адаптационного процесса являются недостаточность психолого-педагогической подготовки и методических компетенций, что определяет приоритетные направления совершенствования программ переподготовки. Высокий уровень профессиональной приверженности участников исследова-

ния (88,2% планируют остаться в образовании) указывает на устойчивость данного механизма пополнения педагогического корпуса.

На основе результатов исследования сформулированы следующие **практические рекомендации** для различных субъектов системы педагогического образования.

Для организаций дополнительного профессионального образования:

- увеличить минимальный объем программ профессиональной переподготовки педагогических кадров до 500–750 академических часов для обеспечения достаточной глубины формирования педагогических компетенций;
- повысить долю практико-ориентированных компонентов до 60–70 % от общего объема программы, обеспечив интеграцию теоретической подготовки с практической деятельностью в образовательных организациях;
- усилить психолого-педагогический блок программ с акцентом на практические аспекты взаимодействия с обучающимися, управление классом и профилактику эмоционального выгорания;
- разработать дифференцированные образовательные траектории с учетом направлений базового образования слушателей и специфики будущей преподавательской деятельности;
- включить обязательный компонент индивидуального наставничества продолжительностью не менее одного учебного года с закреплением опытных педагогов-наставников и их методическим сопровождением.

Для образовательных организаций, принимающих выпускников непедагогических вузов:

- создать систему адаптационной поддержки начинающих педагогов без базового педагогического образования, включающую снижение учебной нагрузки в первый год работы, регулярное методическое сопровождение и доступ к программам наставничества;
- обеспечить целенаправленную помощь в освоении специфики документооборота и административных процедур, которые представляют особую сложность для специалистов, пришедших из других сфер деятельности;
- использовать сильные стороны выпускников непедагогических специальностей: предметную компетентность, владение современными технологиями, связь с практическими аспектами профессиональной деятельности в своей предметной области.

Для региональных органов управления образованием:

- разработать региональные программы целевой подготовки выпускников непедагогических вузов по дефицитным специальностям с предоставлением финансовой поддержки и гарантий трудоустройства;
- создать координационные центры по привлечению специалистов других отраслей в систему образования, обеспечивающие информирование, профориентационное сопровождение и координацию программ переподготовки;
- институционализировать систему наставничества начинающих педагогов с установлением материального стимулирования учителей-наставников и нормативного закрепления наставнической деятельности в их функциональных обязанностях.

Для федеральных органов управления образованием:

- рассмотреть возможность создания национальной системы альтернативной педагогической сертификации по аналогии с программами «Teach for America», «Teach First» и другими успешными международными моделями;
- установить единые требования к программам профессиональной переподготовки педагогических кадров с обязательными компонентами практической подготовки и наставничества, превышающие действующие минимальные стандарты;
- разработать систему мониторинга и оценки качества программ переподготовки на основе показателей успешности адаптации и профессионального удержания выпускников.

Перспективы дальнейших исследований. Результаты проведенного исследования открывают ряд направлений для последующих научных изысканий. Приоритетным представляется проведение лонгитюдного исследования профессионального развития выпускников непедагогических вузов на протяжении 5–10 лет для выявления долгосрочных эффектов различных моделей подготовки, траекторий карьерного роста и факторов профессионального удержания. Актуальным является расширение географии исследования с включением сельских школ и образовательных организаций малых городов для изучения специфики адаптации в различных социально-экономических контекстах. Перспективным направлением выступает сравнительное исследование эффективности выпускников педагогических и непедагогических вузов с использованием объективных показателей учебных достижений обучающихся и экспертных оценок качества преподавания. Необходимы углубленное изучение механизмов трансфера профессиональных компетенций из предыдущей сферы деятельности в педагогическую практику и разработка методик их целенаправленного использования в образовательном процессе. Значимым является исследование потенциала цифровых технологий и онлайн-форматов в программах профессиональной переподготовки педагогических кадров с оценкой их эффективности по сравнению с традиционными моделями обучения. Отдельного внимания заслуживает изучение мотивационных факторов и барьеров перехода специалистов различных отраслей в педагогическую деятельность для разработки эффективных стратегий рекрутинга и профессиональной ориентации потенциальных кандидатов.

Список литературы

- Бермус А.Г., Сериков В.В., Алтыникова Н.В.* Содержание педагогического образования в современном мире: смыслы, проблемы, практики и перспективы развития // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 4. С. 667–691. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-667-691> EDN: GAGFDK
- Варламова Т.А., Гохберг Л.М., Озерова О.К., Портнягина О.Н., Шкалева Е.В., Шугаль Н.Б.* Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник. Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3004-7>
- Варламова Т.А., Гохберг Л.М., Зорина О.А., Кузнецова В.И., Озерова О.К., Портнягина О.Н., Шугаль Н.Б.* Образование в цифрах: 2024 : краткий статистический сборник. Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 132 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3020-7>

- Григораш О.В. О повышении престижа высшего технического образования в России // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 42–48. EDN: VUBIRH
- Augustinienė A., Stanišauskienė V. Motives for choosing the turn to a teaching career // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. Article no. 1606598. <https://doi.org/10.3389/feduc.2025.1606598>
- Backes B., Hansen M. Estimates of Teach for America effects on student test and nontest academic outcomes over time // AERA Open. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 1–16. <https://doi.org/10.1177/23328584241234874>
- Bar-Tal S., Chamo N., Ram D., Snapir Z., Gilat I. First steps in a second career: Characteristics of the transition to the teaching profession among novice teachers // European Journal of Teacher Education. 2020. Vol. 43. No. 5. P. 660–675. <https://doi.org/10.1080/02619768.2019.1708895>
- Beck T. Professionalization and teaching-out-of-field: How lateral entrants' resources occur in moments of crisis—mixed data results // Teacher Shortage in International Perspectives: Insights and Responses / ed. by A. Gehrman, P. Germer. Wiesbaden : Springer VS, 2025. P. 227–250. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45398-5_13
- Clark M.A., Chiang H.S., Silva T., McConnell S., Sonnenfeld K., Erbe A., Puma M. The effectiveness of secondary math teachers from Teach for America and the Teaching Fellows programs: Executive summary (NCEE 2013-4016). Washington, DC : National Center for Education Evaluation and Regional Assistance, Institute of Education Sciences, U.S. Department of Education, 2013. 260 p.
- Coppe T., Sarazin M., März V., Dupriez V., Raemdonck I. (Second career) teachers' work socialization as a networked process: New empirical and methodological insights // Teaching and Teacher Education. 2022. Vol. 116. Article no. 103764. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103764>
- Dori Y.J., Goldman D., Shwartz G., Lavie-Alon N., Sarid A., Tal T. Assessing and comparing alternative certification programs: The teacher-classroom-community model // Frontiers in Education. 2023. Vol. 8. Article no. 1006009. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1006009>
- Gehrman A. Lateral entry and career jumping into the teaching profession in Germany // Teacher Shortage in International Perspectives: Insights and Responses / ed. by A. Gehrman, P. Germer. Wiesbaden : Springer VS, 2025. P. 3–25. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45398-5_1
- Glazerman S., Dolfin S., Bleeker M., Johnson A., Isenberg E., Lugo-Gil J., Grider M., Britton E., Ali M. Impacts of comprehensive teacher induction: Results from the second year of a randomized controlled study (NCEE 2009-4072). Washington, DC : U.S. Department of Education, National Center for Education Evaluation and Regional Assistance, 2008. 28 p.
- Hogg L., Elvira Q., Yates A. What can teacher educators learn from career-change teachers' perceptions and experiences: A systematic literature review // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 132. Article no. 104208. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2023.104208>
- Hunter-Johnson Y. Demystifying the mystery of second career teachers' motivation to teach // The Qualitative Report. 2015. Vol. 20. No. 8. P. 1359–1372. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2015.2267>
- Ingersoll R.M., Strong M. The impact of induction and mentoring programs for beginning teachers: A critical review of the research // Review of Educational Research. 2011. Vol. 81. No. 2. P. 201–233. <https://doi.org/10.3102/0034654311403323>
- Ingersoll R.M., Strong M. What the research tells us about the impact of induction and mentoring programs for beginning teachers // Yearbook of the National Society for the Study of Education. 2012. Vol. 111. No. 2. P. 466–490.
- LoCasale-Crouch J., Davis E., Wiens P., Pianta R.C. The role of the mentor in supporting new teachers: Associations with self-efficacy, reflection, and quality // Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning. 2012. Vol. 20. No. 3. P. 303–323. <https://doi.org/10.1080/13611267.2012.701959>

- Lovison V.S.* Teach for America's fast path to the classroom accelerates performance over the longer haul // *Education Next*. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 46–51.
- Master B.K., Mihaly K., Schweig J., Berglund T., Hu L.* Teaching and leading: An evaluation of the impacts and professional trajectories of Teach for America participants in Indianapolis. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2023. 54 p. <https://doi.org/10.7249/RRA2127-1>
- Mayotte G.A.* Stepping stones to success: Previously developed career competencies and their benefits to career switchers transitioning to teaching // *Teaching and Teacher Education*. 2003. Vol. 19. No. 7. P. 681–695. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2003.03.002>
- Negrea V.* Exploring career changers' experiences in a school-based initial teacher education programme for science teachers in England // *International Journal of Educational Research*. 2024. Vol. 125. Article no. 102342. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102342>
- Penner E.K.* Teaching for all? Teach for America's effects across the distribution of student achievement // *Journal of Research on Educational Effectiveness*. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 259–282. <https://doi.org/10.1080/19345747.2016.1164779>
- Porsch R., Reintjes C.* Teacher shortages in Germany: Alternative routes into the teaching profession as a challenge for schools and teacher education // *The Future of Teacher Education: Innovations Across Pedagogies, Technologies and Societies* / ed. by P. Hohaus, J.-F. Heeren. Leiden : Brill, 2023. P. 339–363. https://doi.org/10.1163/9789004678545_014
- Ronfeldt M., Reiningger M.* More or better student teaching? // *Teaching and Teacher Education*. 2012. Vol. 28. No. 8. P. 1091–1106. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2012.06.003>
- Smith T.M., Ingersoll R.M.* What are the effects of induction and mentoring on beginning teacher turnover? // *American Educational Research Journal*. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 681–714. <https://doi.org/10.3102/00028312041003681>
- Tigchelaar A., Brouwer N., Korthagen F.* Crossing horizons: Continuity and change during second-career teachers' entry into teaching // *Teaching and Teacher Education*. 2008. Vol. 24. No. 6. P. 1530–1550. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2008.03.001>
- Turner H., Ncube M., Turner A., Boruch R., Ibekwe N.* What are the effects of Teach for America on Math, English Language Arts, and Science outcomes of K–12 students in the USA? // *Campbell Systematic Reviews*. 2018. Vol. 14. No. 1. Article no. 63. <https://doi.org/10.4073/csr.2018.7>
- Williams J., Forgasz H.* The motivations of career change students in teacher education // *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 2009. Vol. 37. No. 1. P. 95–108. <https://doi.org/10.1080/13598660802607673>

История статьи:

Поступила в редакцию 29 августа 2025 г.

Доработана после рецензирования 1 октября 2025 г.

Принята к печати 7 октября 2025 г.

Для цитирования:

Паршутина Л.А., Слободчиков И.М. Проблемы подготовки и адаптации выпускников непедагогических вузов к педагогической деятельности в Российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2025. Т. 22. № 4. С. 756–780. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-756-780> EDN: OEOGRA

Вклад авторов:

Л.А. Паршутина — концептуализация, дизайн исследования, разработка инструментария, сбор и обработка данных, проведение экспертных интервью, написание текста, администрирование проекта. *И.М. Слободчиков* — научное руководство, разработка теоретической рамки исследования, анализ и интерпретация полученных данных, критический анализ и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Паришутина Людмила Александровна, кандидат педагогических наук, заместитель директора, заведующая лабораторией психологических основ дидактики и методики преподавания, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (119019, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4). ORCID: 0000-0003-4456-7888; eLibrary SPIN-код: 7775-9256. E-mail: parshutinala@mail.ru

Слободчиков Илья Михайлович, доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, профессор кафедры глобальной русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики Института русского языка, Российский университет дружбы народов им. П.Лумумбы (Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), ведущий научный сотрудник лаборатории исследования современных направлений развития образования управления взаимодействия с педагогическими вузами, Государственный университет просвещения (Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2). ORCID: 0009-0003-7571-8455; eLibrary SPIN-код: 4013-8758. E-mail: il_grant@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-756-780

EDN: OEOGRA

UDC 378.046.4:371.13

Research article

Problems of Training and Adaptation of Non-Pedagogical University Graduates to Teaching Activities in the Russian Federation

Lyudmila A. Parshutina¹, Ilya M. Slobodchikov^{2,3}✉

¹ Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, *Moscow, Russian Federation*

² RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

³ State University of Education, *Moscow, Russian Federation*

✉ il_grant@mail.ru

Abstract. The problem of attracting graduates of non-pedagogical higher education institutions to teaching activities is becoming increasingly relevant in the context of the staff shortage in the Russian education system, which reached over 18,000 vacancies at the beginning of the 2023–2024 academic year. The insufficient knowledge of the specific adaptation difficulties experienced by specialists from various fields when moving into the field of education, as well as the lack of a scientifically based model for their professional integration, determine the need for a comprehensive study of this problem. The aim of the study was to identify the main challenges of the adaptation process and determine the factors that facilitate the successful integration of specialists from other fields into teaching. A survey was conducted among 34 graduates of non-pedagogical universities (females = 67.6%) who underwent professional retraining and were working as teachers during the 2023–2024 academic year. Semi-structured expert interviews were also conducted with retraining program directors

($n = 7$), educational institution directors ($n = 5$), and experienced mentor teachers ($n = 8$). The research methods included a standardized survey of students in professional retraining programs, semi-structured expert interviews, and an analysis of the participants' educational records. It was found that the main difficulties in adapting to teaching activities were insufficient psychological and pedagogical knowledge, poor mastery of teaching methods, and high emotional stress. Moreover, the graduates majoring in natural sciences showed the best adaptation results, while those majoring in economics showed the worst. Positive correlations were found between successful adaptation and the overall duration of the retraining program and the scope of practical training within the program. The results provided scientifically substantiated recommendations for improving retraining programs for teaching staff: (1) increasing the share of practice-oriented components to 60–70%, (2) expanding the program scope to 500–750 hours, and (3) incorporating mandatory individual mentoring. The high level of professional commitment of the participants (88.2% planned to remain in the field of education) during the implementation of improved retraining programs demonstrated the potential of this area for a sustainable solution to the personnel problems of Russian education and confirmed the feasibility of creating a national system of alternative pedagogical certification.

Key words: pedagogical adaptation, professional retraining, teacher shortage, non-pedagogical universities, educational staffing, adaptation difficulties, methodological training

References

- Augustinienė, A., & Stanišauskienė, V. (2025). Motives for choosing the turn to a teaching career. *Frontiers in Education*, 10, 1606598. <https://doi.org/10.3389/feduc.2025.1606598>
- Backes, B., & Hansen, M. (2024). Estimates of Teach for America effects on student test and nontest academic outcomes over time. *AERA Open*, 10(1), 1–16. <https://doi.org/10.1177/23328584241234874>
- Bar-Tal, S., Chamo, N., Ram, D., Snapir, Z., & Gilat, I. (2020). First steps in a second career: Characteristics of the transition to the teaching profession among novice teachers. *European Journal of Teacher Education*, 43(5), 660–675. <https://doi.org/10.1080/02619768.2019.1708895>
- Beck, T. (2025). Professionalization and teaching-out-of-field: How lateral entrants' resources occur in moments of crisis—mixed data results. In A. Gehrman & P. Germer (Eds.), *Teacher shortage in international perspectives: Insights and responses* (pp. 227–250). Springer VS. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45398-5_13
- Bermus, A.G., Serikov, V.V., & Altynikova, N.V. (2021). Content of pedagogical education in the modern world: Meanings, problems, practices and development prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(4), 667–691. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-667-691>
- Clark, M.A., Chiang, H.S., Silva, T., McConnell, S., Sonnenfeld, K., Erbe, A., & Puma, M. (2013). *The effectiveness of secondary math teachers from Teach for America and the Teaching Fellows programs: Executive summary* (NCEE 2013-4016). National Center for Education Evaluation and Regional Assistance, Institute of Education Sciences, U.S. Department of Education.
- Coppe, T., Sarazin, M., März, V., Dupriez, V., & Raemdonck, I. (2022). (Second career) teachers' work socialization as a networked process: New empirical and methodological insights. *Teaching and Teacher Education*, 116, 103764. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103764>
- Dori, Y.J., Goldman, D., Shwartz, G., Lavie-Alon, N., Sarid, A., & Tal, T. (2023). Assessing and comparing alternative certification programs: The teacher-classroom-community model. *Frontiers in Education*, 8, 1006009. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1006009>

- Gehrmann, A. (2025). Lateral entry and career jumping into the teaching profession in Germany. In A. Gehrmann & P. Germer (Eds.), *Teacher shortage in international perspectives: Insights and responses* (pp. 3–25). Springer VS. https://doi.org/10.1007/978-3-658-45398-5_1
- Glazerman, S., Dolfin, S., Bleeker, M., Johnson A., Isenberg, E., Lugo-Gil, J., Grider, M., Britton, E., Ali, M. (2008). *Impacts of comprehensive teacher induction: Results from the second year of a randomized controlled study* (NCEE 2009-4072). U.S. Department of Education, National Center for Education Evaluation and Regional Assistance.
- Grigorash, O.V. (2016). Measures aimed at raising the prestige of higher technical education in Russia. *Higher Education in Russia*, (4), 42–48. (In Russ.).
- Hogg, L., Elvira, Q., & Yates, A. (2023). What can teacher educators learn from career-change teachers' perceptions and experiences: A systematic literature review. *Teaching and Teacher Education*, 132, 104208. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2023.104208>
- Hunter-Johnson, Y. (2015). Demystifying the mystery of second career teachers' motivation to teach. *The Qualitative Report*, 20(8), 1359–1372. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2015.2267>
- Ingersoll, R.M., & Strong, M. (2011). The impact of induction and mentoring programs for beginning teachers: A critical review of the research. *Review of Educational Research*, 81(2), 201–233. <https://doi.org/10.3102/0034654311403323>
- Ingersoll, R.M., & Strong, M. (2012). What the research tells us about the impact of induction and mentoring programs for beginning teachers. *Yearbook of the National Society for the Study of Education*, 111(2), 466–490.
- LoCasale-Crouch, J., Davis, E., Wiens, P., & Pianta, R.C. (2012). The role of the mentor in supporting new teachers: Associations with self-efficacy, reflection, and quality. *Mentoring & Tutoring: Partnership in Learning*, 20(3), 303–323. <https://doi.org/10.1080/13611267.2012.701959>
- Lovison, V.S. (2024). Teach for America's fast path to the classroom accelerates performance over the longer haul. *Education Next*, 24(2), 46–51.
- Master, B.K., Mihaly, K., Schweig, J., Berglund, T., & Hu, L. (2023). *Teaching and leading: An evaluation of the impacts and professional trajectories of Teach for America participants in Indianapolis*. RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/RR2127-1>
- Mayotte, G.A. (2003). Stepping stones to success: Previously developed career competencies and their benefits to career switchers transitioning to teaching. *Teaching and Teacher Education*, 19(7), 681–695. [https://doi.org/10.1016/S0742-051X\(03\)00076-3](https://doi.org/10.1016/S0742-051X(03)00076-3)
- Negrea, V. (2024). Exploring career changers' experiences in a school-based initial teacher education programme for science teachers in England. *International Journal of Educational Research*, 125, 102342. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102342>
- Penner, E.K. (2016). Teaching for all? Teach for America's effects across the distribution of student achievement. *Journal of Research on Educational Effectiveness*, 9(3), 259–282. <https://doi.org/10.1080/19345747.2016.1164779>
- Porsch, R., & Reintjes, C. (2023). Teacher shortages in Germany: Alternative routes into the teaching profession as a challenge for schools and teacher education. In P. Hohaus & J.-F. Heeren (Eds.), *The future of teacher education: Innovations across pedagogies, technologies and societies* (pp. 339–363). Brill. https://doi.org/10.1163/9789004678545_014
- Ronfeldt, M., & Reininger, M. (2012). More or better student teaching? *Teaching and Teacher Education*, 28(8), 1091–1106. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2012.06.003>
- Smith, T.M., & Ingersoll, R.M. (2004). What are the effects of induction and mentoring on beginning teacher turnover? *American Educational Research Journal*, 41(3), 681–714. <https://doi.org/10.3102/00028312041003681>
- Tigchelaar, A., Brouwer, N., & Korthagen, F. (2008). Crossing horizons: Continuity and change during second-career teachers' entry into teaching. *Teaching and Teacher Education*, 24(6), 1530–1550. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2008.03.001>

- Turner, H., Neube, M., Turner, A., Boruch, R., & Ibekwe, N. (2018). What are the effects of Teach for America on Math, English Language Arts, and Science outcomes of K–12 students in the USA? *Campbell Systematic Reviews*, 14(1), 1–60. <https://doi.org/10.4073/csr.2018.7>
- Varlamova, T.A., Gokhberg, L.M., Ozerova, O.K., Portnyagina, O.N., Shkaleva, E.V., & Schugal, N.B. (2023). *Education in figures: 2023: Pocket data book*. HSE ISSEK. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3004-7>
- Varlamova, T.A., Gokhberg, L.M., Zorina, O.A., Kuznetsova, V.I., Ozerova, O.K., Portnyagina, O.N., & Schugal, N.B. (2024). *Education in figures: 2024: Pocket data book*. HSE ISSEK. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3020-7>
- Williams, J., & Forgasz, H. (2009). The motivations of career change students in teacher education. *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*, 37(1), 95–108. <https://doi.org/10.1080/13598660802616435>

Article history:

Received 29 August, 2025

Revised 1 October, 2025

Accepted 7 October, 2025

For citation:

Parshutina, L.A., & Slobodchikov, I.M. (2025). Problems of training and adaptation of non-pedagogical university graduates to teaching activities in the Russian Federation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 756–780. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-756-780> EDN: OEOGRA

Authors' contribution:

Lyudmila A. Parshutina — conceptualization, research design, instrument development, data collection and processing, expert interviews, text writing, project administration. *Ilya M. Slobodchikov* — scientific supervision, development of the theoretical framework, analysis and interpretation of the data, critical analysis and editing of the text.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest

Bio notes:

Lyudmila A. Parshutina, Ph.D. in Pedagogical Sciences, Deputy Director, Head of Laboratory of Psychological Foundations of Didactics and Teaching Methods, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (9/4 Mokhovaya St, Moscow, 119019, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4456-7888; eLibrary SPIN-код: 7775-9256. E-mail: parshutinala@mail.ru

Ilya M. Slobodchikov, Dr. Sci. in Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Global Russian Studies, Ethnic-Oriented Pedagogy and Digital Didactics at the Institute of the Russian Language, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation), Leading Researcher at the Laboratory for Research on Modern Directions of Education Development and Interaction with Pedagogical Universities at the State University of Education (10A/2 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation). ORCID: 0009-0003-7571-8455; eLibrary SPIN-code: 4013-8758. E-mail: il_grant@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-781-794

EDN: OFPCUQ

УДК 37.015.3

Краткое сообщение

Педагогическая модель развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков: разработка и апробация

Ю.Н. Власов , Л.М. Аллахвердиева ✉, В.П. Сморгцова ,
П.А. Ковалев

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация
✉Leila26uz@mail.ru

Аннотация. В современных нестабильных условиях возрастает потребность в разработке педагогических моделей, направленных на развитие и формирование компетенций в области культуры безопасности жизнедеятельности (КБЖ) у детей и подростков. Цель исследования — разработка педагогической модели развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков и оценка эффективности разработанной на ее основе программы. Предлагаемая авторами модель включает целевой, содержательный, процедурный и результативно-оценочный блоки. В эмпирическом исследовании участвовало 750 специалистов из 8 детских оздоровительных лагерей, работающих в качестве вожатых, старших вожатых и педагогов-организаторов. Исследование включало в себя оценку основных компетенций, необходимых для эффективной организации безопасного отдыха детей и подростков и формирования у них КБЖ, до и после освоения специальной педагогической программы. С использованием авторского диагностического инструментария (анкетирование, тестирование, анализ кейсов) была подтверждена эффективность предложенной модели и разработанной на ее основе программы. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для повышения уровня сформированности КБЖ у специалистов организаций детского отдыха. Полученные знания, навыки и умения, в свою очередь, позволят им эффективно транслировать принципы безопасного поведения детям и подросткам, способствуя созданию безопасной и благоприятной среды в учреждениях детского отдыха.

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, детский оздоровительный лагерь, компетенции, специалисты организаций детского отдыха, педагогическая модель, детский отдых

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания в соответствии с приказом Минпросвещения России от 20.03.2025 г. № 220

© Власов Ю.Н., Аллахвердиева Л.М., Сморгцова В.П., Ковалев П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«О включении в государственные задания на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов подведомственным Министерству просвещения Российской Федерации учреждениям работ по проведению прикладных и фундаментальных научных исследований и установлении объема их финансового обеспечения на 2025 год» Федеральным государственным образовательным автономным учреждением высшего образования «Государственный университет просвещения».

Введение

В настоящее время активно развивается техногенная культура (Белл, 2004; Тоффлер, 2002) и помимо положительных моментов, связанных с обеспечением безопасных и комфортных условий жизнедеятельности, по мнению ряда авторов, усиливается глобальный кризис цивилизации (Бьюкенен, 2016; Hayles, 1999). Деятельность мирового сообщества по предотвращению надвигающегося кризиса (Преодолевая пределы роста, 2023) не должна сводиться исключительно к образовательным, организационно-техническим либо нормативно-правовым мероприятиям. Ориентация каждого жителя планеты на защиту окружающей среды и обеспечение безопасности жизнедеятельности должны стать осознанной потребностью. На наш взгляд, решение здесь может быть найдено посредством формирования культуры безопасности жизнедеятельности у подрастающего поколения. Ключевую роль в этом процессе может сыграть научное обоснование выстраиваемой системы, ориентированной на сдерживание угроз и опасностей современного мира (Преодолевая пределы роста, 2023).

Культура безопасности жизнедеятельности (КБЖ) в общем виде может быть определена как способность безопасно пользоваться знаниями и умениями в практической деятельности. Можно утверждать, что культура безопасности жизнедеятельности включает в себя знания, мировоззрение и, как следствие, безопасный тип поведения (Власов, Аллаhverдиева, Сморчкова, 2025).

КБЖ включает три ключевых аспекта (Есипова, Ребко, 2012):

– *безопасность индивида и его окружения* (понимание и соблюдение правил безопасности в повседневной жизни, а также осознание потенциальных угроз и способов их предотвращения);

– *компетенции безопасного поведения* (проявляются через формирование навыков и умений, необходимых для защиты в чрезвычайных ситуациях, что предполагает знание алгоритмов действий, умение применять средства защиты и оказывать первую помощь);

– *минимизация рисков в природной среде и техносфере* (ориентация на снижение негативного воздействия на окружающую среду и человека, что достигается путем соблюдения природоохранных и экологических рекомендаций, а также осознанного выбора безопасных способов взаимодействия с окружающей средой).

С целью системной реализации процесса формирования КБЖ в 2014 г. был утвержден ГОСТ «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура

безопасности жизнедеятельности»¹. В соответствии с этим ГОСТом КБЖ формируется на индивидуальном, коллективном и общественно-государственном уровнях.

Детский отдых, в частности пребывание в летних лагерях, требует особого внимания к формированию КБЖ. В это время у детей больше свободного времени, они менее дисциплинированы и бдительны, что может спровоцировать детский травматизм (Федосов, 2020).

В условиях детского оздоровительного лагеря (ДОЛ) ключевую роль в воспитательном процессе, и в том числе в формировании и поддержании КБЖ у детей и подростков, играют вожатые, старшие вожатые и педагоги-организаторы. Недостаточная подготовка специалистов организаций детского отдыха создает риски возникновения несчастных случаев и травм у воспитанников ДОЛ. Кроме того, неэффективные действия в чрезвычайных ситуациях могут негативно сказаться на репутации этих учреждений.

Причинами проблем с подготовкой специалистов ДОЛ в сфере КБЖ могут являться:

- недостаточное финансирование программ подготовки специалистов организаций детского отдыха;
- отсутствие единых стандартов и требований к подготовке специалистов;
- недостаточное внимание к вопросам формирования КБЖ в учебных программах вузов и колледжей.

В то же время оптимальным образом транслировать те или иные знания и умения для формирования КБЖ у подопечных можно только в том случае, если у вожатого, старшего вожатого или педагога-организатора ДОЛ они уже сформированы (Дрозд, Плаксина, 2019).

С целью осуществления комплексной диагностики компетенций КБЖ у вожатых, старших вожатых и педагогов-организаторов ДОЛ авторским коллективом были обоснованы ключевые компоненты педагогической модели развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков. Авторская педагогическая модель развития компетенций специалистов по организации детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков (Власов, Аллахвердиева, Сморгчкова, 2025; Власов, Ковалев, Сморгчкова, 2025) представлена на рисунке.

Основу рассматриваемой педагогической модели составляют четыре блока:

- *целевой блок* — включает в себя целеполагание модели и ее теоретико-методологические основы, которые базируются, в свою очередь, на междисциплинарном, личностно-деятельностном, аксиологическом и событийном подходах;

¹ ГОСТ Р 22.3.07-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности. Общие положения. Москва : Стандартинформ, 2014. 7 с. URL: <https://kazbekovskiy.ru/wp-content/uploads/2018/04/d4b23fc31f28b6e9df60d62e3f6fcefef.pdf> (дата обращения: 08.05.2025)

– *содержательный блок* — содержит структурные компоненты развития компетенций у специалистов организаций детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков, в том числе с ограниченными возможностями здоровья;

– *процедурный блок* — включает основные способы формирования культуры безопасности жизнедеятельности, подразделяющиеся на две большие группы: с одной стороны, «погружение» в моделируемую среду, с другой стороны — «погружение» в виртуальную среду;

– *результативно-оценочный блок* состоит из комплекса диагностических средств, которые направлены на оценку уровня освоения основ культуры безопасности у специалистов организаций детского отдыха посредством анкетирования, тестирования и решения кейсов в рамках ключевых компетенций.

ЦЕЛЕВОЙ БЛОК			
Теоретико-методологические основы			
Междисциплинарный подход	Личностно-деятельностный подход	Аксиологический подход	Событийный подход
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ БЛОК			
Структурные компоненты развития компетенций у специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков, в том числе с ограниченными возможностями здоровья			
Структурные компоненты культуры безопасности жизнедеятельности			
Нормативно-правовая / Личностная / Организационная / Коммуникативная / Психолого-педагогическая / Технологического-методическая / Культурологическая / Рефлексивно-аналитическая			
Критерии			
Мотивационный	Когнитивный	Деятельностный	
Модули программы «КБЖ: сущность, средства и методы формирования»			
ПРОЦЕДУРНЫЙ БЛОК			
Способы формирования культуры безопасности жизнедеятельности			
«Погружение» в моделируемую среду		«Погружение» в виртуальную среду	
Средства формирования культуры безопасности жизнедеятельности			
Условия формирования культуры безопасности жизнедеятельности			
ОЦЕНОЧНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ БЛОК			
Оценка сформированности культуры безопасности жизнедеятельности			
Первичная		Итоговая	
Уровни сформированности КБЖ специалистов			
Низкий	Средний	Высокий	
Мониторинг динамики сформированности компетенций			
Компетенции			
Нормативно-правовая	Личностная	Организационная	Коммуникативная
Психолого-педагогическая		Технологического-методическая	
Культурологическая		Рефлексивно-аналитическая	
Критерии			
Мотивационный	Когнитивный	Деятельностный	

Педагогическая модель развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков

Источник: подготовлено В.П. Сморгочевой на основе: Власов, Аллахвердиева, Сморгочкова, 2025; Власов, Ковалев, Сморгочкова, 2025.

TARGET UNIT			
Theoretical and methodological foundations			
Interdisciplinary approach	Personality-activity approach	Axiological approach	Event-driven approach
CONTENT UNIT			
Structural components of competences required for specialists in children’s recreational institutions to develop a culture of life safety in children and adolescents, including those with disabilities			
Life Safety Culture (LSC) structural components			
Regulatory and legal / Personal / Organizational / Communicative / Psychological and pedagogical / Technological and methodological / Cultural / Reflexive and analytical			
Criteria			
Motivational	Cognitive	Activity-based	
Modules of the program “LSC: Essence, methods and techniques of development”			
PROCEDURAL UNIT			
LSC development methods			
Immersion in a simulated environment		Immersion in a virtual environment	
LSC development techniques			
LSC education conditions			
PERFORMANCE ASSESSMENT UNIT			
LSC development assessment			
Primary		Final	
Specialists’ LSC development levels			
Low	Average	High	
Competence development dynamics monitoring			
Competences			
Regulatory and legal	Personal	Organizational	Communicative
Psychological and pedagogical		Technological and methodological	
Cultural		Reflexive and analytical	
Criteria			
Motivational	Cognitive	Activity-based	

Pedagogical model for developing the competences of specialists at children’s recreation organizations in developing healthy lifestyle habits in children and adolescents

Source: compiled by Valentina P. Smorchkova based on: Vlasov, Allahverdiyeva, & Smorchkova, 2025; Vlasov, Kovalev, & Smorchkova, 2025.

На основе представленной модели авторским коллективом была разработана программа, ориентированная на специалистов организаций детского отдыха (вожатые, старшие вожатые и педагоги-организаторы, а также руководители ДОЛ и иных учреждений детского отдыха). Данная программа разработана для повышения следующих компетенций, необходимых для эффективной организации безопасного отдыха детей и подростков и формирования у них КБЖ: нормативно-правовых, личностных, организационных, коммуникативных, психолого-педагогических, технолого-методических, культурологических и аналитико-рефлективных.

Цель эмпирического исследования — апробация педагогической модели развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков и оценка эффективности разработанной на ее основе программы.

Процедура и методы исследования

Процедура

Процедура эмпирического исследования включала в себя *три основных этапа*:

1) определение уровня подготовленности специалистов организаций детского отдыха в области формирования КБЖ у детей и подростков с помощью специального инструментария, разработанного на основе предложенной педагогической модели;

2) реализация педагогической программы, направленной на развитие у специалистов восьми компетенций, необходимых для эффективной организации безопасного отдыха детей и подростков и формирования у них КБЖ;

3) оценка успешности освоения предложенной программы в результате повторной диагностики.

Исследование проводилось в июле-августе 2025 г.

Участники

Было опрошено 750 респондентов (42 % — мужчины и 58 % — женщины) из 8 ДОЛ (в том числе ДОЛ «Мир на озере», находящийся в Богородском городском округе Московской области, ДОЛ «БэстФрендс», находящийся в городском округе Мытищи Московской области, ДОЛ «Дельфин.ру», находящийся в Новороссийском районе Краснодарского края и ряд других). Опрошенные работали в должности вожатых (64 %), старших вожатых (22 %) и педагогов-организаторов (14 %). Основная часть респондентов (81 %) имеет стаж педагогической работы 1–2 года, 10 % — стаж три и более лет, 9% — не имели педагогического стажа на момент исследования.

Методы и методики

Авторами был разработан диагностический инструментарий для оценки уровня сформированности у организаторов детского отдыха восьми ключевых компетенций, ориентированных на формирование у детей и подростков, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, культуры безопасности жизнедеятельности. Инструментарий включает в себя анкетирование (72 открытых и закрытых вопроса), педагогическое тестирование с возможностью выбора правильного ответа/ответов (32 задания с 5-6 вариантами ответа) и анализ кейсов (по каждой из выявляемых компетенций по 2–3 кейса), которые представляли собой рассмотрение предлагаемых реальных или гипотетических ситуаций и обоснование их решения (пример кейса приведен в Приложении).

Для анализа полученных данных использовался частотный анализ, контент-анализ, сравнительный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью авторского диагностического инструментария (анкетирование, тестирование, анализ кейсов) было выявлено, что из 750 специалистов детского отдыха 86 человек (11,5 %) показали

высокий уровень, 531 человек (70,7 %) — средний уровень и 133 человека (17,8 %) — низкий уровень развития ключевых компетенций, ориентированных на формирование у детей и подростков КБЖ.

На втором этапе те участники комплексного исследования, которые показали высокий уровень сформированности КБЖ, получили возможность по своему усмотрению осваивать или не осваивать предложенную педагогическую программу, направленную на развитие у специалистов основных компетенций, необходимых для эффективной организации безопасного отдыха детей и подростков и формирования у них КБЖ. Всем остальным, кто показал средний или низкий уровни сформированности указанных компетенций, было рекомендовано изучить материал, представленный и систематизированный в программе.

На третьем этапе исследования, после освоения участниками материалов программы, было проведено повторное диагностическое исследование. Результаты значительно улучшились: высокий уровень сформированности компетенций показали 60,7 %, средний — 34,9 %, низкий — только 4,4 % участников этого этапа диагностики

Рассмотрим более подробно динамику ответов на те вопросы анкеты, которые на первом этапе исследования отразили определенные проблемы в сформированности основных изучаемых компетенций (таб.).

Сравнительный анализ результатов первичной и итоговой диагностики с помощью *анкетирования* выявил ряд ключевых моментов:

- выстроенный набор компетенций является достаточным для оценки уровня сформированности КБЖ;
- наблюдается общий интерес к вопросам формирования КБЖ у специалистов организаций детского отдыха;
- фиксируется значительное улучшение показателей после ознакомления с материалами модулей разработанной педагогической программы.

Сравнение ответов на вопросы анкеты относительно сформированности основных изучаемых компетенций у специалистов ДОЛ на этапах первичной и итоговой диагностики, % / Comparison of the responses to the questions regarding the main studied competences developed in the specialists of children's health camps at the stages of primary and final diagnostics, %

Варианты ответа / Answer options	Первичная диагностика / Primary diagnostics	Итоговая диагностика / Final diagnostics
Нормативно-правовая компетенция: «Способны ли Вы сформировать у детей и подростков навыки по соблюдению норм и правил поведения в спальных корпусах и иных помещениях детского лагеря?» / Regulatory and legal competence: "Are you able to develop in children and adolescents the skills in observing norms and rules of conduct in dormitories and other premises of the children's camp?"		
Да / Yes	27	69
Нет / No	18	9
Отчасти / Partly	55	22
Личностная компетенция: «Сумеете ли Вы убедить детей и подростков верить в свои силы для адекватного принятия решений в опасных ситуациях?» / Personal competence: "Will you be able to convince children and teenagers to believe in themselves to make adequate decisions in dangerous situations?"		
Да / Yes	36	71
Нет / No	27	11
Отчасти / Partly	37	18

Окончание табл. / Table, ending

Варианты ответа / Answer options	Первичная диагностика / Primary diagnostics	Итоговая диагностика / Final diagnostics
Культурологическая компетенция: «Способны ли Вы сформировать у детей и подростков осознанное понимание личной и общественной значимости этических основ безопасности жизнедеятельности?» / <i>Cultural competence: "Are you able to develop in children and adolescents a conscious understanding of the personal and social significance of the ethical foundations of life safety?"</i>		
Да / Yes	23	73
Нет / No	29	10
Отчасти / Partly	48	17
Организационная компетенция: «Способны ли Вы обучить детей и подростков умению совершать практические действия в случаях аварийных и опасных ситуаций?» / <i>Organizational competence: "Are you able to teach children and teenagers the ability to perform practical actions in emergency and dangerous situations?"</i>		
Да / Yes	29	70
Нет / No	24	9
Отчасти / Partly	47	21
Психолого-педагогическая компетенция: «Способны ли Вы оказать своевременную помощь детям и подросткам в решении их индивидуальных проблем, связанных с формированием культуры безопасности жизнедеятельности?» / <i>Psychological and pedagogical competence: "Are you able to provide timely assistance to children and adolescents in solving their individual problems related to the formation of life safety culture?"</i>		
Да / Yes	25	66
Нет / No	19	13
Отчасти / Partly	56	21
Коммуникативная компетенция: «Владеете ли Вы конструктивными способами взаимодействия с детьми, навыками выбора тактики и стиля общения в зависимости от ситуации?» / <i>Communicative competence: "Do you have constructive ways of interacting with children, and the skills to choose tactics and communication style depending on the situation?"</i>		
Да / Yes	17	69
Нет / No	24	11
Отчасти / Partly	59	20
Технологическая компетенция: «Вы умеете применять здоровьесберегающие технологии в процессе формирования культуры безопасности жизнедеятельности детей и подростков?» / <i>Technological and methodological competence: "Do you know how to apply health-preserving technologies in the process of developing life safety culture in children and adolescents?"</i>		
Да / Yes	15	67
Нет / No	39	10
Отчасти / Partly	46	23
Рефлексивно-аналитическая компетенция: «Вы способны развить у детей и подростков познавательный интерес к осознанной оценке своих действий в условиях чрезвычайных ситуаций?» / <i>Reflective-analytical competence: "Are you able to develop in children and adolescents a cognitive interest in consciously assessing their actions in emergency situations?"</i>		
Да / Yes	24	69
Нет / No	28	14
Отчасти / Partly	48	17

Главная задача *тестирования* заключалась в конкретизации тех разделов программы, которые вызвали наибольшие проблемы по результатам анкетирования. Тест считался успешно пройденным, если правильные ответы составляли 70 %. В общем виде результаты тестирования подтвердили эффективность разработанной программы для специалистов детских оздоровительных лагерей в области формирования у детей и подростков, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, КБЖ. До освоения программы успешно справились с тестированием только 62,3 % участников, после освоения программы — 87,4 %.

Анализ педагогических кейсов на первом диагностическом этапе исследования вызвал больше всего затруднений у участников исследования: только 10,52 % решили задания полностью, 64,1 % — решили частично, 25,7 % — не справились с заданиями. Однако после освоения модулей педагогической программы результаты значительно улучшились: полностью справились с анализом кейсов 57,3 % участников, частично — 35,9 %, не решили — 6,8 %.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сделать вывод, что предлагаемая педагогическая модель и разработанная на ее основе программа развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков приводит к более высокому уровню сформированности соответствующих компетенций.

Заключение

В современных условиях возрастает потребность в совершенствовании педагогических моделей, способных обеспечить комплексное развитие компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков.

Результаты исследования подтверждают, что реализация педагогической программы развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков способствует формированию определенных условий, ориентированных на рост значимых компетенций у специалистов, что подтверждает перспективность спроектированной педагогической модели и правомерность ее дальнейшей апробации для повсеместного применения в практической деятельности ДОЛ.

Список литературы

- Аллахвердиева Л.М., Ковалев П.А.* Развитие профессиональных компетенций в сфере формирования культуры безопасности жизнедеятельности у специалистов-организаторов детского отдыха в период летнего отдыха // Высшая школа: научные исследования : материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 18 сентября 2025 г.). / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. Москва : Изд-во Инфинити, 2025. С. 101–104. <https://doi.org/10.34660/INF.2025.20.44.011> EDN: KBWORF
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Москва : Academia, 2004. 788 с. EDN: QOCVVP
- Бьюкенен П.* Самоубийство сверхдержавы. Москва : Изд-во АСТ, 2016. 640 с.
- Власов Ю.Н., Аллахвердиева Л.М., Сморгочова В.П.* Средства и методы формирования культуры безопасности жизнедеятельности среди детей и подростков в условиях детского оздоровительного лагеря // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства : сборник статей и материалов / сост. С.С. Наседкина; общ. ред. Е.А. Куштым. Челябинск : ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского», 2025. С. 57–61. EDN: QCMMMK
- Власов Ю.Н., Ковалев Д.В., Сморгочова В.П.* Актуальные вопросы методологии формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков в период детского отдыха // Роль социальных практик в формировании мировоззрения :

сборник материалов Международной науч.-практ. конф. (Курск, 10-11 июня 2025 г.); под ред. В.А. Липатова, Т.А. Шульгиной, Е.П. Непочатых. Курск : КГМУ, 2025. С. 56–61. EDN: [YPWNQM](#)

Дрозд К.В., Плаксина И.В. Педагогическая деятельность водителя : теория и практика : учебно-методическое пособие. Владимир : ВлГУ, 2019. 472 с.

Есипова А.А., Ребко Э.М. Культура безопасности жизнедеятельности как интегральное качество личности // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2012. № 5. С. 1803. EDN: [PXMRZR](#)

Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба : монография / под ред. В.А. Садовниченко. Москва : Изд-во Московского университета, 2023. 99 с.

Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Москва : Изд-во АСТ, 2001. 560 с. EDN: [TJMNJRJ](#)

Федосов Г.Г. Подготовка водителей к работе в детском оздоровительном лагере : учебно-методическое пособие. Москва : МГТУ им. Баумана, 2020. 57 с.

Hayles N.K. How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics. Chicago, IL : The University of Chicago Press, 1999. 350 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226321394.001.0001>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример кейса

«Среди ребят вашего отряда есть ребенок, который невнимателен, излишне активен, ему крайне трудно усидеть на одном месте при этом он еще и задирается, и норовит убежать куда-нибудь».

Задание:

- 1) определите причину такого поведения ребенка;
- 2) оцените, какие психологические особенности может иметь такой ребенок;
- 3) опишите Ваши действия в данной ситуации.

Решение кейса

1. Определение причин такого поведения ребенка

Причиной могут быть возрастные особенности, что является нормой поведения для некоторых возрастов. Также у ребенка могут быть трудности с концентрацией внимания, что может указывать на возможный диагноз СДВГ. Ребенок может испытывать стресс или тревогу, что также может проявляться в чрезмерной активности. Возможно, у ребенка есть проблемы в общении с другими детьми, что приводит к попыткам привлечь внимание через задиранье или бегство.

Итак, в качестве причин могут быть определены:

- возрастные особенности;
- трудности с концентрацией внимания;
- диагноз СДВГ;
- состояние стресса или тревоги;
- проблемы в общении с другими детьми.

2. Оценка психологических особенностей, которые может иметь такой ребенок

Ребенок может иметь такие психологические особенности, как: гиперактивность (проявляется в невозможности усидеть на месте, постоянном движении и необходимости заниматься физической активностью); нарушение внимания, трудности с концентрацией на заданиях или играх, быстрое переключение внимания с одного объекта на другой; склонность действовать без предварительного обдумывания последствий, импульсивность. Возможны трудности во взаимодействии со сверстниками, что может приводить к конфликтам или изоляции.

3. Действия специалиста организаций отдыха детей в данной ситуации:

- 1) внимательно наблюдать за поведением ребенка, чтобы понять триггеры его активности и задирааний. Это поможет выявить возможные причины поведения;
- 2) установить четкие правила и распорядок дня. Это поможет ребенку понимать ожидания и снизить уровень беспокойства;
- 3) проявить индивидуальный подход: постараться найти подходящие занятия, которые будут интересны ребенку и позволят ему выплеснуть свою энергию конструктивным образом (например, физические игры, спортивные мероприятия);
- 4) провести беседу с родителями ребенка, чтобы обсудить наблюдения и возможности получения дополнительной поддержки;
- 5) включить в программу лагеря занятия, направленные на развитие социальных навыков, умения работать в команде и управлять эмоциями;
- 6) оказывать ребенку поддержку и внимание, чтобы он чувствовал себя принятым и защищенным. Это может снизить его потребность в привлечении внимания через негативное поведение;
- 7) если поведение ребенка вызывает серьезные опасения, рекомендуется обратиться за консультацией к специалисту (психологу или педагогу), который сможет предложить дополнительные стратегии работы с ребенком.

Общая рекомендация: необходимо пристальнее наблюдать за ребенком, понимая, что он может выдать неадекватную реакцию на опасность.

История статьи:

Поступила в редакцию 20 августа 2025 г.

Доработана после рецензирования 15 сентября 2025 г.

Принята к печати 17 сентября 2025 г.

Для цитирования:

Власов Ю.Н., Аллахвердиева Л.М., Сморгчова В.П., Ковалев П.А. Педагогическая модель развития компетенций специалистов организаций детского отдыха в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности у детей и подростков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 781–794. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-781-794> EDN: OFPCUQ

Вклад авторов:

Ю.Н. Власов — концепция и дизайн исследования, анализ данных, написание и редактирование текста. *Л.М. Аллахвердиева* — теоретический анализ источников, анализ данных, написание и редактирование текста. *В.П. Сморгчова* — концепция исследования, написание и редактирование текста, визуализация модели. *П.А. Ковалев* — администрирование проекта, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Власов Юрий Николаевич, доктор технических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и методики обучения, Государственный университет просвещения (Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2). ORCID: 0000-0002-4274-8493; eLibrary SPIN-код: 8799-9271. E-mail: iun.vlasov@guppros.ru

Аллахвердиева Лейла Мадат кызы, доктор экономических наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности и методики обучения, Государственный университет просвещения (Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2). ORCID: 0000-0001-9470-5957; eLibrary SPIN-код: 2474-9787. E-mail: Leila26uz@mail.ru

Сморчкова Валентина Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности и методики обучения, Государственный университет просвещения (Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2). ORCID: 0000-0002-6123-9168; eLibrary SPIN-код: 57586417; Web of Science ResearcherID: AАН94992020; Scopus AuthorID: 57208034919. E-mail: valenta-sm@rambler.ru

Ковалев Павел Александрович, кандидат психологических наук, декан факультета безопасности жизнедеятельности, Государственный университет просвещения (Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2). ORCID: 0000-0002-0898-8434; eLibrary SPIN-код: 6042-1086. E-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-781-794

EDN: OFPCUQ

UDC 37.015.3

Brief research report

A Pedagogical Model for Developing Competences Required for Specialists in Children’s Recreational Institutions to Foster Life Safety Culture in Children and Adolescents: Designing and Testing

Yuri N. Vlasov^{id}, **Leila M. Allakhverdieva**^{id}✉, **Valentina P. Smorchkova**^{id}, **Pavel A. Kovalev**^{id}

State University of Education, *Moscow, Russian Federation*

✉Leila26uz@mail.ru

Abstract. Current unstable conditions increasingly require that educators possess the competences necessary to develop life safety culture (LSC) in children and adolescents. The purpose of this study is to create a pedagogical model for developing such competences in specialists working in children’s recreational organizations and to assess the performance of the program based on it. The model proposed by the authors includes target, content, procedural, and performance-assessment units. The empirical study involved 750 specialists from 8 children’s health camps, working as counselors, senior counselors and teacher-organizers. The procedure included an assessment of the participants’ core competences necessary for effectively organizing safe recreation for children and adolescents, thereby developing LSC in them, before and after completing a special educational program. Using their own diagnostic tools (questionnaires, testing, and case analysis), the authors confirmed the performance of the proposed model and the program developed based on it. The results obtained during the study can be used to improve the LSC competences among specialists working in children’s recreational organizations. The acquired knowledge, skills and abilities, in turn, will enable them to effectively communicate safety principles to children and adolescents, contributing to the creation of a safe and supportive environment in children’s recreational institutions.

Key words: life safety culture, children’s health camp, competences, specialists of children’s recreational institutions, pedagogical model, children’s recreation

Funding. The study was carried out by the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “State University of Education” as part of the implementation of the state assignment in accordance with the order of the Ministry of Education of Russia

dated March 20, 2025 No. 220 “On including in the state assignments for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027 by institutions subordinate to the Ministry of Education of the Russian Federation work on conducting applied and fundamental scientific research and on establishing the volume of their financial support for 2025”.

References

- Allakhverdieva, L.M., & Kovalev, P.A. (2025). The development of professional competencies in the field of forming a culture of life safety among specialists who organize children’s recreation during the summer holidays. *Higher school: scientific research. Congress Proceedings* (pp. 101–104). Moscow: Infiniti Publ. (In Russ.). <https://doi.org/10.34660/INF.2025.20.44.011>
- Bell, D. (2004). *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. Moscow: Academia Publ. (In Russ.).
- Buchanan, P. (2016). *Suicide of a superpower: Will America survive to 2025?* Moscow: AST Publ. (In Russ.).
- Drozd, K.V., & Plaksina, I.V. (2019). *Pedagogical activity of a camp counselor: Theory and practice*. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs. (In Russ.).
- Esipova, A.A., & Rebko, E.M. (2012). Culture of health and safety as integrated quality of the personality. *The Emissia. Offline Letters*, (5), 1803. (In Russ.).
- Fedosov, G.G. (2020). *Training camp counselors to work at a children’s health camp*. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publ. (In Russ.).
- Hayles, N.K. (1999). *How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226321394.001.0001>
- Sadovnichy, V.A. (Ed.). (2023). *Overcoming the limits to growth. Main provisions of the report for the Club of Rome*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
- Toffler, A. (2001). *Future shock*. Moscow: AST Publ. (In Russ.).
- Vlasov, Yu., Allakhverdieva, L., & Smorchkova, V. (2025). Means and methods of formation life safety culture among children and adolescents in a children’s health camp. *Meanings, values, norms in the existence of man, society, state. Conference Proceedings* (pp. 57–61). Chelyabinsk: South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky. (In Russ.).
- Vlasov, Yu.N., Kovalev, D.V., & Smorchkova, V.P. (2025). Current issues of methodology for the formation of a culture of life safety among children and adolescents during children’s recreation. *The role of social practices in shaping worldview. Conference Proceedings* (pp. 56–61). Kursk: Kursk State Medical University. (In Russ.).

Article history:

Received 20 August, 2025

Revised 15 September, 2025

Accepted 17 September, 2025

For citation:

Vlasov, Yu.N., Allakhverdieva, L.M., Smorchkova, V.P., & Kovalev, P.A. (2025). A pedagogical model for developing competences required for specialists in children’s recreational institutions to foster life safety culture in children and adolescents: Designing and testing. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 781–794. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-781-794> EDN: OFPCUQ

Authors' contribution:

Yuri N. Vlasov — conceptualizing and designing the study, data analysis; *Leila M. Allakhverdieva* — theoretical analysis of sources, data analysis, text writing and editing; *Valentina P. Smorchkova* — conceptualizing the study, text writing and editing, visualizing the model; *Pavel A. Kovalev* — project administration, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Yuri N. Vlasov, Dr. Sci. in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Life Safety and Teaching Methods, State University of Education (10A/2 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4274-8493; eLibrary SPIN-code: 8799-9271. E-mail: iun.vlasov@guppros.ru

Leila M. Allakhverdieva, Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Teaching Methods, State University of Education (10A/2 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9470-5957; eLibrary SPIN-code: 2474-9787. E-mail: Leila26uz@mail.ru

Valentina P. Smorchkova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Life Safety and Teaching Methods, State University of Education (10A/2 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6123-9168; eLibrary SPIN-code: 5758641; Researcher ID: AAH-94992020; Scopus ID: 57208034919. E-mail: valenta-sm@rambler.ru

Pavel A. Kovalev, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Life Safety, State University of Education (10A/2 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0898-8434; eLibrary SPIN-code: 6042-1086. E-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-795-806

EDN: NQMGM1

УДК 159.99

Биографическая статья

Вера Зигель — сильная женщина в роковые времена: к 140-летию со дня рождения

В.Ю. Слабинский

Петербургская школа психотерапии и психологии отношений, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
✉ slabinsky@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 140-летию Веры Самойловны Зигель (18.11.1885–20.06.1934) — доктора медицины Лозаннского университета, главного врача Петроградского Клинического психотерапевтического института, автора метода «ортопедии отношений», базирующегося на концепции «отношение». Раскрыты основные этапы становления ученого: зарубежное обучение в Швейцарии и Франции, обучение в России в Женском медицинском институте; работа главным врачом и разработка собственного психотерапевтического метода.

Ключевые слова: история психотерапии, психология отношений, Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа психотерапии, Бехтерев, Лазурский, Зигель, Мясищев, Фрейд, ортопедия отношений, военный невроз, посттравматическое стрессовое расстройство

Введение

Изучение истории любой науки позволяет увидеть эволюцию научного познания и тем самым лучше понять методологию. При этом важно, что история науки определяется не только хронологией конкретных открытий, но и вкладом отдельных личностей в формирование научных школ. В истории отечественной психологии и психотерапии до сих пор существуют белые пятна и фигуры умолчания. Так, совершенно незаметно для широкой научной общественности прошел год 140-летия со дня рождения выдающегося психолога и психотерапевта Веры Самойловны Зигель, внесшей значимый вклад не только в методологию Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии, но и в становление таких важных и актуальных в настоящее время научно-практических тем, как психология посттравматического стресса и психотерапия комбатантов.

© Слабинский В.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Рис. 1. Вера Самойловна Зигель (1885–1934 гг.)

Источник: личный архив В. Ю. Слабинского.

Figure 1. Vera S. Sigel (1885–1934)

Source: V.Yu. Slabinsky's personal archive.

Вера Самойловна (Самуиловна) Зигель (в девичестве Сокольская) (18.11.1885–20.06.1934) — доктор медицины Лозаннского университета, главный врач Петроградского Клинического психотерапевтического института, автор метода «ортопедии отношений», базирующегося на концепции «отношение». Ученица А.Ф. Лазурского, В.М. Бехтерева, Ж. Дежерина.

В то же время справедливым будет отметить, что по инициативе академика РАН А.Л. Журавлева последние годы проводятся научные исследования в области истории психологии с целью воссоздания во многом прерванной преемственности отечественной научной традиции (Южанинова, 2023, с. 43).

Путь в профессию: обучение в Швейцарии и Франции

В.С. Зигель родилась в Керчи Таврической губернии. Главным активом ее отца купца первой гильдии Самуила Сокольского была доля в основанной в 1883 г. паровой мельнице «Виктории», поэтому семья жила в достатке, но небогато (Марциновский, 2017). Так, например, с гимнастической скамьи мечтавшая стать врачом Вера Самойловна смогла осуществить свою мечту только благодаря замужеству и на средства своего мужа. Дело в том, что в Российской империи женщинам было запрещено получать высшее медицинское образование, из-за чего будущим женщинам-врачам приходилось учиться за рубежом. Большая часть русских девушек выбирала Швейцарию, где законы позволяли совместное университетское обучение мужчин и женщин. К тому же обучение в этой стране было относительно недорогим. В результате в начале 1880-х гг. только в Берне из 150 студентов медицинского факультета — 75 были русские девушки (Эндерлайн, 2001).

В своей автобиографии Вера Самойловна указала, что после окончания гимназии в 1901 г., она еще два года проживала с родителями и систематически под руководством старших братьев занималась самообразованием «главным образом по общественно экономическим дисциплинам, биологии, философии и психологии»¹. Эти науки были ей особо интересны на протяжении всей жизни. Вера Самойловна в совершенстве владела французским и немецким языками, поэтому в 1903 г. для своего обучения она выбрала медицинский факультет Лозаннского университета, где сразу же проявила интерес к психоневрологии и психотерапии. Начиная с третьего курса, т.е. «с начала клинических занятий, работала в психиатрической больнице и университетской клинике»².

¹ Зигель В.С. Автобиография. 1927 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4301. Оп. 4. Д. 1183. С. 11.

² Там же.

В 1908 г. у В.С. Зигель в Санкт-Петербурге родился старший сын Александр. Рождение ребенка не помешало В.С. Зигель успешно окончить в 1909 г. университет. После этого она в течение года работала над диссертацией «К вопросу о смешанном эфирно-хлороформенном наркозе», которую успешно защитила с присуждением научного звания доктора медицины Лозаннского университета³.

Далее В.С. Зигель переехала в Париж, где в течение трех лет стажировалась по психиатрии, нервным болезням и психотерапии в клинике Сальпетриер у последователей и учеников основателя неврологии профессора Ж.-М. Шарко — профессора Жозефа Бабинского (1857–1932), профессора Пьера Мари (1953–1940), а также у профессора Жюля Дежерина (1849–1917), который в эти годы разрабатывал собственный психотерапевтический метод, описанный им в книге «Психоневрозы и их лечение с помощью психотерапии» (Déjerine, Gauckler, 1915).

Ведущим фактором психотерапии Ж. Дежерин признавал благотворное влияние одной личности на другую, исходя из чего подчеркивал важность постоянного эмоционального взаимодействия между врачом и пациентом (Déjerine, Gauckler, 1915). Данная идея до сих пор является базовой для концепции личностно-ориентированного подхода в психотерапии. Ж. Дежерин одним из первых показал большое значение переживаний и чувств психотерапевта в исцелении пациента. Необходимо отметить, что Ж. Дежерин концептуально противопоставлял свой метод рациональной психотерапии Поля Дюбуа, а в практической деятельности особое значение придавал эмоциональным факторам и атмосфере доверия, поддержки со стороны психотерапевта, что привело его к открытию важности здоровья самого психолога.

Кроме психоневрологии и психотерапии в эти годы В.С. Зигель изучала терапию в клинике профессора Фернана Видаля (1862–1929) и прошла специальный курс по физиологической химии и бактериологии при Парижском медицинском факультете⁴.

В 1912 г. в Женеве у В.С. Зигель родился второй сын — Владимир Алексеевич Зигель. После рождения второго ребенка она решила вернуться в Россию. Таким образом, к 28 годам В.С. Зигель получила блестящее европейское медицинское образование со специализацией в психоневрологии и психотерапии.

Становление ученого: обучение у А.Ф. Лазурского и В.М. Бехтерева

Имея диплом доктора медицины Лозаннского университета, В.С. Зигель, тем не менее, не имела права работать врачом на территории Российской империи, поэтому по возвращении в Россию в 1913 г. она прослужила ряд курсов и через год сдала 25 экзаменов в Женском медицинском институте, после чего получила российский диплом «женщина-лекарь» с отличием (рис. 2).

³ Зигель В.С. Автобиография. 1927 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4301. Оп. 4. Д. 1183. С. 11об.

⁴ Там же.

Рис. 2. Первый курс Женского медицинского института, 1913 г.
(В.С. Зигель — третья слева в первом ряду, В.М. Бехтерев — третий справа в первом ряду)
Источник: личный архив В.Ю. Слабинского.

Figure 2. First year of the Women's Medical Institute, 1913 (Vepa S. Siegel is third from the left in the front row, Vladimir M. Bekhterev is third from the right in the front row)
Source: V.Yu. Slabinsky's personal archive.

Важно, что уже в 1912 г. в докладной записке в совет Женского медицинского института А.Ф. Лазурский констатировал завершение формирования курса «медицинской психологии», а в 1913 г. данная программа была реализована (Слабинский, 2024). На лекциях А.Ф. Лазурский знакомил студенток со своими идеями в области психологии (уровневая теория личности, концепция «отношение») и психодиагностики (естественный эксперимент). Принимал экзамены по нервным болезням, психиатрии и психологии В.М. Бехтерев (Слабинский, 2024). Еще будучи студенткой Женского медицинского института, В.С. Зигель прониклась идеями А.Ф. Лазурского и В.М. Бехтерева и стала последовательницей этих великих ученых.

Появление уровневой теории личности А.Ф. Лазурского стало важным фактором в контексте происходящей в то время под лозунгом «от методов воздействия — к методам взаимодействия» мировой психотерапевтической революции (Слабинский, 2024). На смену гипнозу и внушению приходили личностно-ориентированные психотерапевтические методы. В западной исторической традиции данную революцию принято связывать с появлением психоанализа Зигмунда Фрейда, между тем научная справедливость требует подчеркнуть, что личностно-ориентированная революция в психотерапии носила объективный характер. Кроме того, А.Ф. Лазурский не просто скопировал наработки коллег по психологическому цеху, ему удалось много больше — ввести системообразующий фактор — концепцию «отношение» (Слабинский, 2024).

После начала Первой Мировой войны Обуховская и Петропавловская больницы были переданы Психоневрологическому институту, в них были развернуты койки для лечения военного невроза у участников боевых действий (Слабинский, 2016). В.С. Зигель стала одним из врачей-психотерапевтов, работающих с данным контингентом больных. Дополнительно с 1916 по 1919 г. она работала под руководством видного психиатра — профессора Петра Александровича Останкова (1867–1949) в городском лазарете им. генералиссимуса Жоффра⁵.

Необходимо отметить, что лечение военного невроза в те годы было передовым краем медицинской науки. Акцент делался на гипотезах, базирующихся на принципах первичности соматических факторов в рамках концепции «физионевроза», наиболее известной из которых был синдром «солдатского сердца» Джейкоба Да Коста (Lewis, 1920; Neuhof, 1919). Особенностью клинической картины данного расстройства были необъяснимые жалобы, включающие одышку, сердцебиение, жгучие боли в груди, слабость, диарею, головную боль, головокружение и нарушения сна. Проблема приобрела особенную актуальность из-за снижения боеспособности европейских армий. Так, по официальным данным британской армии, до 31 мая 1916 г. были признаны инвалидами в связи с болезнями сердца и уволены с военной службы 33919 солдат и матросов, среди них 7,4 % составили больные с синдромом «солдатского сердца» (Котляров, 2016, с. 129).

Важной вехой стало введение в 1910 г. сотрудником Ливерпульского медицинского института Томасом Глинном термина «стресс» (Слабинский, 2016). Он предлагал применять понятие стресс к группе патологических состояний, называвшихся травматическими неврозами (позднее, в 80-х гг. XX в. — посттравматические стрессовые расстройства). Т. Глинн считал, что имеет место следующая последовательность событий: травма приводит к развитию стресса, который, в свою очередь, способствует появлению у предрасположенных лиц невротических симптомов (Слабинский, 2016, с. 82).

В 1917 г. британский ученый Томас Левис предложил использовать новый термин: «синдром усилия», так как заметил, что переутомление является частой причиной возникновения стрессовых симптомов (Lewis, 1920). Профессор Селиан Нейхоф в 1919 г. в статье «Раздраженное сердце в общей практике» показал, что данный синдром наблюдается и в гражданской жизни (Neuhof, 1919). Таким образом, к 1919 г. сложилась тенденция рассматривать военные синдромы как совокупность соматических, психических и социальных процессов.

Приобретенный за четыре года практический опыт сделал В.С. Зигель специалистом в области психологической помощи и психотерапии комбатантов. Поэтому неслучайно, что, когда в 1919 г. в Петрограде по инициативе В.М. Бехтерева был организован Клинический психотерапевтический институт, В.С. Зигель была привлечена к работе в качестве клинического ординатора, а в 1920 г. была назначена на должность главного врача данного института.

⁵ Зигель В.С. Автобиография. 1927 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4301. Оп. 4. Д. 1183. С. 11об.

В ходе работы в архиве Научно-технической документации Петербурга нами был обнаружен фонд Клинического психотерапевтического института⁶. В исторической справке к фонду № 175 ЦГАНТД СПб написано, что «Клинический психотерапевтический институт был образован в мае 1919 г. из госпиталя для психоневротиков Северного района Красного Креста № 5 и до окончания Гражданской войны на 90 % обслуживал Красную армию». Институт являлся специализированным лечебным учреждением, так как «из всех болезней нервной системы в нем лечили одни психоневрозы (истерия, неврастения, психоастения, травматический невроз и другие функциональные расстройства нервной системы). Институт имел двойное подчинение. В научном плане находился в ведении Наркомпроса РСФСР (20 ставок), а в лечебно-хозяйственном отношении подчинялся Петроградскому горздравотделу (29 ставок). Фонд № 175 не закаталогизирован и не микрофильмировался»⁷. В стационарное и амбулаторное отделения принимались лица, пострадавшие на фронтах Гражданской войны. Больные поступали со всей России, особенно из Петроградской, Псковской, Нижегородской, Ярославской, Могилевской, Смоленской губерний.

Несколько раз менялось название учреждения:

- с 1919 по 1924 гг.: Клинический психотерапевтический институт;
- с 1924 по 1926 гг.: Психотерапевтический Институт;
- с 1927 г.: Психотерапевтическая больница.

«Ортопедия отношений» В.С. Зигель — этап развития Ленинградской школы психотерапии

Первоначально феномен посттравматического стресса планировалось изучать и лечить с позиций психоанализа, поэтому научным руководителем института назначили психоаналитика Арона Борисовича Залкинда (1889–1936), ученика Альфреда Адлера (Алексеев, 2002), соответствующим был и подбор кадров — все были психоаналитиками. Фигурируют такие фамилии, как Фирштенберг Софья Григорьевна, Певзнер Иосиф Семенович, Воеводский Владислав Стефанович, Гордон Мария Борисовна, Картавцев Сергей Сергеевич, Аллегри Ольга Орестовна, Ковшарова Татьяна Вадимовна (Алексеев, 2002). Однако в 1920 г. А.Б. Залкинд переехал в Москву (Слабинский, 2025) и главным врачом института была назначена В.С. Зигель⁸.

Новая должность потребовала новых знаний, по этой причине в 1920–1921 гг. В.С. Зигель прошла дополнительное обучение в Петроградском университете на факультете общественных наук. Об успешности работы В.С. Зигель как руководителя института свидетельствует сухая медицинская

⁶ Психотерапевтическая больница Ленинградского областного отдела здравоохранения. Ленинград. 1919–1928 // Центральный государственный архив научно-технической документации (ЦГАНТД СПб) Ф. Р-175. Д.11, 12.

⁷ Дмитриева Л.И. Историческая справка из архива. 2016 // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). С. 1.

⁸ Зигель В.С. Автобиография. 1927 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4301. Оп. 4. Д. 1183. С. 12.

статистика. На 1920 г. было 100 обращений в месяц, а на 1925-й — уже 300 обращений в месяц. Кроме того, в 1924 г. В.С. Зигель организовала санатории для нервно-больных «Орлино» и «Красный маяк»⁹.

Главным научным достижением стало проведение под руководством В.С. Зигель возможно первого в мире клинического исследования эффективности методов Фрейда, Адлера и Дьюба при психотерапии посттравматических стрессовых расстройств, в результате которого была показана недостаточная эффективность данных методов и обоснована необходимость разработки нового психотерапевтического метода на основе психологии отношений (Слабинский, 2016, с. 286).

«Изменения в намеченной области дают возможность утверждать, что многочисленная группа психогенных заболеваний с массой промежуточных форм между болезнью и здоровьем в значительной мере формируется причинами, лежащими во взаимоотношениях индивида с социальной средой, и представляют систему действий и реакций, направленных к достижению социального равновесия личности. Отсюда непосредственно вытекает и лечебный метод, состоящий в установлении такового взаимоотношения личности и среды, где отпадала бы необходимость в создании болезненных форм борьбы за равновесие личности. Соответствие этому с половины 1920 года Институт всю свою работу производит применительно к исследованию социальной стороны заболеваний, выясняя условия возникновения и нарушения социальных взаимоотношений личности»¹⁰.

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что уже были разработаны и достаточно успешно применялись отечественные методы психотерапии перевоспитанием (Бехтерев, 1911) и арететерапия (Яроцкий, 1908), метод ортопедии отношений В.С. Зигель стал новым этапом развития Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии (Слабинский, 2025).

Выполнение одновременно двух типов задач — научных и лечебных — привело к дефициту кадров, и В.С. Зигель проявила себя как прекрасный педагог. Ею было организовано и реализовано систематическое проведение в стенах института образовательных программ не только в области психопатологии, но и в области психологии, философии и социальных наук. В результате означенных мероприятий была сформирована уникальная группа специалистов — «инструкторов по психотерапии и социальной педагогике», принимавших активное участие в научно-исследовательской деятельности института, а также выполнении работ по исследованию больных с приведением систематических записей и наблюдений, и лечебных мер¹¹.

С находившимися на лечении больными занимались, прежде всего, индивидуально, не реже трех раз в неделю от 30 мин до 1 ч. В обязанности психотерапевтического инструктора входили: 1) сбор подробного анамнеза;

⁹ Зигель В.С. Из дела от февраля 1922 г. Краткие сведения о ПТ Институте по вопросу о ...штатах и смете. (Отчет Зигель). 1922 // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-175. Д. 44. С. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

2) проведение ассоциативного эксперимента; 3) *систематические психоортопедические занятия* (курсив наш. — В.С.); 4) индивидуальные и коллективные беседы с больными для проработки вопросов социального, этнического, религиозного и прочего характера¹².

Таким образом, был завершен полный цикл разработки нового метода: ортопедия отношений не только обоснована теоретически и апробирована на практике, но и разработан образовательный стандарт метода, по которому подготовлена группа специалистов.

Также важно отметить, что В.Н. Мясищев имел возможность сотрудничать с В.С. Зигель, и это повлияло на его становление как ученого и психотерапевта-практика. Косвенно на это указывает тот факт, что в качестве основы, проводимой им, его учениками и сотрудниками в блокадном Ленинграде психотерапии Мясищев указывал «ортопедию отношений» (Слабинский, 2024).

В 1927 г. Клинический психотерапевтический институт был расформирован по причине, как тогда казалось, дезактуализации основной задачи — психотерапии нервно-психических расстройств у комбатантов¹³.

В момент увольнения В.С. Зигель свои личные приоритеты расставила следующим образом: «Свое использование нахожу наиболее целесообразным в области организации лечебной помощи психоневротикам и научно-исследовательской работе по вопросам, связанным с изучением и лечением патологической личности (психотерапия, метод условных рефлексов)»¹⁴.

Вероятно, на основе Психотерапевтической больницы была основана Клиника неврозов им. Павлова на Васильевском острове. В архиве комитета здравоохранения появляется упоминание о ней 1 декабря 1927 г.: «В помещении больницы Германского Красного Креста организуется поликлиника с нервно-психиатрическим диспансером и ночной санаторий при ней»¹⁵, которая именовалась Василеостровским малым профилакторием имени акад. И.П. Павлова. А с 1 мая 1928 г. на должность Заведующего Психотерапевтическим диспансером и ночным санаторием назначается В.С. Зигель. Позже она была переведена на должность консультанта-специалиста по психотерапии (Слабинский, 2025).

Умерла В.С. Зигель в 1934 г., похоронена на Смоленском Лютеранском кладбище, участок 3. На могиле есть эпитафия: «Большому врачу, незабвенному товарищу и другу. Сотрудники и родные».

В июле 2025 г. на модуле повышения квалификации для психологов и психотерапевтов от АНО ДПО «Петербургская школа психотерапии и психологии отношений» была поставлена аретедрама «Вера Зигель: сильная женщина в роковые времена», автор сценария и режиссер В.Ю. Слабинский

¹² Зигель В.С. Из дела от февраля 1922 г. Краткие сведения о ПТ Институте по вопросу о ... штатах и смете. (Отчет Зигель). 1922 // Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-175. Д. 44. С. 1.

¹³ Зигель В.С. Автобиография. 1927 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4301. Оп. 4. Д. 1183. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 11.

(рис. 3). Участники группы не только познакомились с биографией Веры Самойловны и обсудили перипетии ее судьбы, но и приняли участие в церемонии возложения памятного венка и приведении могилы в порядок.

Рис. 3. Фрагмент аретедрамы «Вера Зигель: сильная женщина в роковые времена»
Источник: личный архив В. Ю. Слабинского.

Figure 3. An excerpt from the aretedrama 'Vera Siegel: A Strong Woman in Fateful Times'
Source: V.Yu. Slabinsky's personal archive.

Отзыв участницы аретедрамы. «Фотография Зигель В.С. стала для меня мощным арт-объектом. Это не просто кусочек бумаги. Хотя я и бумаги-то не видела, а лишь электронную копию. Где-то слышала, что „фотография — это бумага, по всей поверхности которой лежат эмоции“. Она словно оживляет запечатленного на ней человека, возрождает время и место, где была сделана. Я пока не могу сказать, чем обернется мне встреча с этим фото. Но оно воздействовало на меня очень сильно. Наверное, это близко к тому, когда встретил своих, это какое-то внутреннее чутье, которое создает интерес, чувство сопричастности и даже родства».

Заключение

В.С. Зигель была ярким представителем выдающихся ученых, организаторов и специалистов-практиков, объединившихся вокруг академика В.М. Бехтерева в первой трети XX в. Получив блестящее образование в Швейцарии и Франции (после присуждения ей степени доктора медицины Лозаннского университета), В.С. Зигель вернулась в Россию и всю оставшуюся жизнь посвятила себя развитию отечественной психотерапии: как руководитель инсти-

туда, педагог-наставник начинающих психотерапевтов, автор метода ортопедии отношений. Ее научные разработки в области терапии военного невроза стали значимым вкладом в методологию Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии и получили свое развитие в патогенетической психотерапии и позитивной динамической психотерапии.

Список литературы

- Алексеев П.В.* Залкинд, Арон Борисович // *Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды.* 4-е издание, переработанное и дополненное. Москва. : Изд-во «Академический проект», 2002. С. 338–339. EDN: RROTZR
- Бехтерев В.М.* Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб. : Изд-во «Вестника Знания», 1911. 60 с.
- Котляров С.Н.* «Солдатское сердце»: история военных синдромов // *Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова.* 2016. Т. 24. № 2. С. 127–136. EDN: WCDTVH
- Марциновский П.Н.* Фабрично-заводская промышленность Крыма в начале XX в. // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2017. № 4 (44). С. 5–15. EDN: ZWNCSI
- Слабинский В.Ю.* Психотерапия реактивных расстройств в Петрограде в 1900–1926 гг. // *Ученые записки университета П.Ф. Лесгафта.* 2016. № 8 (138). С. 273–278. EDN: WKDVWL
- Слабинский В.Ю.* Вклад А.Ф. Лазурского в становление Петербургской (Ленинградской) школы психотерапии: к 150-летию со дня рождения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика,* 2024. Т. 21. № 3. С. 949–959. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-3-949-959> EDN: HUIZSY
- Слабинский В.Ю.* О вкладе отечественных ученых первой половины XX века в изучение посттравматического стресса // *Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика : материалы конференции.* Москва : Институт психологии РАН, 2025. С. 162–167. EDN: OWTDMR
- Эндерлайн Э.* Русские женщины в Швейцарии в XIX в. // *Российские женщины и европейская культура : материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин.* Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 71–78.
- Южанинова А.Л.* Различия в реализации принципа научной преемственности на разных этапах развития отечественной психологии // *Научные труды Московского гуманитарного университета,* 2023. № 6. С. 40–44. <http://doi.org/10.17805/trudy.2023.6.5> EDN: LNLELP
- Яроцкий А.И.* Идеализм, как физиологический фактор. Юрьев : тип. К. Маттисен, 1908. 303 с.
- Déjerine J., Gauckler E.* The psychoneuroses and their treatment by psychotherapy. Philadelphia & London : J.B Lippincott company, 1915. 421 p.
- Lewis T.* The Soldier's heart and the effort syndrome. New York : Paul B. Hoeber, 1920. 153 p.
- Neuhof S.* The irritable heart in general practice // *Archives of Internal Medicine.* 1919. Vol. 24. No. 1. P. 51–64. <https://doi.org/10.1001/archinte.1919.00090240054003>

История статьи:

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

Доработана после рецензирования 18 октября 2025 г.

Принята к печати 20 октября 2025 г.

Для цитирования:

Слабинский В.Ю. Вера Зигель — сильная женщина в роковые времена: к 140-летию со дня рождения // Вестник Российского университета дружбы народов. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2025. Т. 22. № 4. С. 795–806. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-795-806> EDN: NQMGM1

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Слабинский Владимир Юрьевич, кандидат медицинских наук, ректор, заведующий кафедрой психотерапии и клинической психологии Петербургской школы психотерапии и психологии отношений (Российская Федерация, 190031, Санкт-Петербург, пер. Спасский, д. 14). ORCID: 0000-0002-3017-1260; eLibrary SPIN-код: 7414-1390. E-mail: slabinsky@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-4-795-806

EDN: NQMGM1

UDC 159.99

Biographical article

Vera Siegel: A Strong Woman in Fateful Times. On the 140th Anniversary of Her Birth

Vladimir Yu. Slabinsky

Saint Petersburg School of Psychotherapy and Psychology of Attitudes, *St. Petersburg, Russian Federation*
✉ slabinsky@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the 140th anniversary of Vera S. Sigel (18.11.1885–20.06.1934), *Medicinae Doctor* at the University of Lausanne, Chief Physician of the Petrograd Clinical Psychotherapeutic Institute, and author of the ‘Orthopedics of Relations’ method based on the concept of ‘relationship’. The author explores the main stages of the scientist’s development: her studies at the universities in Switzerland and France, and at the Women’s Medical Institute in Russia, her work as Chief Physician, and the development of her own psychotherapeutic method.

Key words: history of psychology, psychology of relationships, history of psychotherapy, attitudes, St. Petersburg (Leningrad) school of psychotherapy, Bekhterev, Lazursky, Sigel, Myasishchev, Freud, orthopedics of relationships, military neurosis, post-traumatic stress disorder

References

- Alekseev, P.V. (2002). Zalkind, Aron Borisovich. *Russian philosophers of the 19th and 20th centuries. Biographies, ideas, and works* (4th ed.; pp. 338–339). Moscow: Academic Project Publ. (In Russ.).
- Bekhterev, V.M. (1911). *Hypnosis, suggestion and psychotherapy and their therapeutic value*. St. Petersburg: Vestnik Znaniya Publ.

- Enderline, E. (2001). Russian women in Switzerland in the 19th century. *Russian Women and European Culture. Proceedings of the 5th Conference on the Theory and History of the Women's Movement* (pp. 71–78). St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. (In Russ.).
- Déjerine, J., & Gauckler, E. (1915). *The psychoneuroses and their treatment by psychotherapy*. Philadelphia & London: J.B. Lippincott company.
- Kotlyarov, S.N. (2016). "Soldier's Heart": The history of war syndromes. *I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*, 24 (2), 127–136. (In Russ.).
- Lewis, T. (1920). *The Soldier's heart and the effort syndrome*. New York: Paul B. Hoeber.
- Martsinovskii, P.N. (2017). Factory industry of Crimea at the beginning of the 20th century. *Uchenye Zapiski. Ehlektronnyi Nauchnyi Zhurnal Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. (4), 5–15. (In Russ.).
- Neuhof, S. (1919). The irritable heart in general practice. *Archives of Internal Medicine*, 24(1), 51–64. <https://doi.org/10.1001/archinte.1919.00090240054003>
- Slabinsky, V.Yu. (2016). Psychotherapy of reactive disorders in Petrograd in 1900–1926. *Scientific notes of P.F. Lesgaft University*, (8), 273–278. (In Russ.).
- Slabinsky, V.Yu. (2024). A.F. Lazursky's Contribution to the formation of the Petersburg (Leningrad) School of Psychotherapy: On the 150th anniversary of his birth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(3), 949–959. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-3-949-959>
- Slabinsky, V.Yu. (2025). On the contribution of Russian scientists of the first half of the 20th century to the study of post-traumatic stress. *Psychology of post-traumatic stress: Methodology, theory, and practice. Conference Proceedings* (pp. 162–167). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Yuzhaninova, A.L. (2023). Differences in the implementation of the principle of scientific continuity at different stages of the development of Russian psychology. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*, (6), 40–44. (In Russ.). <http://doi.org/10.17805/trudy.2023.6.5>
- Yarotsky, A.I. (1908). *Idealism as a physiological factor*. Yuriev: K. Mattisen Publ. (In Russ.).

Article history:

Received 5 September, 2025

Revised 18, 2025

Accepted 20 October, 2025

For citation:

Slabinsky, V.Yu. (2025). Vera Siegel: A strong woman in fateful times. On the 140th anniversary of her birth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 22(4), 795–806. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2025-22-4-795-806> EDN: NQMGMI

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Vladimir Yu. Slabinsky, PhD in Medical Sciences, Rector, Head of the Department of Psychotherapy and Clinical Psychology, the St. Petersburg School of Psychotherapy and Psychology of Attitudes (14 Spassky Lane, St. Petersburg, 190031, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-3017-1260; eLibrary SPIN-code: 7414-1390. E-mail: slabinsky@yandex.ru